

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Маковцев Владимир Станиславович

**Философия позднего М.М. Бахтина.
Историко-философский анализ**

5.7.2. История философии

диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор,
Маслин Михаил Александрович

Москва – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Единство философии М.М. Бахтина	19
1.1 Эпоха М.М. Бахтина.....	19
1.2 Характеристика философии М.М. Бахтина.....	36
1.3 Место и значение философии М.М. Бахтина в русской и европейской философии.....	46
Глава 2. Периодизации творчества М.М. Бахтина	68
2.1 Общая проблема периодизации.....	68
2.2 Виды периодизации.....	77
2.3 Герменевтика Бахтина как основание структуры его философии.....	104
Глава 3. Поздний период творчества М.М. Бахтина	114
3.1 Интеллектуальная реабилитация М.М. Бахтина.....	114
3.2 Достоевский в поздний период творчества М.М. Бахтина. «Проблемы поэтики Достоевского».....	125
3.3 Наследие позднего периода творчества М.М. Бахтина. Источники и ключевые темы.....	154
Заключение	167
Список литературы	172

Введение

Актуальность темы исследования

В исследовательской литературе, посвященной изучению творчества М.М. Бахтина, нередко можно встретить тексты, в которых представляется попытка раскрыть тот или иной аспект конкретного периода творчества философа. Прежде всего это касается раннего периода творчества, что позволяет говорить о «раннем Бахтине» как о более-менее устоявшемся понятии. Чего нельзя сказать о его позднем периоде творчества. Кроме того, несмотря на имеющуюся в литературе о М.М. Бахтине дифференциацию его творчества на отдельные периоды, среди исследователей нет четкого представления о самой периодизации, без чего представляется затруднительным говорить с должной строгостью о том или ином периоде творчества философа. Отметим также и отсутствие единства понимания в отношении того качественного содержания самого наследия М.М. Бахтина: для одних он представляется литературоведом, для других культурологом, и, наконец, для третьих – собственно философом. При этом, если и считать его философом, то остается открытым вопрос: поскольку русская философия – это еще и определенная интеллектуальная традиции, представителем какой из них является М.М. Бахтин? И самое главное: каково содержание этой философии и можем ли мы говорить о единстве философской мысли М.М. Бахтина, разворачивающейся на протяжении всего его творчества? Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью поднять, прояснить и решить представленные проблемы. Кроме этого, актуальность темы исследования обусловлена состоянием историко-философской рефлексии в отношении истории философии Советского периода истории русской философии, представляющий исторический и социокультурный интерес. В условиях современного исторического контекста, при котором русская философия как часть русской культуры нуждается в осмыслении, обращение к философии М.М. Бахтина, как к одному из ярких русских философов, получившему мировое

признание, кажется особо важным. Обращение к философии М.М. Бахтина позволяет расширить представление о русской философии советского периода. Актуальность обращения к позднему периоду философии М.М. Бахтина, кроме того, что эта область исследования к настоящему не только не освещена должным образом, но и не была проблематизирована, заключается в том, что именно в поздний период философия М.М. Бахтина достигает органичного и логического завершения, что сопровождалось одновременно и с мировым признанием М.М. Бахтина в качестве одного из крупнейших исследователей художественной литературы. Все это позволяет говорить о наследии М.М. Бахтина как самостоятельном, целостном философском феномене.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования является позднее творчество М.М. Бахтина, включающее в себя как изданные сочинения, так и архивные материалы, в том числе переписку, хранящуюся в архиве Бахтина в Отделе рукописей РГБ. Предметом исследования является поздний период творчества М.М. Бахтина, поднимаемый как в контексте биографии, так и философского творчества М.М. Бахтина.

Характеристика источников и степень разработанности темы.

Несмотря на обилие работ, имеющихся вокруг творчества и жизненных обстоятельств М.М. Бахтина, существует ряд проблем, которые не только не были решены, но и не были поставлены. К числу таких тем относится поздний период творчества философа. Работ, посвященных позднему творчеству Бахтину, тем более понимаемых, в контексте философского содержания, к настоящему моменту нет. Большинство исследований касается осмысления отдельных аспектов творчества, – имеется ряд работ, посвященных этике, эстетике, онтологии, герменевтике и т.д. – либо отдельно взятым концепциям, – диалог, карнавал, хронотоп. Работы компаративистского характера, связывающие философию Бахтина с идеями как отечественных, так и западных философов. Также стоит выделить исследований, в рамках которых если не решается, то

намечается попытка говорить о единстве и целостности философии Бахтина. Отметим, что имеются работы, так или иначе затрагивающих раннее творчество М.М. Бахтина, при этом осмысливая период не как целое, но в контексте конкретных идей мыслителя. Ключевым недостатком таких работ является отсутствие проблематизации периодизации творчества М.М. Бахтина. Тем не менее, в исследовательской литературе «ранний Бахтин», более или менее обозначен, и является устоявшимся значением, что, кроме прочего, обусловлено тем, что именно в ранний период был заложен интеллектуальный фундамент, раскрывшийся и преобразившийся в иных местах в последующие периоды творчества. Поздний период творчества при этом не конкретизируется и не проблематизируется.

Необходимость же этого обусловлена рядом причин. Именно на поздний период приходится «творческая реабилитация» Бахтина, когда его, почти забытого, провинциального преподавателя, в начале 1960-х гг. находит группа московских филологов, высоко оценившая книгу «Проблемы творчества Достоевского», изданную в конце 1920-х гг. Во многом благодаря их усилиям, и прежде всего В. Кожина, выходит в свет второе издание книги о Достоевском, переработанном и дополненном, а после и ряд других текстов, в том числе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Как в случае с книгой о Достоевском, ключевые темы книги о Рабле созрели задолго до публикации, что позволяет говорить о позднем периоде творчества Бахтина как об определенном рода возвращении. Параллельно с этим на Западе нарастает интерес к России, русской культуре. Итальянский славист В. Страда, готовивший полное собрание сочинений Достоевского, обратился в начале 1961 г. к Бахтину с просьбой написать к этому собранию предисловие. В марте 1961 г. Бахтин получает официальное письмо¹ от итальянского издательства Giulio Einaudi Editore о предложении публикации предисловия к сочинениям

---

¹ Письмо к М.М. Бахтину от итальянского издательства Giulio Einaudi Editore. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 8, к. 14. л. 1.

Достоевского. В сентябре 1961 г. из второго письма от издательства становится ясно, что речь идет о переиздании и переработке книги о Достоевском, которую предполагалось издать отдельной книгой¹. Таким образом исторически верным было бы заметить, что второе издание книги о Достоевском изначально предполагалось как первая публикация сочинений Бахтина за пределами России. Прояснение этих обстоятельств, а также раскрытие философского содержания работ М.М. Бахтина его позднего периода к настоящему моменту не было не только решено, но и не было поставлено в качестве проблемы. Наше исследование предлагает модель постановки и решения представленной проблемы.

Другая причина обращения к позднему периоду М.М. Бахтина – собственно философская. Ключевые тексты позднего периода – книги о Достоевском и Рабле, – только по внешней видимости являются вторым изданием ранее вышедших книг. Фактически перед нами другие книги, и прежде всего это касается книги о Достоевском. Однако к ним наследие позднего М.М. Бахтина не сводится. Есть ряд текстов, которые долгое время не вызывали должного интереса со стороны исследователей, пытавшихся поставить и решить вопрос о содержании позднего периода творчества М.М. Бахтина. Речь прежде всего идет о «Рабочих записях конца 1960-х – начала 1970-х гг.», потенциал которых способен раскрыть пред нами внутреннюю лабораторию философии М.М. Бахтина позднего периода. Анализ позднего периода М.М. Бахтина позволит прийти к выводу, что в этот период философия М.М. Бахтина достигает органической внутренней целостности, позволяющей увидеть наследие М.М. Бахтина в его единстве, если не сказать системности.

Понятие позднего периода творчества Бахтина (1960-е годы вплоть до 1975 года) в контексте его органической связи как со всем корпусом наследия мыслителя, так и с той огромной ролью, которую имело для него творчество Ф.М. Достоевского, является определяющим смысловым стержнем всего творчества

---

¹ Письмо к М.М. Бахтину от итальянского издательства Giulio Einaudi Editore. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 8, к. 14. л.2

Бахтина. При этом надо заметить, что в исследовательской литературе нет специальных работ, поднимающих столь существенную тему. Значительная часть имеющихся исследований отражает филологический и литературоведческий аспекты творчества Бахтина, что зауживает интеллектуальный потенциал наследия Бахтина. Подобный литературоведческий и культурологический крен в бахтиноведении ограничивает несомненную устремленность творчества Бахтина как уникального достоевсковеда, к широкому пространству русской и мировой философской мысли. Также отметим, что большую часть работ о Бахтине составляют статьи, которые не ставят своей целью проведение целостного исследования философских основ его текстов. Несмотря на многообразие работ о Бахтине на русском и иностранных языках, как правило, они ограничиваются отдельно взятыми моментами жизни или творчества.

При жизни М.М. Бахтин долгое время был известен как автор «Проблем творчества Достоевского» (1929 г.). При этом известность его была ограничена узким кругом специалистов, в числе которых в 1950-е гг. оказались и группа московских филологов. Лишь в 1960-е гг. книга о Достоевском, будучи переработанной и дополненной, становится известной широкой публике. И вслед за ней – «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», а также ряд статей, затрагивающих теоретические проблемы литературы. Это обусловило то обстоятельство, при котором творчество Бахтина некоторое время рассматривалось в контексте литературоведения и филологической науки в целом. Философский пафос его работ, конечно, был замечен, но не являлся центральным в осмыслении его творчества. Вопрос о том, философ ли Бахтин или литературовед, открыт и в настоящее время, и ответ на него во многом зависит не только от содержания его творчества, но и от методологических позиций исследователей.

Только в 2012 г. корпус текстов М.М. Бахтина стал доступен широкому читателю: были опубликованы ранее не изданные работы, а также рабочие записи, черновики и варианты отдельных глав книг. В контексте исследования творчества

М.М. Бахтина поздние записи не получили еще должного внимания со стороны исследователей, и прежде всего в контексте философского осмысления. Очевидно, эти тексты позволяют прояснить уже сказанное Бахтиным, то есть прояснить и связать в единое целое корпус текстов Бахтина, вычленив в них смысловое начало, ядро. С другой стороны, они представляют самостоятельный интерес, как в случае «Рабочих записей», опубликованных в шестом томе собраний сочинений М.М. Бахтина. Очевидно, говоря о позднем периоде М.М. Бахтина, перед нами стоит задача раскрыть концептуальное содержание позднего творчества в единстве его философской мысли. Результатом анализа позднего наследия мыслителя должна явиться не только концептуализация тем и идей данного периода, но и через их связь с предшествующими идеями перед нами должна раскрыться общая структура философского мышления Бахтина. Последняя, по нашему убеждению, достигает своей полноты именно в поздний период творчества.

Активное обращение к изучению наследия М.М. Бахтина начинается еще при жизни мыслителя, а именно в поздний период его творчества, – творчество Бахтина впервые обращает на себя внимание широкой интеллектуальной публики, и получает общественное признание, прежде всего со стороны литературоведов. Осмысление Бахтина как философа приходит позже, начиная с 1980-х годов, примером чего является вышедший сборник работ «Бахтин как философ»¹. В нем под одной обложкой объединены усилия литературоведов, культурологов, философов в попытке интерпретировать философию М.М. Бахтина. Отметим, что в основном работы о нем посвящаются частным философским сюжетам. Это позволяет нам утверждать, что на сегодняшний момент нет исследований, в которых бы специально поднималась и решалась проблема целостного освещения позднего философского творчества М.М. Бахтина. Тем не менее одним из первых исследователей, кто вводит в дискурс

---

¹ М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.– М.: Наука, 1992.

проблему единства бахтинской мысли, был М.Л. Гаспаров. Однако он интерпретировал эту проблему в негативном ключе, полагая, что «*органическая цельность бахтинского мировоззрения* оказалась раздроблена на отдельные положения: о диалоге, о смеховой культуре и пр.»¹ (курсив наш – В.М.). В нашем исследовании мы покажем, что декларируемая раздробленность есть следствие отсутствия должного отношения к наследию Бахтина, которое следует понимать как философское по преимуществу. М.Л. Гаспаров смотрел на М.М. Бахтина как на литературоведа, и не без оснований считал его «выдумщиком», однако допускал ошибку, видя в нем только литературоведа. В.С. Библеру принадлежит первая и единственная в философском значении русскоязычная биография М.М. Бахтина, в которой также ставится вопрос о целостном понимании философии Бахтина². Без этой целостности его философия превращается в разрозненную цепь идей, лишенную какой-либо последовательности и определенности. Разговор о философии Бахтина в ее актуальной форме предполагает выделение определенного начала, из которого исходит мыслитель в каждый отдельно взятый момент творчества – того, что В.С. Библер назвал смысловым «подтекстом». В.С. Библер был едва ли не первым, кто отметил способность «Бахтина входить в самый глубокий подтекст человеческого творчества»³, тем самым сняв проблему преимущественно литературоведческого истока творчества М.М. Бахтина: «книги Бахтина стали серьезнейшим культурным событием, во многом определяющим направление мысли самых различных теоретиков в самых различных сферах исследования: в философии, лингвистике, искусствознании, логике...»⁴. Интересной и глубокой представляется попытка эксплицировать и обосновать органическое единство мысли Бахтина у исследователей, положительно отвечавших на вопрос о наличии такого единства в философии Бахтина. Л.Г.

---

¹ Гаспаров М.Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века. // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2. С. 35

² Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

³ Библер В. С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., Политиздат, 1975. С. 7

⁴ Там же.

Гоготишвили представила попытку отыскать «контуры общеконцептуальной основы бахтинской позиции», «найти тот стержень, на который можно было бы «нанизать» все многообразие бахтинских тем и который позволил бы свести мозаичность восприятия Бахтина, вызванную преимущественным вниманием к какой-либо одной его теме или книге, к единой картине»¹. Решая эту задачу, Л.Г. Гоготишвили приходит к весьма спорному пониманию Бахтина как религиозного мыслителя. Недостаточную убедительность тезиса о религиозном первоисточнике философии Бахтина отмечает по-своему и сама Л.Г. Гоготишвили: «Бахтин отрицал возможность полного, адекватного и однозначного воплощения религиозной истины в какой-либо устойчивой, созданной человеком картине мира, в какой-либо затвердевшей языковой форме (возможность этого есть для него тезис монологический), но это отнюдь не означает отрицания самого существования такой истины. Здесь уже начинается конфессиональная проблематика, которая в бахтинистике остается до сих пор не только не решенной, но даже практически и не осознанной. Оставим эту область, и мы»². Н.Д. Тамарченко в исследовании ««Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция» ставит вопрос о внутренней целостности наследия Бахтина следующим образом. Она справедливо отмечает, что «основные исследования Бахтина относятся к области именно так понятой научной дисциплины, границы которой очерчены, с одной стороны, философией, с другой, – лингвистикой. Но представляют ли они собою некоторое единство идей и понятий? И каким образом организовано это неэксплицированное единство, если оно действительно существует?»³ Н.Д. Тамарченко исходит из положения, что единство творчества М.М. Бахтина может быть раскрыто «лишь на основе изучения его научного языка как системы

---

¹ Гоготишвили Л.Г. Варианты и инварианты М. М. Бахтина. // // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2. С. 99

² Гоготишвили Л.Г. Варианты и инварианты М. М. Бахтина. // // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2. С.123

³ Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция – М.: Изд-во Кулагиной, 2011. С. 27

понятий»¹, при этом отмечается, проблематичность научного языка Бахтина как такового, ввиду присущей ему нестрогости, образности и метафоричности. Мы не можем согласиться с подобной позицией. Разумеется, интерпретация текстов Бахтина требует применения определенных герменевтических процедур, связанных прежде всего, с анализом их конкретного смыслового и понятийного наполнения. Однако метафоричность основных научных концептов и образов Бахтина трактуется здесь в духе, несовместимом с рациональным содержанием. В этом случае возникает возможность их произвольной трактовки, больше отражающей фантазию интерпретатора. Причем такую опасность сознает и сам автор данной концепции: «ведь расшифровка таких “символов” целиком и полностью зависит от собственных задач интерпретатора и от его изобретательности»². Здесь мы видим столкновение двух противоположных концепций творчества Бахтина. Одна из них акцентирует его художественную образность и литературоцентризм, а вторая – чрезмерно рационализирует тексты мыслителя, представляя их чем-то вроде религиозно-философских трактатов. Здесь было бы уместно процитировать слова В. Подороги: «Надо признать, что в последние десятилетия отечественное литературоведение за редким исключением так и не вышло на уровень 20-30 годов, и главная причина – специализация методов и областей исследования и какой-то обновленный научный “антиинтеллектуализм”»³. Подобно тому, как для Бахтина было недостаточно литературоведческих установок в изучении творчества Достоевского, так и для изучения творчества самого Бахтина явно недостаточен литературоведческий подход, тем более не отличающийся интеллектуальной новизной. В этой связи становится понятной необходимость применения историко-философского подхода. При этом, разумеется, речь не идет о представлении взглядов Бахтина в

---

¹ Там же. С. 28

² Тмарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция – М.: Изд-во Кулагиной, 2011. С. 28

³ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019. С. 236

виде некоей философской системы, но о принципиальной возможности рассматривать его воззрения как философские по преимуществу. Такой метод, согласно убеждению автора настоящего диссертационного исследования, позволяет рассматривать тексты Бахтина, разворачивающиеся с явной полнотой в поздний период, выработать наиболее адекватный герменевтический подход к творчеству мыслителя, способствующий выявлению философских начал его творчества.

Цель диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования сосредоточена в раскрытии содержания позднего периода творчества М.М. Бахтина (с начала 1960-х – до 1975 г.), понимаемого как сложное, многоуровневое явление, собирающее в себе как историческую, биографическую проблематику, так и философское содержание наследия М.М. Бахтина. В выявлении обстоятельств, повлиявшие на «интеллектуальную реабилитацию» М.М. Бахтина в поздний период творчества, а также вскрыть внутреннее содержание позднего периода творчества Бахтина в контексте целостного понимания его философии.

Задачи исследования:

1. Раскрыть смысловое и ценностное содержание позднего периода творчества М.М. Бахтина, связав его в единстве с целостным пониманием философии М.М. Бахтина.
2. Прояснить ключевые моменты биографии М.М. Бахтина, повлиявшие на его «интеллектуальную реабилитацию», на прижизненное признание, а также на интерес к М.М. Бахтину со стороны западных исследователей.
3. Расширить представление о философии позднего периода М.М. Бахтина, введя в научный дискурс понятия и концепты позднего периода творчества мыслителя, не нашедших к настоящему моменты историко-философского осмысления.
4. Проанализировать содержание наследия М.М. Бахтина в качестве философского по преимуществу, вычленив философское ядро, вокруг которого

разворачиваются ключевые идеи и концепты, подчиненные определенному внутреннему единству. Согласно концепции автора, данное смысловое единство выявляется посредством предложенной им герменевтической реконструкции философии М.М. Бахтина позднего периода.

5. Сформировать целостное представление о философии Бахтина, обосновать специфику его философского творчества, показав принципиальную несводимость его содержания к совокупности понятий научного литературоведения.

Научная новизна исследования

1. Впервые в исследовательской литературе определяются содержание и смысловые границы понятия «позднее творчество М.М. Бахтина» в контексте единства и целостности его творческого наследия. Вводится понятие «полифоническая герменевтика», характеризующее позднее творчество М.М. Бахтина.

2. Раскрыто формирование «интеллектуальной реабилитации» М.М. Бахтина, а также последующей его мировой известности.

3. В работе впервые критически осмыслены имеющиеся к настоящему моменту источники, поднимающих в своих исследованиях проблему наличия философского единства и целостность философии М.М. Бахтина, что в свою очередь намечает перспективу нового поворота в бахтиноведении.

4. Оригинально показано решающее значение наследия Ф.М. Достоевского в качестве основополагающего источника для философии М.М. Бахтина и формирования целостности его мировоззрения.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В литературе, посвященной М.М. Бахтину, если и затрагивается проблема позднего творчества, то не выходит на уровень осмысления данного периода в контексте всего наследия М.М. Бахтина. Представленное диссертационное исследование является целостным осмыслением наследия М.М. Бахтина, позволяющим говорить о наследии М.М. Бахтина как о философском по

преимуществу. При этом делается акцент на позднем периоде, в котором с одной стороны мысль Бахтина достигает зрелости и признания, с другой же выходит к перспективным проблемам, ждущим своего дальнейшего развития. Данное исследование по мнению автора позволяет наметить новый подход в бахтиноведении, обратиться не столько к известным концептам, определившим «научный словарь Бахтина», сколько к новым, являющимся содержанием позднего периода его творчества, и при этом органично связанным с целостностью философии. Кроме этого, в диссертации впервые ставится проблема периодизации творчества М.М. Бахтина, что может стать основанием для дальнейших исследований, в рамках которых проясняется содержание отдельных периодов творчества М.М. Бахтина. Практическое значение диссертации состоит в возможности быть использованной при подготовке общих и специальных курсов по истории русской философии.

Источниковая и методологическая основа исследования

В основе исследования лежат сочинения М.М. Бахтина, черновые наброски и варианты работ, записи, рабочие записи, а также письма и архивные материалы. Также в основу исследования включен ряд работ, посвященных изучению творчества М.М. Бахтина, в том числе на английском языке. Кроме того, немаловажное значение уделено работам, включающим те или иные качественные оценки творчества М.М. Бахтина. Методологической основой диссертации являются ключевые принципы исследования историко-философской науки. Ряд проблем в области изучения творчества Бахтина решается с привлечением архивных материалов, писем. При постановке проблемы периодизации творчества в диссертационном исследовании учитывалась как хронологическая периодизация творчества, так и концептуальная, что позволило более остро указать на наличие проблем в данной области, преследуя две ключевые цели: показать и раскрыть содержание единства философии Бахтина, а также проблематизировать «поздний период» творчества Бахтина в качестве

исторической единицы. Учитывая характер творчества Бахтина, в нашем исследовании также применяется герменевтический метод, позволяющий рассматривать идеи и концепты М.М. Бахтина в едином контексте русской философской мысли и европейской интеллектуальной традиции.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Начало позднего периода М.М. Бахтина связано с изданием «Проблем поэтики Достоевского» (1963 г.). Именно с изданием этого сочинения начинается «интеллектуальная реабилитация» М.М. Бахтина, способствовавшая выходу из почти тридцатилетнего забвения и последующему признанию. При этом имеются несколько параллельных линий, оспаривающих роль первенства в «открытии Бахтина» – В. Страда, Ю. Кристева и группа московских филологов. Группа московских филологов сыграла решающую роль в издании сочинений М.М. Бахтина и как следствие в его последующей «интеллектуальной реабилитации», приведшей к признанию творчества М.М. Бахтина.
2. Творчество М.М. Бахтина, взятое как целое, представляется как разнородное и по внешним признакам лишенным какого бы то ни было ясного центра, что позволяло бы говорить о внутренней систематичности его творчества. Основным же предметом его исследований, благодаря которому он стал известен при жизни, является художественная литература, что оставляет открытым вопрос: М.М. Бахтин философ или литературовед? Имеются веские основания, позволяющие говорить о его творчестве как органически целостной и завершенной философии, а не только об отдельных философских элементах его наследия. Основным стержнем, связующем в единство его философию является идея принципиальной незавершенности, открытости и становления ключевых идей, поднимаемых М.М. Бахтиным на протяжении всего своего творчества, а также внутренняя созависимость этих идей, достигающая в поздний период творчества органической завершенности в «Проблемах поэтики Достоевского».

3. В связи с вышеуказанным обстоятельством, выводится положение, что предметом философского мышления М.М. Бахтина является художественная литература, одним из центральных моментов которой является творчество Ф.М. Достоевского, олицетворяющего для М.М. Бахтина вершину романного жанра и, как следствие, литературы как целого. Это положение позволяет говорить о литературософском характере философии М.М. Бахтина, объясняющееся тем, что, ставя перед собой по внешней видимости задачи литературоведческого характера, тексты М.М. Бахтина с трудом удерживаются в рамках научного литературоведения, и в них мы часто встречаемся с исключительно философскими категориями, многие из которых были введены научный оборот самими М.М. Бахтины (поступок, не-алиби в бытии, Другой, диалог, карнавал, смеховое начало человека, хронотоп и пр.). Это обстоятельство кроме прочего превосходит классическое понимание философской герменевтики, нацеленной на конструирование правил правильно понимания текста.
4. Одним из главных сочинений позднего периода М.М. Бахтина является «Проблемы поэтики Достоевского». При этом идеи, поднимаемые в сочинении, осмысливаются нами в контексте всего наследия М.М. Бахтина, позволяя говорить, что именно в этом сочинении философия М.М. Бахтина достигает внутреннего единства, что в свою очередь позволяет нам выдвинуть тезис, что именно творчество Ф.М. Достоевского для философии М.М. Бахтина является центральным моментом. В этом сочинении содержатся и ранние идеи М.М. Бахтина, связанные с философией поступка, философией диалога, а также более поздние идеи: идеи жанра романа, философии слова, карнавальной культуры, идеи серьезности, разрабатываемые М.М. Бахтиным в ряде сочинений, не имеющих по внешним признакам никакого отношения к творчеству Ф.М. Достоевского. Подтверждается это и тем, что несмотря на то, что «Проблемы поэтики Достоевского» и является центральным сочинением М.М. Бахтина о Ф.М.

Достоевском, существует ряд других текстов М.М. Бахтина о русском писателе, позволяющие нам расширить представление о роле Ф.М. Достоевского в философии М.М. Бахтина.

Апробация диссертации.

По теме диссертационного исследования автором были опубликованы статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, (по философским наукам):

1. Маковцев В.С. Феномен молчания в позднем творчестве М. М. Бахтина // Вестник РХГА. – 2021. – Т. 22. Вып. 1. – С. 358-369.

2. Маковцев В.С. К вопросу о целостном образе философии Михаила Бахтина в отечественном бахтиноведении. // Вестник ВГУ, серия философия. – 2021. – Т.2. – С. 155-161

3. Ф. М. Достоевский как предмет герменевтики М. М. Бахтина. Вестник Воронежского государственного университета, серия Философия. 2022. № 1. С. 82-88

4. Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина. Вестник Томского государственного университета. 2022. №478. С. 44-49

Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, были представлены на региональных и международных конференциях:

1. Маковцев В.С. Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина (Устный доклад). «Потенциальная бесконечность диалога». К 200-летию со дня рождения Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) и 155-летию публикации романа «Преступление и наказание», Москва, Россия, 2-3 декабря 2021

2. Маковцев В.С. Ф.М. Достоевский в судьбе и наследии М.М. Бахтина (Устный доклад). Международная научная конференция «Достоевский в мировой и русской философской мысли: предвестие герменевтики и экзистенциальной аналитики», Томск, Россия, 17-19 июня 2021

3. Маковцев В.С. Образ понимания в герменевтике Х.-Г. Гадамера и диалогизме М.М. Бахтина (Устный доклад). XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов 2021", МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 12-23 апреля 2021

4. Маковцев В.С. Разноликость философского феномена М. М. Бахтина (Устный доклад). XXIII научно-практическая конференция молодых ученых Modernity: человек и культура, Санкт-Петербург, Россия, 17-18 декабря 2020

5. Маковцев В.С. Молчание в философии М.М. Бахтина. Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».

6. Маковцев В.С. Молчание как форма события Другого. 8-я ежегодная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2019", МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Россия, 2-6 декабря 2019

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Единство философии М.М. Бахтина.

1.1 Эпоха М.М. Бахтина.

Во введении мы подчеркивали тесную связь между поздним творчеством Бахтина, и его ранними периодами. Это несколько очевидное заявление в контексте изучения творчества Бахтина обусловлено не только тем, что оно принадлежит одному автору. Единство это органичное и концептуальное. При этом философия Бахтина – процесс не линейный, и о ней трудно говорить в терминах эволюции. Но она и не дискретная, не является совокупностью разных текстов, связанных только именем их автора. Однако прежде, чем перейти к позднему периоду, именно силу выше указанных обстоятельств, нам необходимо прояснить в общих чертах время Бахтина, в пространстве которого его мысль созревала, крепла и нашла свое предельное воплощение в поздний период творчества. Очевидно, что без прояснения этого не представляется возможным говорить о позднем творчестве М.М. Бахтина, что и составляет непосредственный предмет нашего исследования. Для прояснения же содержания мы прежде всего хотели бы обратить внимание на саму эпоху, на которую приходится творчество нашего автора. Но прежде мы хотели бы обозначить в сжатом виде ключевые моменты биографии философа, акцентируя внимание на текстах и ключевых идеях, и постараемся избежать освещения биографических сведений если они прямо не касаются непосредственно стоящей перед нами задачи, и сосредоточимся на текстах, содержащихся в них ключевых идеях, что впоследствии станет для нас основанием для прояснения содержания позднего творчества М.М. Бахтина.

Родившись в 1895 г. в Орле, М.М. Бахтин принадлежит к тому ряду русских мыслителей, которых условно можно назвать последними представителями дореволюционной интеллектуальной культуры. В беседах с В.Д. Дувакиным, М.М. Бахтин говорит, что родился в «семье дворянской и очень древней»¹, однако

---

¹ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. С. 17

по имеющимся документам М.М. Бахтин значится сыном орловского мещанина М.Н. Бахтина, «а последний – орловским купеческим сыном»¹. Он был на два года моложе А.Ф. Лосева, творчество которого также можно охарактеризовать, пусть и опосредовано, принадлежащим к наследию дореволюционной культуры. Скажем, Н.К. Бонецкая отмечает, что Бахтин принадлежит к «постсимволистскому периоду культуры Серебряного века»², что в лучшем случае верно исключительно хронологически. Насколько же уместно говорить о постсимволизме Бахтина, – вопрос спорный и открытый: нет оснований отрицать влияние на формирование мысли Бахтина идей Вяч. Иванова, как одно из крупнейших символистов, однако является ли это основанием для преемственности и возможности говорить о философии Бахтина как форме преодоленного символизма, – ответ на этот вопрос скорее отрицательный, чем положительный.

В 1913-1918 гг. посещает занятия в Новороссийском (Одесском) и Петроградском университетах. В 1918 г. переезжает в Невель, где складывается кружок друзей-единомышленников – «кантовский семинар», в которых входят поэт и музыковед В.Н. Волошинов, философ, литературовед Л. В. Пумпянский, пианистка М.В. Юдина, поэт, скульптор Б. М. Зубакин, философ М.И. Каган. Кроме всего прочего, здесь, по предположению С.Г. Бочарова, зародилось ядро ключевой работы Бахтина – книги о Достоевском: в невельском кружке обсуждались проблемы творчества Достоевского, и «роль М.М. Бахтина на этих обсуждениях представляется центральной. Невельские материалы говорят об основополагающем значении для группы имени Вячеслава Иванова как составившем особый этап в эволюции символической эстетике»³.

---

¹ Там же. С. 283

² Бонецкая Н.К. М.М. Бахтин (статья для энциклопедии «Культурология»). // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 57

³ Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина. // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. Ред и сост. В.Л. Махлин. – М.: Языки славянских культуры, 2004. С. 282

В 1920 г. Бахтин переезжает в Витебск, где преподает всеобщую литературу. Вокруг Бахтина продолжает складываться кружок, куда теперь входят кроме Л.В. Пумпянского и В.Н. Волошинова критик и литературовед П.Н. Медведев и музыковед И.И. Соллертинский. В этот период закладывается основание дальнейшего развития философии Бахтина, в которых поднимается ряд вопросов, придавших «жизни Бахтина характер поиска», а именно в таких текстах, как «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Субъект нравственности и субъект права». Ключевым в этом ряду текстов является «К философии поступка». Написанный в первой половине 1920-х гг.¹ текст был долгое время не известен, при жизни Бахтина не публиковался, и впервые стал известен широкой публике узких специалистов только в 1986 г., когда фрагменты данной рукописи были опубликованы во втором номере журнала «Социологические исследования»². Работа Бахтина «своей критической стороной направлена против “рокового” теоретизма прежней философии, где нет места бытию единственного человека, поглощаемого идеей всеобщего, абстрактного единства»³, что в известном смысле сближает Бахтина с ключевыми представителями русской мысли, критически относящихся к рассудочной философии.

В том же году текст был полностью опубликован в ежегоднике «Философия и социология науки и техники». Бахтин преследует цель создать «первую философию», и одной из главных целей которой – утверждение связи между теоретическим миром идей и жизнью самого познающего, жизнью человека, иными словами, преодолеть одну из ключевых проблем философии, разрыв

---

¹ Параллельно с этим текстом вызревает и строится текст «Проблемы творчества Достоевского», – это важно отметить в контексте последующего обоснования органичного единства философии Бахтина, достигшей в поздний период творчества той логичной полноты, которая и позволяет говорить об уникальном характере его философии.

² Подобное обстоятельство сталкивает нас с удивительной ситуацией, при которой ценностное содержание текстов раннего периода проясняется через более ранние тексты. Однако и последние не могут быть полноценно поняты, будучи вычлененными из контекста текстов позднего периода. Обоснования этого обстоятельства, являющимся одной из характеристик позднего периода творчества, будут встречаться в тексте исследования, и достигнут полноценного осмысления в отдельных местах.

³ Волкова Е.В. Встреча искусства с эстетикой. О философских проблемах диалога искусства и эстетики в XX веке. – М.: Современные тетради, 2005. С. 136

между познанием и реальностью. Ключевая идея – это поступок. Как отмечает А.А. Гусейнов, Бахтин «подходит к поступку философски, в известном смысле впервые вводит это понятие в философию и уже совершенно достоверно впервые помещает его в начало и центр философии»¹. Им может быть как отдельная мысль, слово, так и вся жизнь человека в целом. Особенностью его является долженствование, вопрос же о том, перед кем или чем долженствует поступок прямо не раскрывается. Важно лишь заметить определенную дихотомию, конструирующую единство и неразрывность бытия, которая будет прослеживаться в творчестве Бахтина и в ряде других, в том числе ключевых работах, о чем будет сказано ниже. Важность этой работы с точки зрения исследования единства философии Бахтина в том, что последующие его работы оказываются своего рода раскрытием изначальных идей и интуиций, сосредоточенных в трактате «К философии поступка». Последующие работы, прочитанные вне этого контекста, слишком обедняют общее понимание философии Бахтина. Вероятнее всего, именно в силу этого факта идеи Бахтина, воспринимающиеся в плоскости узкого литературоведения, воспринимались с изрядной долей критики в его адрес со стороны академического сообщества. Другая важная идея, мелькающая в этот ранний период, но также разворачивающаяся в контексте дальнейших философских поисков Бахтина, это идея автора. По мысли Н.К. Бонецкой, «автор – это центр, сердце бахтинской философской антропологии; он трактуется Бахтиным одновременно – и как жизненное, и как эстетическое понятие»², и без этого не может быть прояснено в дальнейшем с должной полной и глубиной понимание Другого, и вместе с тем диалога, являющегося и формой поступка. По отношению к автору Другой выступает прежде всего как герой и слушатель, как отмечает та же Н.К. Бонецкая,

---

¹ Гусейнов А.А. М.М. Бахтин: нравственная философия поступка. // М. М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25-26 нояб. 2015 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 6

² Бонецкая Н.К. Проблема авторства в трудах М.М. Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 71

но мы же могли бы добавить исходя из перспективы диалогизма, а также имманентно разрабатываемой М.М. Бахтиным герменевтики, проясняющейся с большей яркостью в его позднем творчестве, что здесь же мелькает и активная роль читателя, сталкивающаяся с автором в пространстве «большого времени» в том пространстве между двумя Я, который можно с полным правом назвать пространством понимания. Однако более детальный обзор позднего творчества М.М. Бахтина будет в соответствующих главах, здесь же мы намечаем общими контурами концептуальное содержание и исток его в дальнейшем разрабатываемых идей.

В период между 1918 – 1924 гг. Бахтин пишет ряд работ, которые скорее всего носят черновой характер, и при этом, как отмечают К. Кларк и М. Холквист, эти тексты «не кажутся фрагментами разных работ». Но более вероятно, что «они суть различные попытки написать одну и ту же книгу, которую Бахтин не озаглавил», и, как отмечают исследователи, условное название такой книги «Архитектоника ответственности», что позволяет предположить, что подобный замысел вытекает из обозначенного выше неоконченного трактата «К философии поступка», поскольку одной из ключевых особенностей поступка является его долженствование, которое вполне уместно понимать и как ответственность. Учитывая, как было отмечено выше, что долженствование поступка в неоконченном трактате концептуально не проработано, вывод кажется более, чем очевидным.

В 1924 году переезжает в Ленинград, где в число его круга так же вошли биолог И.И. Канаев, востоковед Н.И. Конрад, поэт и писатель К.К. Вагинов, индолог М.И. Тубянский, инженер-геолог В. В. Залесский. К этому периоду относятся ряд спорных текстов Бахтина. Статья «Ученый сальеризм» вышла под именем П.Н. Медведева. «По ту сторону социального» под именем В.Н. Волошинова. «Современный витализм» под именем И.И. Канаева. «Слово в жизни и слово в поэзии» под именем В.Н. Волошинова. Книга «Фрейдизм. Критический очерк», опубликованная под именем В.Н. Волошинова. «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в

социологическую поэтику» под именем П.Н. Медведева. Эти тексты принято называть спорными, поскольку окончательно их подлинное авторство не установлено. Принято считать, что Бахтин, желая опубликовать свои тексты, отдал их ближайшим друзьям, поскольку под их именами публикация подобных текстов прошла бы успешнее. Также устоявшимся считается и то, что в «кругу Бахтина», к которому относятся указанные авторы, мысли и идеи были общими, обсуждение носило творческий, диалогический характер, и окончательное формальное авторство просто ускользает из внимания при таком подходе. В любом случае, как отмечают комментаторы к текстовой версии бесед Бахтина с В.Д. Дувакиным, «авторское участие Бахтина в написании этих работ подтверждается многими свидетельствами и может быть признано несомненным»¹, поэтому вопрос относительно спорных текстов это скорее вопрос о степени участия Бахтина в их написании. На это обращает внимание Н.Л. Васильев, говоря, что если ранее «высказывалось пожелание считать проблему принципиально авторства спорных текстов не решаемой, то теперь же «большинство исследователей предпочитают говорить о содружестве разноплановых ученых, в котором рождались те или иные идеи, тексты, избегая какой-либо категоричности в этом вопросе, а иногда и с раздражением воспринимая прежние попытки приписать исключительное авторство «спорных текстов» Бахтину»². Исходя из этого наиболее рациональной позицией в этом вопросе для нас выступает тот факт, что перед нами стоит главная задача – осветить позднее творчество философа, останавливаясь и проясняя раннее лишь в той мере, в которой это важно для изначального замысла. В этом смысле, вопрос об авторстве спорных текстов решается для нас функционально, что в известном смысле вполне оправдано, хотя и не исключает такой подход необходимости приписывать номинальное авторство текстов.

---

¹ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: «Прогресс», 1996. С. 293

² Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «Спорных текстов» в российской бахтинистике (М. М. Бахтин и его соавторы) // ИТС. 2003. №3. / С. 129

В 1927 г. Бахтина арестовывают по обвинению в «контрреволюционной деятельности как участника антисоветской организации «Воскресенье». В 1929 году выходит в свет «Проблемы творчества Достоевского», а также две статьи для собрания сочинений Л.Н. Толстого. «Книга о Достоевском» стала первым большим опубликованным текстом под своим именем, при том, что сам автор к тому времени продолжал находиться под следствием. Редакторы второго тома сочинений М.М. Бахтина отмечают, что этими сочинениями «завершился ранний этап его жизни и умственной деятельности в 20-е гг. и именно эти тексты отражали Михаила Бахтина как литературоведа до 1960-х гг. Заметим, что это не первый текст Бахтина о Достоевском. Как отмечает С.Г. Бочаров еще в начале 1920-хх. Бахтин работал над текстом о Достоевском, работа над которым проходила в контексте ключевых работ его раннего периода, – «К философии поступка» и «Автора и героя». Отметим, что рукописи этих текстов до нас не дошли, равно как мы не обладаем рукописями и черновыми вариантами самой книги о Достоевском, в связи с чем С.Г. Бочаров заключает: «в наследии Бахтина, кстати, это единственный случай отсутствия каких-либо архивных материалов к работе: книжное издание 1929 г. — единственный источник текста ПТД¹».

Стоит отметить, что к тому времени уже было и было немало текстов, так или иначе посвященных творчеству Ф.М. Достоевского. Как справедливо указывает А.Г. Гачева, «никто из русских религиозных философов XX века мимо Достоевского не прошел. Ему посвящали статьи и книги, а если не писали книг и статей, то нередко ссылались, следуя доброй традиции *argumentum ad.hominem*»². Но прежде всего стоит отметить в контексте нашего исследования сочинение Вяч. Иванова «Достоевский и роман трагедия», вышедший в 1916 году, которое не только было известно М.М. Бахтину, но в известном смысле повлияло на становлении мысли Бахтина о Достоевском. Достаточно сказать, что уже у Вяч.

---

¹ Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина. // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 281

² Гачева А.Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX- первой трети XX века. // Литературоведческий журнал. 2002. №16. с. 19

Иванова намечается интенция мыслить произведения Достоевского, используя аналогию музыкального произведения: «Подобно творцу симфоний, он использовал его механизм для архитектоники трагедии и применил к роману метод, соответствующий тематическому и контрапунктическому развитию в музыке, – развитию, излучинами и превращениями которого композитор приводит нас к восприятию и психологическому переживанию целого произведения, как некоего единства¹». Конечно, этого еще не достаточно для попытки создания концептуального осмысления творчества Ф.М. Достоевского с позиции полифонического искусства, более того, Вяч. Иванов не проясняет, но лишь намечает подобное отношение. Бахтин же в этом отношении, как подлинный крупный философ, не просто создает новые концепции, – в данном случае концепцию полифонического романа Достоевского, – но создает на основании уже имеющихся предпосылок, интенциях и интуициях, ощущаемых в воздухе эпохи. На это обращает внимание Н. Котрелов, подробно анализируя влияние Вяч. Иванова на формирование концепции полифонического романа М.М. Бахтина, подчеркивает, что «Иванов не развил тех задатков полифонического исполнения и восприятия идей Достоевского, которые наличны в его работе о великом русском писателе. Это сделал его преемник. Но Иванов в ядре мысли Бахтина “проник”, ибо он узнал в Достоевском великого партнера по “большому диалогу”»². Гений философа состоит в умении чувствовать присутствие этих интуиций, объединяя их под общим началом, произвольно и эклектично, но синкретично и предельно осмысленно. Говоря же о соотношении линии В. Иванова и Бахтина, отметим, сославшись на С.Г. Бочарова, что «из прямых источников концепции «Проблем творчества Достоевского» статья Иванова была важнейшим и первичным; хронологически она единственная из опорных материалов литературы о Достоевском в первой главе «Проблем

---

¹ Иванов Вяч. Достоевский и роман трагедия. // Иванов В. Собрание сочинений. Том IV. Брюссель.: Foyer Oriental Chretien. 1987. С. 510

² Котрелов Н. К проблеме диалогического персонажа (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов). // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М.: Русские словари, 1999. С. 210

творчества Достоевского могла послужить опорой уже для прототекста. Можно предположить, что ее критическое усвоение было завязкой замысла работы»¹.

Творчество Достоевского осмысливает и Н.А. Бердяев, философская переключка которых вне всякого сомнения достойна отдельного внимания, поскольку даже в отношении к Достоевскому их оценки в иных моментах схожи. Тем не менее, Бахтин справедливо замечает в предисловии к первому изданию, что «творчество Достоевского до настоящего времени было объектом узко-идеологического подхода и освещения. Интересовались больше тою идеологией, которая нашла свое непосредственное выражение в провозглашениях Достоевского (точнее, его героев). Та же идеология, которая определила его художественную форму, его исключительно сложное и совершенно новое романное построение, до сих пор остается почти совершенно нераскрытой»². И спустя немногим более тридцати лет во втором издании книги о Достоевском Бахтин добавит к этому: «преходящая острота этой проблематики заслоняла более глубинные и устойчивые структурные моменты его художественного видения. Часто почти вовсе забывали, что Достоевский прежде всего художник (правда, особого типа), а не философ и не публицист»³. Достоевский до Бахтина был слишком яркой, ослепительной и ослепляющей фигурой в русской культуре, – требовалась особая дистанция, позволившая приблизиться к пониманию Достоевского, требовалась особая герменевтика, как мы ее обозначим в дальнейшем «полифоническая герменевтика», которую будет выстраивать Бахтин. Иными словами, Достоевский до Бахтина понимался исходя из идей самого Достоевского, из той проблемной области, которая была обозначена самим Достоевским. Для философского осмысления творчества Ф.М. Достоевского требовались две вещи: необходимость выйти из поля притяжения, создаваемым

---

¹ Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина. // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 283

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2000. С. 7-8

³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 7

эстетикой Достоевского, по своей манящей и притягательной, впадая в поле которой, становится сложно освободиться или выйти, не чувствуя внутренних изменений. Это необходимо, чтобы помыслить со стороны и максимально свежим взглядом такой мощный феномен мировой культуры, которым является творчество Достоевского. С другой же стороны, необходима соразмерность или конгениальность Достоевскому, тому духовному уровню, на высоте которой оказался Достоевский, в центре внимания творчества которого на протяжении всего его длительного пути была проблема человека: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком», – писал молодой Достоевский. Это важное звено позволяет наметить связь Бахтина и Достоевского, выходящую только исключительно из пространства книги о Достоевском, но пронизывающую всю философскую антропологию Бахтина. Поскольку же последнее является внутренним содержанием творчества Бахтина, то смело можно сказать, что Достоевского, его влияние в явной или скрытой форме мы найдем у Бахтина почти во всем его творчестве. В этой книге конца 20-х гг. сосредоточена полнота понимания Бахтиным человека. Бытие последнего проявляется или конституируется исключительно в диалогическом пространстве. «Мы» здесь онтологически первичнее Я и Ты. Бахтин не единственный даже среди русских мыслителей, кто приходил к подобным ярким суждениям, отражающих метафизику и природу человека. Разумеется, многие идеи, содержащиеся в книге о Достоевском, мы можем встретить явно или скрыто в ряде сочинений других авторов. Но мощь философского характера и заключается в этом умении сосредоточить в себе все самое важное, сказанное до него, объединить сказанное особым образом, сделав новый виток в интеллектуальной истории. Задача философа в том, чтобы сосредоточить в себе полноту сказанного до него и ужаснуться, что сказанного недостаточно для прояснения сущности представленного перед нашим мышлением феноменом. Схожим образом, но с большей отчетливостью действовал другой крупный немецкий мыслитель того же

периода Мартин Хайдеггер, говоря в «Бытии и времени», книге, вышедшей за два года до «Проблем творчества Достоевского», что вопрос о бытии еще не был поставлен и тем самым оказался в забвении. В соответствующем месте нашего исследования мы подробнее остановимся на роли Достоевского, его творчества в наследии Бахтина, здесь, преследуя цель в общих чертах осветить биографию Бахтина в контексте его ключевых идей, будет вполне достаточно столь беглого обзора.

В 1930 году отправляется в ссылку в Казахстан, где спустя год принят на работу экономистом в Кустанайский райпотребсоюз. Тогда же вышла статья М. М. Бахтина в журнале «Советская торговля», посвященная «Опыту изучения спроса колхозников». В 1934 году заканчивается время ссылки, тем не менее Бахтин остается в Казахстане еще на два года, таким образом «казахстанский период» Бахтина продлился семь лет. Однако, назвать это периодом в творческом смысле все же было бы большой натяжкой, поскольку больших работ в этот период Бахтиным не писалось. В 1936 году по содействию П. Н. Медведева начинает преподавать в Саранске на кафедре литературы Мордовского пединститута. Однако по ряду причин и в по обвинению за «буржуазный объективизм» в педагогической деятельности, уже в середине следующего года Бахтину пришлось покинуть место преподавателя. При этом, стоит отметить, что в беседах с Дувакиным, Бахтин вспоминает, что никаких притеснений и травли в его адрес не было.

1940 год – немаловажный год для формирования «идеи Бахтина». В этом году в Москве Бахтин выступает в Москве с докладом «Слово о романе», а к концу года завершает рукопись о Рабле. В 1941 – 1942 гг. преподает в средних школах в провинции учителем русского языка и литературы, а также немецкого языка. И только в 1945 году Бахтина назначили и. о. доцента по всеобщей литературе Мордовского пединститута; уже через некоторое время он назначен заведующим кафедрой всеобщей литературы. Таким образом, Саранский период Бахтина прерывается без малого на девять лет скитаниями по провинции с

периодическими выездами в Москву для выступлений с докладами, а также для работы над диссертацией «Рабле в истории реализма», и ее защитой в ИМЛИ 15 ноября 1946 г. Во время преподавания Бахтин активно выступает с докладами, работает над темой «Буржуазные концепции эпохи Возрождения», дополняет текст книги о Рабле. Книга о Рабле является второй ключевой книгой в творчестве М.М. Бахтина, и как в случае с книгой о Достоевском, ее внутреннее содержание гораздо шире исключительно литературоведческой темы. Как отмечал уже С.С. Аверинцев, «Бахтин берет Рабле вовсе не как индивидуального автора таких-то десятилетий, а как универсальную философско-антропологическую парадигму¹». На материале текста Франсуа Рабле Михаил Бахтин разворачивает ряд идей, объединенных общим началом – смеховым.

Говоря о ядре карнавальной культуры, Бахтин обращает внимание, что «оно находится на границах искусства и самой жизни. В сущности, это – сама жизнь, но оформленная особым игровым образом»². Это определение Бахтина для нас является определяющим в понимании его концепции карнавала, позволяя наметить движение к прояснению онтологии Бахтина, а также его философской антропологии, дополняя диалогическое понимание природы человека его смеховым началом. Карнавальная культура, являясь формой выражения смехового начала человека, разделяет культуру на официальную и народную, – здесь мы находимся в той диалектической логике Бахтина, которая делит мышление на монологизм и диалогизм. Монологизм притязает на выражение правды, последней истины, он формирует норму и, как следствие, возлагает санкции на ее нарушение. Диалогизм же является отражением движения самой жизни, в основе которой, как мы казали выше, лежит карнавальное ядро. Выше, говоря о втором издании книги о Достоевском, мы отметим, что во втором издании Бахтин пересмотрит свою концепцию диалогизма, дополнив ее идеей

---

¹ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. М.: Наука, 1992. С. 10

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 15

карнавала, как это отмечает Н.К. Боневская. Однако здесь мы уже видим, что в основе самого карнавала как его мыслит Бахтин находится феномен диалога, являющимся для Бахтина онтологически первичнее карнавала.

Стоит обратить внимание, что именно в текстах, посвященных Рабле, намечается семиотика Бахтина, еще недостаточно изученная в академической литературе. Семиотика Бахтина характеризуется предельным антропологическим содержанием, разворачивающимся на абсолютном делении «низкого» и «высокого». «Верх и низ» по мысли Бахтина, имеющими истоком само человеческое тело, имеют «абсолютное и строго топографическое значение. Верх – это небо; низ – это земля; земля же – это поглощающее начало (могила, чрево) и начало рождающее, возрождающее (материнское лоно). Таково топографическое значение верха и низа в космическом аспекте. В собственно телесном аспекте, который нигде четко не отграничен от космического, верх – это лицо (голова), низ – половые органы, живот и зад»¹. Более явно на связь между телом человека и формированием семиотического пространства указывает Ю.М. Лотман: «Размеры тела человека определяют то, что мир механики, ее законов представляется для человека «естественным», а мир частиц или космических пространств он может представить себе лишь умозрительно и совершив над своим сознанием известное насилие. Соотношение среднего веса человека, силы притяжения земли и вертикального положения тела привели к возникновению универсального для всех человеческих культур противопоставления верх/низ с разнообразными содержательными интерпретациями (религиозными, социальными, политическими, моральными и т. д.)»². Подобное отношение применимо и к творчеству Ф.М. Достоевского. На это указывает Бахтин в одной из заметок, относящихся к тому же периоду, и являющийся одним из тех элементов, которые впоследствии лягут в основание переработанного издания

---

¹ Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма. (1940). // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 27

² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 176

книги о Достоевском: «психологизация материально-телесного низа у Достоевского: вместо полового органа и зада становятся грех, сладострастная мысль, растление, преступление, двойные мысли, внутренний цинизм; святость великого грешника (слияние верха и низа, лица и зада, хождение колесом, черт как изнанка Ивана, двойничество)»¹.

Книга о Рабле это блестящая иллюстрация академической мощи М.М. Бахтина, его умения анализировать различные источники, и в то же время его философской широты, не способной устоять исключительно в рамках академического литературоведения. Здесь он концептуализирует понятие гротеска, применяемое к сочинению Рабле, подчеркивая его амбивалентность, постоянную незавершенность процесса, находящегося в движении. Как бесконечное утверждение жизни, в народной культуре оно утверждается в феномене карнавала. Последнее определяет себя диалектически, через соотношение со статичной и серьезной культурой официальной. Официальная культура притязает на истину и, через это притязание, лишает иных голосов силы. Культура же карнавала, высмеивая официальную культуру, призвана отразить губительный для мысли характер подобных притязаний.

Внутреннее содержание произведения гораздо глубже своего внешнего оформления. Фактически Бахтин эксплицирует механизмы логики развития и функционирования культуры в ее настоящем, а также вводит особым образом в антропологию Бахтина через понятие «смехового начала» человека. Говоря о карнавальной, смеховой культуре, явной, а порой и скрыто Бахтин проговаривает и проблему официальной культуры, прямо связанной с проблемой идеологии. Тот факт, что книга создавалась в сталинские годы придает особую значимость тексту, порождая различные интерпретации философии М.М. Бахтина как философии, говорящей эзоповым языком. Особенно эта позиция характерна для Западного бахтиноведения, где отечественный философ в иных своих формах предстает как

---

¹ Бахтин М.М. К истории типа (жанровой разновидности) романа Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари. 1997. С. 42

жертва тоталитарного режима, творчество которого пронизано иносказаниями, словно, говоря об одном, фактически он хотел сказать о другом и гораздо больше. Например, на это указывает один из ключевых западных исследователей творчества Бахтина славист Кэрил Эмерсон, говоря, что Бахтин скрывал свою мысль, которую могут расшифровать только инсайдеры¹. Нет сомнений, что Бахтин не мог открыто говорить на предельно философские темы, нередко сближаясь вплотную с философско-религиозными проблемами, однако сводить его позицию к «эзопизму», характерному по утверждению Эмерсон значительной части русской литературы, было бы не совсем верным. Возможность видеть за сказанным в тексте больше, чем в нем написано, является основанием для любого возможного опыта прочтения, любой герменевтической практики. Порой и создается впечатление, читая тексты Бахтина, что мысль его, достигая какого-то рубежа, не осмеливается идти дальше, но, прерываясь, не договаривая на полуслове, возвращается назад. И, в тоже время, в этом одна из характерных черт наследия Бахтина, того внутреннего диалогизма, которым пронизаны его сочинения.

В 1950 году при кафедре организован кружок современной китайской литературы, который возглавил Бахтин, сделавший 31 марта 1950 года доклад, посвященный «Особенностям китайской литературы и ее обзору с древнейших времен до наших дней». В октябре того же года на объединенном заседании кафедр русской и зарубежной литератур Бахтин выступает с докладом «Применение учения И. В. Сталина о языке к вопросам литературоведения». Впоследствии на заседании Ученого совета М. М. Бахтина обвинили, что в этом выступлении он позволил себе много идеалистических фраз, «дал ошибочное определение искусства, а общественное развитие пытался объяснить силой традиции. Это позволяет полагать, что мысли о том, что Бахтин занимался литературой, поскольку не мог заниматься философией, пытаюсь прикрывать свои

---

¹ Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton: Princeton University Press. 1997. p. 8

подлинные взгляды на события, явления, мир через изучение литературы скорее лишены оснований, чем безоговорочно верны. Бахтин не был приживальщиком своей непростой эпохи, и говорил и писал в своих работах то, что думал и считал важным сказать. Другое дело, что сказанное всегда требует интерпретации и соответствующего прочтения. Кроме того, следует учитывать, что литература как явление культуры есть воплощение человеческого в художественном слове, при этом слово – это то, что определяет человеческое, его отношение к миру, себе и другим людям, в той или иной мере, но проговорено через слово.

В 1953 г. в качестве плана научно-исследовательской работы за год Бахтиным была написана статья «Проблема речевых жанров». В 1955 году ведет два студенческих кружка: по теории литературы и кружок молодых писателей. Разумеется, «кружки Бахтина» едва ли вписываются в общее понимание «Круга Бахтина», но скорее отражают тенденцию мыслителя к диалогической форме интеллектуального творчества.

Ключевым событием в поздний период творчества М.М. Бахтина является «интеллектуальная реабилитация» Бахтина и последующее его признание. Началом тому служит ноябрь 1960 г., когда Бахтину приходит письмо от московских филологов В. В. Кожина, С. Г. Бочарова, Г. Д. Гачева и др¹. Уже в июне следующего года состоялось очное знакомство с московскими литературоведами, приехавшими к Бахтину в Саранск, и, – как писал в последствии об этом событии Г. Гачев, – «вокруг него живая церковь культуры образовалась, где сходились иначе разъединенные: структуралисты и славянофилы, лингвисты и искусствоведы и т.д. А он – лишь БЫЛ, просто молчал и слушал. Как старец Оптинский был нам. Серафим Саровский Культуры в лесах Слова»². В том же году Бахтин, выйдя на пенсию, дорабатывает книгу о Достоевском 1929 года, и уже в 1963 году в свет выходит второе издание,

---

¹ Письмо к М.М. Бахтину С.Г. Бочарова 12 ноября 1960, подписанное сотрудниками Института Мировой литературы. ОР РГБ Ф. 913, ед. 9, к. 21. л. 1-2.

² Гачев Г. Бахтин // Гачев Г. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: «Новости», 1991. С. 105

переработанное и дополненное, а спустя девять лет в 1972 году выходит третье издание «Проблемы поэтики Достоевского». Второе издание претерпело ряд изменений и дополнений, и более подробно об этом будем говорить в соответствующих местах нашего исследования. В 1965 г. выходит книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В 1967 году Бахтин публикует статью «Из предыстории романного слова». В 1973 М. М. Бахтина посещает московский филолог В.Д. Дувакин с целью записать интервью, на материале которых в 1996 году вышла книга «Бесед», являющийся едва ли не главным, хотя и не лишенным спорных моментов, материалов, позволяющих нам представить общую биографию Бахтина. Сам Бахтин не оставлял о себе воспоминаний, – в лучшем случае перед нами общие автобиографические справки, в общих чертах отражающих фабулу жизни мыслителя, – поэтому, несмотря на необходимость критично относиться к предоставленным фактам биографии и ряду деталей, связанных с воспоминаниями события, людей, представленный материал является одним из центральных документов, позволяющий исследователю реконструировать образ мыслителя. Это же отмечает и Кожин, говоря, что «в публикуемых беседах Михаил Михайлович так или иначе является в своей жизненной цельности; это выражается и в его рассказах, касающихся нередко самых неофициальных, бытовых и душевных подробностей, и в самом ходе бесед. В том же году выходит статья «Искусство слова и народная смеховая культура: (Рабле и Гоголь)». В 1974 году – статья «Время и пространство в романе», а также «К эстетике слова». В 1975 году Бахтин умирает от острой сердечно-сосудистой недостаточности¹.

---

¹ Свидетельство о смерти, выданное отделом ЗАГС Фрунзенского района Москвы. 7 марта 1975 г. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 4, к. 50.

1.2 Характеристика философии М.М. Бахтина.

Ставя перед собой задачу раскрыть историческое и концептуальное понимание позднего творчества Михаила Бахтина, показать его специфические моменты, позволившие нам говорить о его интеллектуальной своеобразии, мы должны подойти к проблеме понимания единства и целостности его философии. Эту проблему хорошо иллюстрируют слова М.Л. Махлина, отмечавшего, что «Бахтина начиная с 1960-х годов можно было понимать и толковать по своему хотению – как “формалиста”, “семиотика”, “революционера в марксистском литературоведении”, а то и как “сталиниста” – идеолога русской тоталитарной соборности»¹. Насколько уместны подобные попытки понимания, вопрос, конечно, риторический, но отметим ключевой момент, связанные с отсутствием общих контуров понимания единства философии Бахтина. Последнее, очевидно, становится возможным в случае активного обращения ко всему корпусу работ Бахтина. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о Бахтине как о философе, но, обозначая вектор движения нашей мысли таким образом, мы также стоим перед необходимостью прояснить статус философии в наследии М.М. Бахтина. Отсутствие же этого единства, являющегося скорее результатом исследования, порождает совокупность разрозненных идей, сумму концептов и теоретических конструкций. На наш взгляд искомое единство определяется, собственно, по преимуществу философским характером творчества М.М. Бахтина. Однако прежде чем перейти к прояснению этого характера его творчества, стоит в общих чертах обратиться к самому пониманию философии. Философия неоднородное интеллектуальное явление, и среди возможных ее форм мы обоснуем ту, которая по нашему мнению свойственна философской мысли М.М. Бахтина.

Не ставя задачу раскрыть содержание громадного понятия философии, мы обратим внимание в качестве исходной интенции на указываемое В. Подорогой

---

¹ Махлин В.Л. Наследие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине. // Вопросы литературы, №6, 2016

существенное обстоятельство: «границы между философией и литературой размываются: с одной стороны философия становится частью потока мировой литературы (ее анализируют в пределах таких методологий (например, семиотической или психоаналитической), тем самым преобразуют философский текст в литературную практику письма). Но литература, представленная величайшими образцами, также давно покинула границы жанра и стала чем-то большим, чем просто литературой»¹. Произошло это не сейчас, однако вне всякого сомнения, что утвердилось в качестве одной из особенностей интеллектуальных практик в течении последних 150-200 лет. При этом напомним, что в русском интеллектуальном пространстве связь литературы и философии тесная, если не сказать органичная. В лучших образчиках русской литературы, писатели поднимают в своих произведениях темы философского порядка: проблемы любви, свободы, творчества, личности, истории, Бога и т.д. Все это и многое другое, являющееся предметом философского сознания, занимает русскую литературу. Однако в лице М.М. Бахтина эта связь прослеживается не со стороны литературы, поднимающей в своих текстах «вечные вопросы», но со стороны философии, сделавшей предметом своего мышления – литературу и шире – художественное слово. Условно это можно обозначить термином литературософия, предметом которой является не только и даже не столько раскрытие художественного текста, чем занимается литературная критика, сколько осмысление литературы как одного из ключевых объектов мировой культуры. Говоря об этом, решительно нельзя согласиться с Н.К. Бонецкой, утверждающей что «ни роман, ни смеховая культура, ни литературоведение как таковое никогда не были собственным предметом интереса Бахтина»². Если не приписывать творческому наследию Бахтина никакого стороннего содержания, но взглянуть на него холодным взглядом исследователя, то не сложно заметить,

---

¹ Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола»). // Вопросы философии. №9, 2009. С. 79

² Бонецкая Н.К. О философском завещании М. Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетейя, 2022. С. 543

что в центре его внимания прежде всего художественная литература. Тот Бахтин, который стал известен при жизни и получил признание в поздний период творчества, это Бахтин, в центре внимания которого был прежде всего Достоевский и Рабле. Другое дело, что творческий пафос и интенциональность мысли Бахтина, вне всякого сомнения шире и глубже только лишь научного литературоведения.

В отечественной философии М.М. Бахтин не является единственным представителем подобной философской интенции. Отметим, скажем, работы М. Лотмана, «Лекции о Прусте» М. Мамардашвили, а также ряд работ В. Подороги в особенности «Nature Morte. Строй произведения и литература Н. Гоголя» и «Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского». Однако несомненным является фундаментальность Бахтина, позволяющая его исследованиям быть основанием для прикладных, более частных, локальных исследований культуры, отдельных феноменов культуры.

Однако несомненным является то, что философия по преимуществу – это текст. Даже в ситуации, при которой мыслитель репрезентирует результат своей деятельности посредством устной речи, мы так же имеем дело с текстом, особого рода текстом, наполненным содержанием, позволяющим говорить о ценностно-смысловом характере текста, а также, что немаловажно, обращенным к аудитории, к слушателю, к Другому в конечном счете. Тем не менее, по преимуществу это текст письменный, вполне осязаемый, способный быть предметом всестороннего анализа. Поскольку философия это текст и по преимуществу о тексте, говоря о ней, мы так или иначе сталкиваемся с собственно литературой или художественным, поэтическим словом. Связь философии с поэзией, шире – с литературой является очевидной, однако не очевидным является характер такой связи. В строгом смысле, последняя определяется ни столько содержанием текста, которое присуще ему изначально и вложенное в качестве смысла самим автором, сколько видением читателя. Это вводит нас в проблему герменевтики, искусства толкования и понимания текстов, проблематика которой

является одной из центральных линий представленной работы. Текст же – всегда больше, чем только письменная или устная речь. Как отмечает Т.А. Касаткина «текст – это тоже личность. В сущности, это оборачиваемое суждение: личность есть текст – а текст есть личность. Потому что все, что мы знаем о том или ином человеке, с которым мы общаемся, вполне сводимо к системе знаков разного вида, посредством которых мы получаем о нем информацию»¹. Подобное отношение вводит герменевтический ракурс в сторону ключевых проблем философской антропологии и, прежде всего, в проблемы Другого, являющуюся одной из центральных тем М.М. Бахтина.

Литература – это феномен культуры, выражающий в слове предельное отношение человека к миру, явлениям мира, к самому себе. В поздний период творчества Бахтин писал: «литература – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры. Ее нельзя отрывать от остальной культуры и непосредственно (через голову культуры) соотносить с социально-экономическими и иными факторами. Эти факторы воздействуют на культуру в ее целом и только через нее и вместе с нею на литературу. Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса»². Фактически, Бахтин едва ли не отождествляет литературу и культуру, и понимание последней для Бахтина возможно через литературу. Любой конкретный текст несет на себе отпечаток включенности во всеобщее интеллектуальное пространство, что позволяет говорить не только его единстве с наполненным конкретным содержанием, но и о развитии этого содержания. В этом смысле мы и говорим об истории идей, отношение к которой М.М. Бахтина самое прямое. Прежде всего речь идет о развитии романного жанра, которому наш автор посвятил значительную часть своего творчества. Разворачивая который, М.М. Бахтин репрезентирует перед нами не литературоведение, но философию

---

¹ Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. – М.: Водолей, 2019. С. 23

² Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: 2006, Русские словари. Языки славянских культур. С. 399

под углом зрения философской антропологии. Иными словами, проблемы литературы, в том числе в контексте развития романного жанра, это проблема человека, его конституирования в мире.

Мы отмечали, что одной из характерных особенностей русской философии, является ее связь с художественной литературой. Это объясняется не скудостью русского интеллектуального пространства на исключительно философскую мысль, притязающую на сухую отточенную рациональность, сколько особенностями самого мышления, неспособного и нежелающего помещаться в исключительно жесткие рамки рассудочного, теоретического мышления. Говоря о литературоцентризме русской мысли мы сталкиваемся с тем, что именно в пространстве художественного литературного текста поднимались и разворачивались проблемы, которые можно отнести к ряду ключевых вопросов философии. Проблемы смысла и ценности жизни, добра и зла, любви и ненависти, вопросы о познании и веры в Бога. Это пограничные вопросы, объединяющие и литературу, и философию, и что в конечном счете проясняет ключевой вопрос о смысле и предназначении самого человека. Последнее также сталкивает нас с еще одной характерной чертой русской мысли, а именно ее антропоцентризм. В центре ее внимания почти всегда оказывается проблема человека. Вопрос лишь о способе и степени интенсивности разворачивания этого вопроса, разнящийся от мыслителя к мыслителю, от писателя к писателю. Вне всякого сомнения, среди русских писателей, наиболее предельно и глубоко подошедших к проблеме раскрытия и обнажения природы человеческого духа, имена Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого являются самыми значимыми и наиболее авторитетными в том, что касается проблемы русской антропологической мысли, не говоря уже о той громадной роли, которые они играют в построении русской культуры, ее осмысления, обогащения ее языка и мышления. Конечно, наивно полагать, что только в пространстве русской культуры литература играла такую роль, позволяющую говорить о ее связи с ключевыми проблемами философии. В. Дильтей, касаясь проблемы соотношения философии и литературы, также

указывает на момент отсутствия рассудочной строгости и преобладания субъективного момента в размышлениях: «всякий раз, когда приходила к концу какая-нибудь эпоха систематического мышления, когда жизненные ценности, призванные в ней до сих пор, более не соответствовали изменившемуся положению человека, а тонко и глубоко разработанное познание мира в понятиях больше не совпадало с фактами нового опыта, – всегда в такие эпохи выступают подобные мыслители и возвещают новую зарю в жизни философии». Одними из первых мыслителей, опирающихся на философию, но разворачивающих свою, более литературную, художественную мысль, для В. Дильтея выступают философы стоико-римской школы, «которые, исходя из философии поведения, дошли до того, что сбросили с себя гнет греческой систематики и начали искать свою цель в более свободной интерпретации самой жизни»¹. Мы же могли бы вспомнить французских просветителей XVIII в., чье философское творчество тесно переплетено с художественными текстами, в которых отражаются ключевые идеи, обозначаемые в теоретических размышлениях. Подобная линия, размывающая границы между художественным текстом и собственно философскими трактатами характерна для французской мысли и последующих веков. В качестве примера наиболее яркого воплощения можно вспомнить о французских экзистенциалистах Ж.П. Сартре и А. Камю. Поэтому, говоря о своеобразии русской мысли, литературоцентризм не является достаточным основанием, способствовавшим раскрытию существенного в ней. В конечном счете, такой подход исключил бы из нашего поля зрения целый пласт мыслителей, чье философское творчество притязает на строгую научность, какой она возможна в рамках философского пространства. Скажем, философские идеи Н.О. Лосского или Г.Г. Шпета менее всего могут быть осмыслены в парадигме литературоцентризма, равно как и было бы бессмысленно игнорировать их как одних из ключевых философских явлений русской культуры. Тем не менее,

---

¹ Дильтей В. Сущность философии. М.: «Интрада», 2001. С. 58

воспринимается как общеизвестный факт «национальная нелюбовь к отвлеченному теоретизированию», что, по замечанию Г.Н. Крупнина, «в зависимости от идеологической ангажированности можно или оценить этот факт как имманентный порок культурной традиции, или попытаться проигнорировать его, настойчиво выявляя отдельные моменты, в которых “мы не хуже других”»¹.

Для нас же главным образом важно в этом указании обозначить принципиальную невозможность русской мысли уместиться в исключительно теоретических построениях, и только в этом смысле она оправдана как философская, принципиально претендующая на преодоление замкнутости, формируемой предметной областью. В этом проявляется способность философской мысли выходить за границы правильного, истинного, и только в этом выходе собственно иметь истинное, схватывать ее как предмет своей мысли. Как отмечал по этому поводу Мартин Хайдеггер, фигура которого также может быть охарактеризована в рамках литературософии², «если наука, выходя за пределы правильного, приходит к истине и, таким образом, к существенному обнажению сущего как такового, она есть философия – в той мере, в какой она приходит к истине³». Без этой возможности философия не сможет сделать предметом своей мысли само мышление об этой мысли, не сможет быть критичной по отношению к себе, своему предмету, тем выводам и следствиям, которыми изобилует философия.

Но, говоря о связи литературы и философии, речь идет не только об отсутствии четкой дифференцирующей линии и ясных критериях, позволяющих прояснить, чем художественная литература отличается от художественного текста, и почему в иных случаях мы с легкостью подменяем одно другим. Но и о

---

¹ Крупнин Г.Н. Археология русской философии. // Метафизические исследования. Вып. 1. СПб.: Алетейя, 1997. С. 96

² Речь идет прежде всего о позднем периоде творчества Хайдеггера, в котором немецкий мыслитель кроме прочего обращается к литературе и поэзии в качестве предмета философских размышлений (см. например: Хайдеггер М. «К чему поэты». // Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2010.).

³ Хайдеггер М. Исток художественного творения. // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А.В. – М.: Академический проект, 2009. С. 183.

том, что философия делает предметом своего мышления художественный текст, и даже шире – литературу как феномен мировой культуры в целом. Подобное указание позволит не замкнуться нам на ключевых проблемах герменевтики, ставящей для себя как одну из центральных задач понимание и толкование текста, но подойти к литературе как определенного рода интеллектуальной практике человеческой культуры, отражающей конкретный опыт постижения мира, опыт наблюдения за событиями, – что и составляет непосредственный предмет текста. Но также позволит поставить текст в ряд иных текстов, тем самым дав возможность ввести его в историю идей. Последнее оправдано не только в контексте развития литературных жанров, чему в не меньшей мере посвящены работы М.М. Бахтина, но и ключевых элементов, составляющих практику текста. Здесь мы касаемся роли автора, скриптора, а также читателя. Наивно полагать, что подобная экспликация касается исключительно литературы как литературоведения, науки, с более или менее четкой методологией. Понимаемые как идеи, подобные компоненты теоретического содержания литературоведения пересекаются с ключевыми идеями философии. Именно это позволяет рассматривать ключевые идеи М.М. Бахтина, в частности проблемы диалога, роли Другого, в контексте философии по преимуществу. Будучи же исключительно в рамках литературной науки, они нуждаются в предельном пояснении. Но именно здесь мы и сталкиваемся с тем явлением, при котором литература становится предметом философского анализа.

Разумеется, Бахтин не единственный мыслитель, основавший предмет своей теоретической мысли на материале литературы. Кроме того, сводит все его творчество только к литературе заведомо неверно и ошибочно, несмотря на то, что ключевые работы М.М. Бахтина прямым образом посвящены литературным текстам и о литературе по преимуществу. Это позволяет говорить о литературе как о чем-то большем, чем только искусстве художественного слова, обладающего предельно конкретными целями, как о чем-то, что обладает гораздо большим внутренним содержанием, чем только может показаться по своей

внешней видимости. Однако для возможности считать это большее, требуется особая интеллектуальная практика. Читатель должен уметь видеть за внешней видимостью текста, за тем смысловым грузом, который в него вкладывает автор, видеть текст в контексте мировой культуры в целом. Должен обладать чуткостью к истории идей, истории мысли в ее неразрывной связи, образующей пространство Большого времени. В последнем случае текст мыслится не столько как результат деятельности конкретного автора, но как нечто, позволяющее говорить о тексте как о вершине развития идей, и вместе с тем разворачивания самого человеческого в конкретной эпохе, конкретной культуры. Литературные памятники памятны именно тем, что в них сосредоточена определенная полнота человеческого опыта осмысления мира, явлений мира и его событий. Под внешней видимостью субъективного опыта проговаривают идеи, принадлежащие всему человечеству. Говоря о мировой философии, в этом контексте М.М. Бахтин стоит в одном ряду и с Ф. Ницше, развернувшем свою мысль на материале греческой литературы, и с представителями философии жизни, повлиявшей и на герменевтику В. Дильтея, и на философскую антропологию М. Шелера. В дальнейшем станет ясно, что эти связи с мыслью М.М. Бахтина носят далеко не случайный характер, и мы касаемся их не только для необходимости ввести в общий философский контекст творческого наследия М.М. Бахтина, но и для определения самой философии. Подчеркнем в очередной раз, что исключительно рациональная философия, притязаящая едва ли не образец философии вообще, имеет ряд недостатков, которые и пытается восполнить та линия философия, которая сближается с литературой, поэзией, искусством в целом. Это сближение несколько не исключает внутренней строгости такой философии. Но строгость здесь обусловлена не столько правильностью и истинностью суждений, сколько степенью доверия мыслителя к сказанному им слову. Последнее оказывается актом поступка в мире, который, по мысли М.М. Бахтина, связывает в единой целое культуру и мир. В хронологически первом из известных нам текстов, обозначенных как «К философии поступка», мыслитель кроме всего прочего

именно из недоверия к предельному рационализму, разворачивает свое понимание поступка: «для теоретической значимости суждения совершенно безразличен момент индивидуально-исторический, превращение суждения в ответственный поступок автора его. Меня действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления нет в теоретически значимом суждении»¹. В этой интенции, направленной на попытку связи теоретического осмысления и присутствия самой жизни, с ее алогичностью, иррациональностью и абсурдностью, а то и враждебностью по отношению к самому человеку, к самой жизни, – одна из общих линий философии М.М. Бахтина, которую в той или иной мере мы проследим в нашем исследовании. И далее: «теоретическая истинность технична по отношению к долженствованию. Если бы долженствование было бы формальным моментом суждения, не было бы разрыва между жизнью и культурой-творчеством, между актом-поступком, моментом единства контекста моей единственной жизни и смысловым содержанием суждения — моментом того или иного объективного теоретического единства науки, а это значило бы, что был бы единый и единственный контекст и познания и жизни, культуры и жизни, чего нет, конечно». Строгость и ясность, с которой подходит М.М. Бахтин к осмыслению феномена поступка, являющегося для него в представленном тексте актом-монадой, формирующим без малого образ самого человека, все это позволяет отбросить мысль о возможной иррациональности его философии. Связь же с литературой, искусством, обозначенная нами как характеристика особой философии, раскрывается в наследии М.М. Бахтина не только обращенностью к текстам художественной литературы, прежде всего к текстам Ф.М. Достоевского и Ф. Рабле, но принципиальной попыткой сделать помысленное предметом индивидуального опыта, сделав его настолько близким, что у читающего подобный теоретически нагруженный текст возникает чувство сопричастности с помысленным. В этом, на наш взгляд, один из секретов диалогизма, его

---

¹ Бахтин М.М. К философии поступка. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2003. С. 8

очарование и пафос, ярким и самобытным представителем которого был и М.М. Бахтин.

1.3 Место и значение философии М.М. Бахтина в русской и европейской философии.

В предыдущих параграфах мы наметили общее понимание философской мысли М.М. Бахтина. Однако никакая философская мысль не существует изолированно. Даже в случае с Бахтиным, который долгое время жил в интеллектуальном затворничестве не по собственной воле, его творчество обладает смысловыми узлами, которые связывают его мысль как с русской философией, так и с европейской. Говоря о том, каково место мысли Бахтина в русской философии, мы можем двигаться двумя путями. С одной стороны, есть ряд мыслителей, гуманистичнее в широком смысле, с которыми Бахтин явным образом пересекался. Прежде всего, это его учителя, привившие Бахтину вкус к философской мысли. А также так называемый круг Бахтина, – друзья и соратники, а в поздние годы – ученики и последователи. Эта линия вполне может быть названа исторической в изучении роли и значения места М.М. Бахтина в отечественном гуманитарном пространстве, и она более или менее прояснена в исследовательской литературе. В Петербургском университете Бахтин учился на двух отделениях – классическом и философском, и последнее повлияло на неокантианское настроение Бахтина. Центральной фигурой направления в университете был А.И. Введенский, учениками которого также были Н. Лосский, С. Франк и другие менее известные мыслители¹. Таким образом философия Канта сквозь призму неокантианства становится для Бахтина первым основанием его философских настроений в его ранний период. Явным образом это отразилось на трактате «К философии поступка», в широком смысле – на этике Бахтина, и

---

¹ См. Бонеецкая Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина. // Бонеецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 11

формировании его философско-антропологических взглядов. «Введенский “завещал” своим ученикам в качестве философской задачи – проблему “чужого Я”, в качестве же ключа к ее решению – признание за другим всех тех экзистенциальных прав, которыми владею я сам»¹. В этом отношении Бахтин был не единственный русский мыслитель, вплотную подошедший к решению задач, формируемых в пространстве неокантианства и вытекающих из философии Канта, которая на рубеже веков отразилась не только на неокантианстве, но в известном смысле и на феноменологии Э. Гуссерля, влияние которого на философию Бахтина несомненно. Однако по мнению некоторых исследователей, самым плодотворным периодом является Невельской и Витебский периоды. Именно здесь образуется бахтинский кружок, объединивший в себе группу разносторонних интеллектуалов, объединенных общим делом мысли. К нему относят Л.В. Пумпянского, М.В. Дину, В.Н. Волошинова, П.Н. Медведева, М.И. Кагана. Последний примкнул к кружку, вернувшись из Марбурга где был учеником главы Марбургской школы неокантианства Германа Когена, что не могло не отразиться на внутреннем интеллектуальном настроении кружка, и формирования философской идентичности Михаила Бахтина в частности, поскольку уже до этого, как было отмечено выше, Бахтин уже испытал влияние неокантианства в той форме, которой она была представлена в русской философии того периода. Таким образом, говоря о месте Бахтина в пространстве русской мысли в ее историческом пространстве, мы можем говорить о его причастности к неокантианству. Однако этой констатации, ставшей общим местом в изучении философских истоков Бахтина, недостаточно, если мы преследуем цель определить его философскую мысль в ее целостности, позволяющей выявить и понять смысловые связи, связывающий Бахтина с русской философией. В своей статье² А.П. Козырев подробно показывает связь философии

---

¹ Там же.

² Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина// Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004-2009. М.: Русский путь, 2011.

Другого с подобными темами, понимаемыми рядом русских религиозных мыслителей, вплотную подходя к теме религиозной философии М.М. Бахтина, – одной из спорных тем, к которой мы еще вернемся. Связывая идеи и интуиции М.М. Бахтина с идеями С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, Вяч. Иванова, А.П. Козырев фактически расширяет и подчеркивает узость понимания Бахтина-философа в контексте только обозначенного неокантианства. Кроме того, как отмечает В.Л. Махлин, влияние неокантианства на мысль Бахтина было таким же, какое это же влияние мы могли бы обнаружить в философии целого ряда западных мыслителей, – М. Шелер, Х. Плеснер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер, Ф. Розенцвейга, Х. Ортеги-и-Гассет, Г. Марселя, О. Розенштока-Хюсси, Г.-Г. Гадамера и многих других¹. Однако, говоря об этом влиянии, речь не идет об общем интеллектуальном месте, равно как о слепом восприятии ключевых концепций неокантианства.

После ареста в 1928 году по делу организации «Воскресенье» и последующей ссылки, и вплоть до 1960-х гг. Бахтин погрузился в определенное интеллектуальное одиночество. В этот период было проделана большая работа, – от преподавания в провинциальном университете, до защиты кандидатской диссертации и подготовки книги о Рабле. Говоря о внешнем воздействии со стороны, о том интеллектуальном пространстве, которое окружало Бахтина, то в лучшем случае мы можем говорить исключительно о круге людей, который случайным образом складывался вокруг Бахтина-преподавателя в Саранске. Этот период отчасти прояснен Н.Л. Васильевым². Поздний период, содержание которого еще мы не прояснили, но только пытаемся наметить общие линии, ведущие к формированию обоснованной позиции, характеризуется «возвращением» Бахтина в «большую науку», признанием как со стороны официального академического сообщества внутри страны, – на что повлияли

---

¹ Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство. // Махлин В.Л. Большое время: подступы к мышлению М.М. Бахтина. red. Roman Mnich i Roman Bobryk. – Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. С. 95

² Васильев Н.Л. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. – М.: Книжный дом «Либриком», 2013.

прежде всего московские филологи, нашедшие Бахтина в Саранске и приезжавшие, так и последующим признанием его работ как на родине в академической среде, так и за рубежом.

Однако, говоря о связи мысли и деятельности М.М. Бахтина, позволяющей очертить наше общее представление о месте и роли философии Бахтина в пространстве «большого времени» внутри русской мысли, с другой стороны мы можем следовать другим путем, более функциональным. Здесь мы сталкиваемся с идеями и концепциями, большей или меньшей степени схожести, отражающие специфику интеллектуального пространства культуры, ее философское настроение, пронизывающее время. Заходя вперед отметим, что Бахтин в этом смысле менее всего русский мыслитель, – его легче и проще понять исходя из мировой философии, и не случайно в связи с этим, что Бахтин не просто один из ключевых русских мыслителей, известных на западе, если не сказать, что он единственный среди крупных отечественных философов, пользующихся таким громадным интересом, но мыслитель, равный западному мышлению. Его изучают ни как «русскую экзотику», но как актуального мыслителя, изучение творчества которого питает и обогащает мысль. Мы укажем на имеющиеся связи его идей, его настроений и интуиций, проясняющихся в их связи с другими философами, образующими пласт классической русской философии.

И здесь мы вплотную подходим к другому пути понимания философии Бахтина, а именно собственно философскому, при котором сами идеи и концепции, являясь частью пространства культуры, пересекаются, порой неявно и смутно с идеями и настроениями других мыслителей того же периода. Говоря о такой связи философии Бахтина бросается в глаза близость ряда его идей и интеллектуальных интуиций с Н.А. Бердяевым. Не известно, знал ли Бахтин на должном уровне тексты Н.А. Бердяева. Мы не найдем в текстах Бахтина явного упоминания ни только имени Бердяева, то и намека на его концепции. При этом бросается и сам характер их философии, – невозможность уместиться в рамках строгой философии или строгой науки, а также экзистенциалистский пафос их

творчества, устремленность к свободе и ценности человеческой личности, отмечаемым, скажем, в работе Н.К. Бонецкой¹. Впрочем, в отличие от Бердяева, Бахтин преследовал определенную строгость мысли, его сложно упрекнуть в противоречивости и отсутствии академической дальнорзости. Их объединяет особое отношение к Ф.М. Достоевскому, а также утверждение свободы как главенствующей категории их философии. В случае с Бердяевым это не нуждается в комментариях, и этому посвящены отдельные исследования. Что же касается Бахтина, то для философа-диалогиста, для человека, утверждавшего принципы смехового начала человека, свобода если и не проговаривается явно как предмет теоретических размышлений, то очевидно, что ни диалог, ни карнавальный смех невозможен без изначального утверждения ценности свободы. На это чувство свободы Бахтина обращал внимание С.С. Аверинцев, говоря, что Бахтин «при жизни был с редким великодушием открыт для чужой мысли самых различных, вроде бы и взаимно несовместимых направлений [...] Кажется, в любом другом это было бы всеядностью; в нем не было (было *свободой*)²» (курсив наш В.М.). Свобода не была предметом его теоретических размышлений, и тем более ни о какой метафизике свободы в творчестве Бахтина в прямом смысле речи идти не может. Однако, без ее присутствия невозможен никакой диалог, равно утверждающий свободу участников диалогического пространства, а без диалога сложно, соответственно, представить и самого Бахтина. При этом принципы диалогизма проскальзывают у Бахтина во всем его творчестве, – в книге же о Достоевском диалог выступает частным случаем диалога в собственном смысле слова. Сам принцип или структура, формирующая целостное диалогическое пространство наличествует и в размышлениях Бахтина о слове, и о романе как жанре, и, конечно, в утверждении смехового начала в культуре карнавальных практик, невозможных без признания и давления культуры официоза.

---

¹ Бонецкая Н.К. Бахтин и Бердяев о Достоевском. // Звезда, №9, 2020.

² Аверинцев С. Личность и талант ученого. // М.М. Бахтин. [Под ред. В.Л. Махлина]. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 95

Другая важная переключка с Бердяевым – это отношение к Достоевскому, к его творчеству, повлиявшее на формирование ключевых принципов философской антропологии двух мыслителей. Тема Достоевского в русской мысли едва ли не одна из центральных тем. Если исторически русская философия начинается в зависимости от источников и концепций, – ни то с принятием христианства, ни то с именем Сковороды, – то в одном из своих феноменологических построений русская философия начинается с Достоевского. Позволим себе такое введение и попробуем его обосновать. Принцип свободы утверждает ценность личности, ее автономию, возвышает ее над целым. В истории философии эта линия отчетливо начинает проглядывать с философии Иммануила Канта. В контексте истории русской философии рассматриваемого периода кроме философии Канта особая роль на формирование персоналистической традиции русской мысли, к которой принадлежали Бахтин и Бердяев, отведена русскому неолейбницианству, прямым образом относящегося к персонализму. Роль Канта в формировании персоналистических настроений велика, и достаточно привести слова одного из ключевых русских персоналистов Е.А. Боброва, отмечавшего: «Кант в истории новоевропейской философии занимает исключительное место по праву, поскольку он «расчистил почву для персонализма» и «окончательно развеял иллюзию проекций». После Канта уже невозможно заниматься построением нового знания в философии, не обращаясь к его наследию, считал он¹». Персонализм Бердяева держится на идее свободы, творческого начала человека. У Бахтина же персонализм носит диалогический характер. Поскольку диалог есть активная направленность Я и Другого, основанная на принципе свободы, то он не исключает возможность быть помысленным как результат творческого усилия человека. В этом случае мы говорим о творении Другого в себе, и себя через Другого. «Диалог для Бахтина, – отмечает В.А. Подорога, – это взаимодействие двух голосов, своего и чужого, в их конфликте и неустойчивости, взаимном

---

¹ Бердикова А.Ю. «Назад к Канту» или «Назад к Лейбницу»? Критический взгляд из истории русского метафизического персонализма // Кантовский сборник. 2017. №2. С. 38

отрицании, признании и обмене, и что главное – равно правомочности»¹, в этом моменте прослеживается полифоничность диалога, а также его скрытая карнавальная интенция. Бахтин явным образом не использовал формулировку «диалог–творчество», однако это явным образом следует из внутреннего напряжения диалогического акта, ценность и смысл которого – понимание, разворачивающееся между мной и другим. Мы уже отметили, что в центре внимания мысли Бахтина лежит литература, которую можно понимать шире – как искусство, и даже более того – как творчество, в основании которого лежит свободное отношение человека к миру. В этом философский пафос мысли Бахтина, не способной удержаться в узких рамках академического литературоведения. Создается впечатление, что даже при всем желании поместить мысль в границах строгой науки, у Бахтина ничего не выйдет. И именно в силу природы самого мышления и мысли, рассудочная, научная форма которой – только одна из возможных форм. Как выше было отмечено, именно из-за проблемы, вытекающей из невозможности примерить разум и действительность, теоретические выводы и нравственную необходимость поступка, М.М. Бахтин и преступил к построению «первой философии» в рамках трактата «К философии поступка», внутреннее содержание которого развивалось Бахтиным на протяжении всего его творчества. Достоевский не просто связывает Бахтина и Бердяева, – он точка, с которой разворачивается и утверждается один из ключевых принципов русской философии, – отношение к свободе как к акту и как к событию. «Идея свободы всегда была основной для моего религиозного мироощущения и мирозерцания, – писал Н.А. Бердяев, – и в этой первичной интуиции свободы я встретился с Достоевским, как своей духовной родиной²». Невозможен диалог без свободы, – он превращается в акт коммуникации, в передачу информации, во что угодно, но только не в событие, объединяющее под

---

¹ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019. – 418 с. С. 238

² Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. // Бердяев Н.А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. С. 311

единым пространством смысла и понимания два личностных начал. Так же невозможен и подлинно творческий акт вне утверждения изначальной свободы к творчеству. С опорой на творчество Достоевского, на тот предельный тон внутреннего содержания его ключевых текстов, разворачивают свои ключевые идеи как Бердяев, так и Бахтин. И явно или косвенно творчество которых может быть обозначено как особая практика прочтения Достоевского. Бердяев говорит об собой диалектике Достоевского, а именно об «идейной диалектике», которая «есть особый род его художества». Достоевский «проникает в первоосновы жизни идей, и жизнь идей пронизывает его художество. Идеи живут у него органической жизнью; имеют свою неотвратимую, жизненную судьбу. Эта жизнь идей — динамическая жизнь, в ней нет ничего статического, нет остановки и окостенения»¹. Все это смутно напоминает то, что в последствии у М.М. Бахтина развернется в концепцию полифонического романа Достоевского. Бердяев в силу особенностей его философского творчества не мог концептуализировать подобную интуицию. Это и не входило в его задачу, а, говоря о Бахтине, полифонический роман Достоевского, понимаемый Бахтиным как вершина романного жанра, является отражением исследований Бахтина романного жанра. При том, что исторически именно тема Достоевского предшествует теме жанровых форм в творчестве Бахтина. Стоит также отметить существенное отличие двух позиций по отношению к Достоевскому. Бердяева интересует Достоевский как художник, интересует его мирозерцание, отразившееся в предмете его творчества, в его наследии. Для Бахтина интерес представляет само творчество писателя, при этом анализирует он его таким образом, что имя писателя, внешние обстоятельства творчества если не уходят совсем, то сдвигаются на второй или третий план. Бахтина интересует художественное творение, рассматриваемое им в высшей степени своего воплощения. Вот почему те моменты в наследии Достоевского, которые могут войти в противоречие с

---

¹ Там же. С. 312

полифонической концепцией Бахтина, нисколько не противоречат его теории, – они становятся просто не существенны, как то, чем можно пренебречь в деле построения теоретической модели романного жанра.

Другим крупным мыслителем, с творчеством которого пересекается мысль Бахтина является С.Л. Франк. Как и Бахтин, Франк был учеником А.И. Введенского, «учившего, что “началом для нашего мышления служит не Я, а Мы». Его ученики развили дальше понимание этой идеи. И Франк, и Бахтин разрабатывали диалог прежде всего как категорию бытия»¹. По факту своего пребывания в Петербургском университете, как отмечает Н.К. Бонецкая, Бахтин также принадлежит к ряду петербургских мыслителей, как Франк, а также Н. Лосский – автор оригинальной концепции интуитивизма, к которому как к философскому направлению принадлежит и Франк. Поскольку течение это по преимуществу гносеологическое, говорить о «интуитивизме Бахтина» можно с достаточной долей осторожности, отдавая себе отчет в конструктивном построении подобного анализа. Если мы и можем говорить о гносеологии Бахтина, то речь идет о познании человеком самого себя, познании Другого, – частное познание Бахтина не интересует, и в конечном счете оно будет в строгой зависимости от степени познания человеком самого себя. Мир же как предмет познания возможен лишь в той степени, в которой прояснена ситуация события Другого, разворачивающегося в философии Бахтина в пространстве диалога.

Отметим гносеологическую концепцию Франка, при котором познающий и познаваемое связаны в единое неразрывное целое. Основная исходная посылка гносеологии Франка – в признании разрыва субъекта познания от предмета знания. Бахтин же в трактате «К философии поступка» исходил из признания пропасти между теоретическим знанием и самой реальной жизнью. Как и Бахтин, Франк также ставил перед собой задачу создания «первой философии», раскрывая

---

¹ Антропова Н.К. Генезис диалоговых отношений: от Франка до Бахтина. // М.М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века. Тез. докл. III Саран. междунар. Бахтинских чтений: В 2 ч. Ч. 1. Изд-во Мордов ун-та, 1995. С. 74

это понятие как «ни на что уже не опирающееся исследование основных начал бытия, на почве которых впервые возможно различие между знанием и предметом знания¹», или, что в контексте «первой философии Бахтина обозначено как различие разрыв «между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительной единственной переживаемостью, вследствие чего этот акт и теряет свою целостность и единство живого становления и самоопределения² ». Обе позиции исходят из необходимости прорваться к подлинному бытию, – наличие которого не оспаривается и не ставится под сомнение, – при котором различия исходных посылок стираются. Бахтин на протяжении всего творчества будет по-разному решать эту задачу, поставленную в раннем трактате. Диалогизм Бахтина также является попыткой решения поставленной задачи. Отсюда, заметим, мы можем подойти к основанию, позволяющему связать интуиции М.М. Бахтина с философией всеединства³. Впрочем, говоря о связи Бахтина с указанной традицией, один из учеников М.М. Бахтина Г. Гачев, заметил не без оснований, что «если предыдущие русские мыслители тяготели к Платону и преследовали Единое, Свет, Идею-вид-лицо сквозь суету телесности и вещественности и множества (Вл. Соловьев, Трубецкие...), то он – резко антиплатоник и антивизантиец, и вместо соборной важности – праздник Вавилонского смешения языков, но понял его как Богу-угодное событие и нам задание на труд и усилие взаимопонимания»⁴. Правы, вероятно, обе позиции, и еще с десятков других, позволяющих по-своему осмыслить феномен Бахтина. Но раз правы все, то не прав никто, – и это так же по-бахтински верно: явно не являясь врагом правды,

---

¹ Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: «Наука», 1995. С. 39

² Бахтин М.М. К философии поступка. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2003. – С. 7

³ См. Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина// Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004-2009. М.: Русский путь, 2011. С. С. 308

⁴ Гачев Г. Бахтин // Гачев Г. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: «Новости», 1991. С. 105

последняя для Бахтина была объектом монологического, официозного мышления, тяготеющего к репрессии истины и догматизму.

Диалог этим не исчерпывается, однако именно в нем конструируется действительность бытия человека, стало быть, определяются границы мира, а вместе с тем достоверность познания, при том, что прямым образом Бахтин не ставит перед собой подобной задачи. Но в этом одна из особенностей и привлекательность текстов Бахтина: они говорят неизменно больше, чем сказано в них по внешней видимости, что также является одним из признаков этого подлинного диалога, понимаемого как бесконечный смыслопорождаемый процесс. Бесконечен он в силу отсутствия цели, поскольку направлен на самое себя, что и сближает диалог с пониманием игры. Последнее не значит, что диалог это несерьезная забава, – такое слишком поверхностное понимание игры для диалога не характерно, – но то, что его цель и смысл разворачиваются не вовне, не для чего-то, но в себе и для самой себя. Бахтин не оставил нам теоретических сведений, проясняющих сущность игры, однако, говоря о диалоге, можно с уверенностью сказать, что он, вслед за Хейзинга мог бы сказать: «играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов. Так человечество всё снова и снова творит свое выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы»¹.

Мы привели в качестве примера связи идей Бахтина, его интуиций и концептов с творчеством Н.А. Бердяева, и С.Л. Франка в качестве иллюстрации безусловной принадлежности нашего автора не просто к философам, русским философам в частности, но русским по преимуществу, то есть с присущим ему ряду проблем и вопросов, ставших ключевыми для русской мысли. В дальнейшем, проясняя специфику позднего творчества М.М. Бахтина, указанные выше связи позволят расширить философское понимание содержания творчества

---

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 27

отечественного мыслителя, а также объяснить причину, по которой Бахтин как филолог, будучи «открыт» в 1960-е гг. не был воспринят безоговорочно. Как отмечает Н.М. Долгорукова, «новая советская интеллигенция, осознающая себя как оппозиционная и, во многом, антиофициальная сила, квалифицировала язык и метод ММБ как «вызывающе-неточный» (М.Л. Гаспаров), а самого философа – как великого выдумщика мифологий и концепций (А.Я. Гуревич)¹». Конечно, обозначенные нами Вяч. Иванов, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк не единственные мыслители, с творчеством которых пересекаются в той или иной мере идеи Бахтина, но пересекаются наиболее ярко и явно, позволяя нам объективно оценивать творчество Бахтина как философское по преимуществу. Указанная связь Бахтина с русской философией в ее, говоря условно, в классических образцах», раскрывается исходя из его неизвестных еще в 1960-х гг. работах, а также исходя из целостного понимания его творчества, в контексте которого и возможно будет говорить о его позднем периоде, выходя за границы исключительно хронологического понимания «позднего творчества».

Мы очертили в общих чертах связь философии Бахтина с русской философией, показав, что связь эта есть, и что при должной осторожности можно сказать о Бахтине как о наследнике русского возрождения начала XX в.. Однако, для понимания философии Бахтина этого недостаточно. Бахтин как ни один из русских философов своего времени близкой в своих идеях и интуициях ряд европейских мыслителей. Как справедливо отмечает А.П. Козырев, ранние работы М.М. Бахтина, ставшие известные публике значительно позже смерти его автора, «открыли миру Бахтина-философа, поставившего ряд проблем, которые будут заботить в ту же эпоху М. Бубера, М. Хайдеггера, несколько позже Ж.-П. Сартра, Г. Марселя, Э. Левинаса»². Этот ряд можно продолжить именами Э.

---

¹ Долгорукова Н.М. Стратегии рецепции М.М. Бахтина в СССР. К постановке проблемы. // Новый филологический вестник. 2017. №1 (40). С. 21

² Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина// Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004-2009. М.: Русский путь, 2011. С. 307

Гуссерля¹, М. Шелера, Х.Г. Гадамера², П. Рикера, в особой оптике Бахтин представлен в творчестве французских постструктуралистов, чему прежде всего способствовало прочтения Бахтина Ю. Кристевой. Интерпретация последней была нацелена на современное прочтение Бахтина в контексте французской интеллектуальной культуры того времени³. Как отмечает Н. Долгорукая, Бахтин для Ю. Кристевой «оказался предтечей Фрейда, Лакана, структурализма и вдохновителем ее собственной теории интертекстуальности»⁴. Очевидно, указать на неверность такого понимания Бахтина было бы слишком наивным выводом. Скорее это лишнее свидетельство гибкости текстов Бахтина, глубину которых еще только предстоит постичь, стоит лишь вырвать из узкого и грубого исключительно литературоведческого понимания этих текстов.

И это единство тем, конечно, «свидетельствует скорее о том, что философия не есть произвольное делание людей, оно во многом отвечает всеобщему духу времени»⁵. Однако, схожее не означает тождественное, и для нас мало констатировать эту связь, но, обращая на нее внимание, мы расчищаем для себя пространство, способное актуализировать философское содержание творчества Бахтина. Для нас очевидно уже одно: начинал он как философ, однако открытие этого начинания пришлось на время позднего периода его творчества.

В попытке определить место и роль творчества и идеи М.М. Бахтина в контексте европейской философии, если не сказать мировой, мы также сталкиваемся с двумя возможными путями решения поставленной задачи. С одной стороны, речь может идти о круге чтения, в отношении которого

---

¹ Прежде всего проблема Другого, представленная в «Картезианских медитациях». См. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2010.

² Ряд проблем, связанных с проблемой понимания текста, роли автора и читателя в конституировании смысла текста и др. См. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного /Пер. с нем. М.: Искусство, 1991.

³ См. Kristeva J. Dialogisme, carnivalesque et psychanalyse: entretien avec Julia Kristeva sur la réception de l'oeuvre de Mikhaïl Bakhtine en France // Recherches Semiotic. Sémiotiques Inquiry. 1998. Vol. 18. № 1/2.

⁴ Долгорукова Н.М. Автор в эпоху смерти автора: Юлия Кристева в поисках Михаила Бахтина. // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2019, №3, т. 2. С. 57

⁵ Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина// Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004-2009. М.: Русский путь, 2011. С. С. 308

складывалась и крепла мысль Бахтина, о тех влияниях, явных или косвенных, которые имели место быть на Бахтина со стороны европейской философии. В данном случае подобная стратегия для нас не может считаться успешной, поскольку круг такого чтения гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд. Задача же в том, чтобы разглядеть и обозначить те моменты, которые позволят нам говорить о Бахтине не просто как о философе, но философе европейского уровня. Также речь может идти о более или менее имеющихся параллелях и пересечениях мысли и идей Бахтина с творчеством современных Бахтину мыслителей. Выше мы уже говорили о влиянии на мысль Бахтина неокантианской философии, что стало общим местом в характеристике ранней бахтинской мысли. Тем не менее нет никаких оснований считать позднее творчество Бахтина, к которому мы подбираемся как центральной части нашего исследования, считать ее своего рода развернутой неокантианской мыслью. В строгом смысле, любое определение позиции крупного мыслителя почти невозможно, и всегда недостаточно, и Бахтин в этом случае не исключение. Тем не менее для нас будет важно обозначить узловые моменты, позволяющие нам связать мысль и идеи Бахтина в пространстве европейской философии. Поскольку философия может быть понята как история идей и концептов, мы наталкиваемся на ряд узлов, позволяющих нам связать творчество Бахтина с представителями мировой философии. Отметим, речь не идет о простой схожести идей, и тем более о заимствованиях. Бахтина как любого крупного мыслителя подобного уровня трудно упрекнуть в заимствовании, поскольку в нем крайне силен творческий, а стало быть личностный и свободный момент. С другой же стороны, как мы отметили выше, философия это история идей, концептов, иными словами особое интеллектуальное пространство, требующее для любого, решившего в него войти, принятие правил игры. В данном случае, речь идет о необходимости освоения традиции, без чего философское мышление, сколь бы оно ни было оригинальным, не может быть охарактеризовано как собственно философское. Крупные же мыслители такие как Аристотель, Декарт, Гегель, Хайдеггер аккумулируют в себе

всю полноту сказанного до них таким образом, что в особом интеллектуальном синтезе порождают новый этап в истории идей. На наш взгляд к таким мыслителям относится и Михаил Бахтин, что проявляется в его отношении к творчеству Достоевского, и концептуализации понятия диалога. Диалогизм это одна из направлений европейской мысли, которое сложно назвать ключевым, и скорее является следствием разрабатываемых концепций, чем целью, изначально поставленной тем или иным философом. Понимая диалог таким образом, мы можем говорить о нем там и тогда, когда проблематизируется особым образом понятие Другого. Поставив вопрос таким образом, сложно не обратить внимание на то, что понятие Другого в европейской философии XX в. является едва ли не одним из ведущих, при этом совершенно не обязательно, связывать подобные размышления с диалогизмом. Можно заключить: Другой обязателен в философии диалога, но при этом превосходит только лишь философию диалога. Скажем, проблема Другого проскальзывает уже у Гегеля, в его знаменитом фрагменте из «Феноменологии духа», посвященному диалектике раба и господина. Кроме того, из самого духа диалектической философии уже можно путем несложного анализа вычленить диалогический характер отношения к миру. Однако несмотря на внешние схожие моменты, лежащие между диалектикой и диалогом, сам Бахтин категорически был против подобных аналогий. Не только в силу отсутствия почитания гегелевской философии, претендующей на репрессивный, монологичный характер мышления, но и в силу наличия в диалектике Гегеля момента отрицания, а также последующим снятием, запускающим диалектическое развитие идеи. Диалог же, разворачивающийся между свободными людьми, не уничтожает предмет их речи, не уничтожает идею, которую олицетворяет человек, вступивший в диалог. Но напротив, только в диалоге предмет речи приобретает онтологическую характеристику, утверждая и бытие самого человека через Другого. Тем не менее, подобные проблески, позволяющие наметить общим контуром связующий нить бахтинской философии с общеевропейской, уже намечают вектор нашего повествования. Что же касается

Гегеля, то для перехода к другой фигуре, позволим себе привести слова А. Кожева, утверждавшего, что «гегелевский метод, стало быть, никоим образом не диалектичен, он является чисто созерцательным и описательным, то бишь, феноменологическим в гуссерлевском значении термина¹».

Другой фигурой и даже более важной в контексте нашего повествования, с которой мы вправе соотнести Бахтина в контексте отношения проблематизации Другого, является Э. Гуссерль. Проблема у Гуссерля возникает в связи с необходимостью избежать скатывания феноменологии в плоскость солипсизма. Другой у него становится гарантом объективности и реальности мира, лежащего по ту сторону феноменологического восприятия действительности. Это значит, что Другой здесь не является целью, не является человеком с предельно выраженными индивидуальными особенностями. Так вопрос здесь не стоит в силу специфики самой феноменологии в ее классическом варианте. Как отмечает один из исследователей, касавшихся напрямую темы Бахтина и Гуссерля, говоря о имеющихся между ними параллелях, «оба мыслителя заняты темой интерсубъективности. Во втором томе Логических исследований Гуссерль оценивал суждения о психо-физической реальности Другого как метафизические, однако уже с своих Идеях I он описывал Другого как того, кто расширяет наш опыт посредством привносимого им «избытка опыта». Сходным образом Бахтин в трактате “К философии поступка” и в исследовании “Автор и герой в эстетической деятельности” описывал уникальную перспективу Другого как необходимую и ценную часть мира поступка²». При этом как Гуссерль, так и Бахтин «критиковали подходы своих современников, психологизм и физикализм. Гуссерль описал «трансцендентальный психологический опыт как случайный и относительный», точно так же, как Бахтин описал ”жизнь, лишенную

---

¹ Кожев А. Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля. // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: «Наука», 2013. С. 556

² Pape C. Husserl, Bakhtin, and the other I. or: Mikhail M. Bakhtin – a Husserlian? // HORIZON. Studies in Phenomenology 5 (2). p. 272

возможности отвечать”, как ”в корне случайную и необработанную”¹». Но важно само отличие к Я и к Другому. Также, говоря о связующих нитях между нашим философом и европейской, стоит отметить имеющуюся тенденцию связывать Бахтина с Ницше. Ницше был один из тех авторов, которых Бахтин по собственному признанию читал и очень охотно. Более подробно эту проблему рассматривает Х. Гюнтер, подчеркивая в своей работе, что на влияние карнавальной культуры Бахтина могла повлиять первая крупная работа немецкого философа «Рождение трагедии из духа музыки». Сближая двух мыслителей, он отмечает, что «их соединяет одна общая черта – стремление к антиклассической эстетике. У Бахтина оно особенно ярко выражено в семиотике гротескного тела, необходимыми чертами которого является амбивалентность и отношение к времени, к становлению»². На связь философии Бахтина с Ницше обращает внимание и современный итальянский исследователь Р. Салиццони, подчеркивая, что образ восставшего героя, являющимся следствием диалогического полифонизма Бахтина, и направленный на принципиальную незавершенность, «возможно, свое происхождение и, безусловно, свое начало имеет в том дионисийстве, которое развивается вокруг «Рождения трагедии» Ницше: иногда в терминах строгой дискуссии об источниках, о теории, о сложностях, а иногда более общо, как показатель проблемы времени. Восстание героя, главного действующего лица вымысла, его претензия на власть, его возможная автономия, его захват слова, его удаление от автора»³. Отметим также близость взглядов Ницше и Бахтина в отношении человека, – для Ницше человек это бесконечное становление на пути к сверхчеловеку, только на пути к которому и возможно проявление человеческого в человеке. Для Бахтина же бытие человека в диалоге, природа которого также является преодолевающей границы застывшего, догматичного бытия, и также оказывается разворачивающейся по направлению к

---

¹ Там же.

² См. Гюнтер Х. М. Бахтин и «Рождение трагедии» Ф. Ницше. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992, №1. С. 31

³ Салиццони Роберто. Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ. 2017. Т. 21. № 1. С. 103

Другому, – для Ницше таким Другим был сверхчеловек, при том, что фигура другого концептуализируется в европейской философии после Ницше, и во многом благодаря ему, поскольку одни из оснований для этого является «смерть бога».

Личность другого, его историческое, конкретное воплощение, появление в пространстве моего жизненного мира – это проблема по преимуществу экзистенциального порядка. Поэтому, забегая вперед, диалогизм Бахтина часто именуют персоналистским. Как отмечает В.Л. Махлин, ссылка на персонализм Бахтина нередко является желанием приписать его философскому мышлению «русские корни»¹, что, на наш взгляд, лишь уводит от указанной необходимости понять Бахтина в сторону понимания его через соотношения с иным или подобным, при этом важно отметить, что сам Бахтин связывает свой персонализм не только с именем Достоевского, но и Гуссерля и Шелера, что и является основанием для близости бахтинской мысли последующей европейской философии, прежде всего в лице М. Шелера, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Для нас же важно было бы вскрыть особенности его диалогизма. При этом, стоит оговориться, что это не диалогизм персоналистский, а персонализм диалогический. Здесь важен не просто другой, но другая личность. В истории русской философии к числу мыслителей, в творчестве которых мы также встречаем подобные воззрения, относятся в том числе упомянутые выше С.Л. Франк и Н.А. Бердяев. В истории западной философии это, прежде всего, М. Бубер. При этом речь ни в коем случае не идет о заимствовании идей со стороны Бахтина, тем более, что текст Бубера вышел в свет позднее написания текста Бахтина. Тем не менее, обратим внимание на эту связь, указав, скажем, на один фрагмент из текста Бубера. Говоря о диалоге, Бубер подчеркивает наличие ответственности, пересекающееся с понятием долженствования, поднимаемое

---

¹ Махлин В.Л. «И я есмь»: персональность в дискурсах М.М. Бахтина. // Махлин В.Л. Большое время: подступы к мышлению М.М. Бахтина. red. Roman Mnich i Roman Bobryk. - Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlce, 2015. С. 115

Бахтиным в трактате «К философии поступка»: «подлинная ответственность есть лишь там, где есть действительная возможность ответа¹». Философия же поступка, с которой начинает Бахтин, это философия ответственности: не может поступок существовать без ответственности. Бахтин явным образом не указывает, что и диалог может быть формой поступка, но, говоря, что им может быть все, – и единичная мысль, и жизнь человека в целом, – нет оснований лишать диалог его внутренней ответственности.

Феноменология же, так же неявным образом имеющаяся в философии Бахтина, столкнувшись с проблемами экзистенциального порядка, нашла свое отражение прежде всего в творчестве М. Хайдеггера. Параллели которого с Бахтиным мы также могли бы привести в качестве иллюстрации ключевой посылки данного параграфа. В частности, Хайдеггер через феноменологию, возвращается к вопросу о бытии таким образом, что последний вдруг оказывается едва ли не впервые задан таким образом, что ответ на него вбирает самого человека, его существование, или, говоря через призму философии Бахтина, бытие в его полноте обретает человеческое лицо.

Не сложно заметить одно очень важное обстоятельство: диалогический персонализм в явной или скрытой форме является формой религиозной философии. Однако в случае с Бахтиным мы оказываемся в странном положении: при поверхностном взгляде, вглядываясь в его тексты, мы вряд ли обнаружим в них хоть сколько-нибудь религиозно окрашенные идеи, не говоря уже о том, что в явной форме он не касается проблемы Бога и ряда вытекающих из этого следствий. Тем не менее, это лишь на внешний, исключительно поверхностный взгляд. Среди исследователей творчества Бахтина есть ученые, явно причисляющих Бахтина не просто к русской мысли, но к русской религиозной по преимуществу. Отметим здесь точку зрения Л.А. Гоготишвили, которая, пытаясь определить целостное понимание философии Бахтина, отдавая отчет в том, что

---

¹ Бубер М. Диалог. // Бубер М. Два образа веры: пер. с нем. / Под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – М.: Республика, 1995. С. 106

«ситуация сегодня складывается так, что единство концептуальной основы всего творчества Бахтина – если принимать тезис о ее существовании – приходится реконструировать, заранее соглашаясь на все связанные с любой реконструкцией последствия (схематичность, условность, отвлечение от некоторых аспектов темы и т. д.)¹», исходит из текста «К философии поступка», и через него как бы ретроспективно определяет целостный характер его философии, а также ее имманентную интенциональность. Как было обозначено выше, в центре внимания Бахтина оказывается поступок, понимаемый как особое событие, которым может быть как отдельная мысль, так и вся жизнь в целом. Ключевой же характеристикой поступка оказывается его долженствование. Поскольку последнее не проясняется явным образом в самом тексте, из контекста становится ясным, что долженствование замыкается на самое себя. Таким образом поступок как нравственное событие является свободным актом, поскольку свободный акт – акт зависящий от самого себя, в этом его автономия. В дальнейшем эти интуиции Бахтина будут трансформированы в философии диалога, который как событие также оказывается подчиненным самому себе, о чем мы говорили в связи с игровым характером диалога, а также связи его с ответственностью поступка. В противном случае в нем были бы все признаки монологической речи по Бахтину, преследующей целью высказать «последнее слово» и утвердить собственную правду. Диалог не преследует целью утвердить свою речь и высказать последнее слово, не преследует целью и истину. Тем не менее, возвращаясь к позиции Гогтишвили, зафиксируем, что «“нравственная реальность” Бахтина – это область бытия исключительно религиозного сознания, и как таковая она становится исходной категорией искомой Бахтиным “первой философии”». Таким образом, религиозная посылка Бахтина определяется характером его мышления, но не содержанием. Выше мы лишь слегка коснулись и того обстоятельства, что диалогический персонализм, к которому Бахтин имеет прямое

---

¹ Гогтишвили Л.А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина. // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 99

отношение, представлен по преимуществу авторами, которые явно позиционируют себя как религиозные мыслители. Религиозность же философии Бахтина либо скрытая, либо задана логикой интерпретатора. В конечном счете, как продолжает далее Гоготившвили, взятое же вне религиозных координат, в частности – в философскоэтическом аспекте, понятие нравственного, по Бахтину, истощается до рационализированных схем формальной или материальной этики, сводясь к абстрактной морали или к установлениям закона, не имеющим реальных корней в нравственном бытии. Нравственный поступок «отбрасывается» в теоретический мир с «пустым» требованием моральности и законности¹». Вопрос о религиозности мысли Бахтина – это отдельный вопрос, требующий обстоятельного анализа, здесь же, апеллируя к Л.А. Гоготишвили, важно подчеркнуть одно для нас существенное обстоятельство, позволяющее подытожить сказанное в этой главе: мысль Бахтина по преимуществу философская, при этом характеризуется внутренней полифоничностью, то есть располагающей к диалогу, исключая «последнее слово», исключаящей констатацию своей истины. Об этом свидетельствует не столько даже сами тексты Бахтина, сколько разнообразие их трактовок. Несмотря на то, что стало едва ли не общим местом говорить об отсутствии у Бахтина «отчетливо выраженной, поддающейся разграничению на этапы и на периоды эволюции», что он «не столько развивался во времени, сколько ограничивался в пространстве²», для нас, преследующих философское осмысление Бахтина очевидно, что это проблема не столько Бахтина, сколько исследователей, привыкших к линейности мысли, ее последовательности и способности уместиться в рамки строгой периодизации. В этой связи, решая поставленную задачу осветить поздний период творчества Михаила Бахтина как вязом в его целом в контексте его наследия, так и тех идей, которые в них содержатся, а также, что немаловажно, показать идеи позднего

---

¹ Гоготишвили Л.А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина. // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 101

² Турбин В.Н. У истоков социологической поэтики. // М.М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. – М.; Наука, 1992. С. 44

Бахтина в пространстве бахтиноведения, мы тем самым преследуем и цель критики методологических оснований в изучении творчества того или иного философа или мыслителя. Все же сложно отрицать наличие у философии и философских текстах определенной специфики, отличающей ее от литературы, в которой последовательность и линейность более наглядна, чем в философии. Но об этом будет сказано в следующей главе в контексте общей проблемы связанной с периодизацией творчества, не поставив которую и не попытавшись ее решить, говорить о позднем творчестве кажется несколько бессмысленно.

Глава 2. Периодизация творчества М.М. Бахтина.

2.1 Общая проблема периодизации творчества.

Несмотря на формальное обилие работ, посвященных творчеству М.М. Бахтина, и гораздо меньше работ, посвященных жизни мыслителя, в академической литературе почти нет работ, целиком посвященных проблеме единства философского творчества Бахтина. Имеющиеся работы, так или иначе содержащие в себе поставленную нами задачу, лишены фундаментальности, то есть такого подхода к изучаемой проблеме, при которой мы могли бы иметь не только даже целостное представление о понимании феномена Бахтина, но поняли бы причину возможных вариаций этого феномена. Но главное, нет работ, посвященных проблеме периодизации его творчества, при том, что проблема одна из тех, что лежит на поверхности. Поскольку творчество Бахтина не однородно, не линейно, лишено центра, яркого и обозначенного самим автором, и мы до сих пор не обладаем полным собранием сочинений Бахтина, к проблеме которой относится и спор об авторстве «спорных текстов», опубликованных при жизни Бахтина «под масками», в виду этих обстоятельств, вопрос о периодизации творчества философа, может быть также решен в нескольких возможных вариациях.

Периодизация творчества является неотъемлемой составляющей изучения любого наследия деятеля культуры в широком смысле слова. Будь это поэт, писатель, философ, публицист, для изучающих его творчество имеется необходимость говорить о творчестве как о едином целом, но состоящем как и любое целое из определенного множества, и в данном случае из определенной чреде этапов, периодов, внутренняя логика которых позволяет уже в дальнейшем говорить о целостности, но не как данном целом, но имеющем внутри себя основание. Тем не менее, нужно отдавать себе отчет, что она является не столько отражением «объективного положения вещей», что она не столько является слепком с реальной творческой биографии, являющейся для исследователя скорее

«вещью в себе», как любая конкретная жизнь человека. Она является скорее результатом методологии исследователя, взявшего на себя смелость и риск выстроить в единстве понимание целостности философского, или, говоря шире, интеллектуального феномена. В самом общем виде любая периодизация может быть представлена в двух возможных вариантах: а) ранний и поздний период; б) ранний, средний и поздний периоды соответственно. По внешнему виду все кажется достаточно просто и не составляющим никакой проблемы. Но это видимость обманчива, стоит лишь только попытаться применить такую схему на действительное творчество. Поскольку, говоря, о нашем мыслителе, творчество не всегда линейно и последовательно, этапы не всегда логически и равномерно переходят друг в друга как воды рек переходят в океан. Периодизация не только помогает понять специфические особенности того или иного периода творчества, не только помогает упорядочить имеющиеся знания, сколько составить представление о целостном образе интеллектуального феномена, основанного не на риторических постулатах, но в вполне обоснованных положениях. Ключевыми моментами, являющимися основанием периодизации, по нашему мнению, являются два основания: индивидуальная биография исследуемого мыслителя и концепты, идеи во круг которых разворачивается его творчество. Говоря о концептах, мы говорим о них как о том, в чем проговаривается авторство философа, и что, создавая, отличает философа от других мыслителей, и равно от ряда исследователей, на что указывал один из крупных мыслителей XX в. Жиль Делез, определяя философское творчество с созданием концептов: «заниматься философией означает создавать концепты, потому что концепты не суть то, что предсуществует. Это не то, что дано в готовом виде, и в этом смысле философию следует определить как творческую деятельность: это – творение концептов¹». Бахтин вне сомнения один из ярких мыслителей, оставивший словарь концептов, общему разбору которых в контексте их единства и взаимосвязи мы уделим

---

¹ Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 13

особое место в нашем исследовании. Упоминание же Делеза рядом с Бахтиным не должно показаться произвольным. На такое понимание и сближение указывает в частности В.В. Сербиненко: «Полифония, диалогизм, тот же хронотоп (дремавший со времен Лессинга и пробужденный русским мыслителем) – это идеи, концепты, “умственные окошки”, позволяющие глубже понять смысл художественного творчества как неотъемлемого момента человеческого бытия, но также и увидеть мнимости, разрушающие мир человека, впускающие в него безумие хаоса и абсурда. Решая эти задачи, Бахтин с полным правом мог считать, что занимается именно философским делом»¹. У самого Ж. Делеза в соавторстве с Ф. Гваттари мы находим упоминание о Бахтине, но отметим это лишь вдогонку сказанного ранее о связи русского мыслителя с европейской философской традицией.

Индивидуальная биография скорее притязает на формирование биографии как жанра со всеми вытекающими из этого последствиями. Такой подход может обозначен как формальный, исключительно общий. Второй подход более соответствует философскому осмыслению феномена, и требует от исследователя не только глубокого знания своего предмета, – в данном случае творческого наследия М.М. Бахтина, – но и знания истории философии как русской, так и мировой, понимания того интеллектуального пространства, в котором оказался исследуемый философ как в малом времени, – времени своей эпохи, – так и в большом, оказавшись в диалоге с философами других культурных пространств и времен. Интересный и оригинальный подход в изучении творчества М.М. Бахтина предлагает отечественный исследователь наследия М.М. Бахтина Н.А. Паньков. В своей книге «Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина» исследователь предлагает исходить «не из стремления охватить все периоды биографии М.М. Бахтина и все его тексты, а из специфики найденных мною архивных материалов и собственных тематических пристрастий»². Архивные материалы действительно представляют собой одну из важнейших ценностей в

---

¹ Сербиненко В.В. О присутствии и отсутствии русской метафизики // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 136

² Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. —С. 4

деле построения как целостного образа мыслителя, так и отдельных периодов его творчества. Несмотря на то, что основной корпус текстов Бахтина опубликован, в том числе опубликованы рукописи и черновые заметки, не известные при жизни философа, именно тексты, оказавшиеся на периферии позволяют прояснить ценностное, смысловое, в широком смысле – философское содержание его текстов. Самым ярким и наиболее важными примером данного положения является тот факт, что именно трактат «К философии поступка» позволяет нам говорить о том, что в действительности было сказано Бахтиным в его ключевых книгах – о Достоевском и Рабле, позволяет как минимум видеть в них больше, чем только высококлассное литературоведение, как максимум – оригинальную философию, философскую антропологию, философию культуры, разверчивающейся на основании художественной литературы, на одних из ключевых ее образцах каковыми по мысли Бахтина, были для своего времени сочинения Франсуа Рабле и Ф.М. Достоевского. Ниже, говоря о концептуальных подходах в периодизации творчества, мы более рассмотрим концепцию Н.А. Панькова, здесь же заметим о ней как об одной из возможных, и, едва ли не единственное из имеющихся в академической литературе о Бахтине, которая ставит перед собой столь фундаментальные задачи. Другие исследователи, касаясь проблемы построения целостного образа творчества Бахтина, не уделяют должного внимания периодизации, действуя по формальному признаку. Стоит также отметить, что в литературе и Бахтине значительно внимание уделяется «раннему творчеству». Связано это не только с тем, что все последующее творчество Бахтина является разворачиванием его ранних идей, но и с возможностью ярким образом концептуализировать раннее творчество, выделив в нем ряд специфических черт. Именно раннее творчество в наследии Бахтина более всего характеризуется не только как особый этап его биографии, но имеющий специфические философские черты. Говоря о позднем периоде, мы сталкиваемся с рядом трудностей, в том числе являющихся отражением специфики самого философствования Бахтина, о чем будет сказано ниже. Говоря

же об архивных материалах, стоит отметить, что наиболее плодотворным в этом отношении оказался «переходный период» Бахтина, период между 1940 г. и началом 1960 г., периодом, являющимся самым темным в биографии Бахтина, и которому посвящен Пятый том собрания сочинений, редакторы которого отмечают, что «никакой другой том, вероятно, не будет архивным в такой степени»¹. Здесь открывается перед нами «лаборатория мысли автора, продолжавшей работать и развиваться в чрезвычайно малоперспективных исторических и личных обстоятельствах»².

Говоря о Бахтине, в литературе, посвященной его творчеству, идеям, мыслям, мы часто можем столкнуться с его «ранним периодом», – пишутся статьи как по отдельно взятым темам, так и более широко, затрагивая пласты идей, – ранняя эстетика, ранняя этика как пример подобных исследований. И при этом нет или почти нет исследований, посвященных его позднему периоду, не говоря уже о среднем. Кроме прочего, к творчеству Бахтина с большой натяжкой может быть применено прилагательно «зрелый», что позволяет поставить под сомнение развитие его мысли, идей, мотивов творчества, что, однако, так же на наш взгляд неверно было бы думать.

Ставя ключевой целью в рамках диссертации обозначить узловые темы позднего творчества Михаила Бахтина, мысля это творчество как философское по преимуществу, в его связи как с русской философской культурой, так и в контексте европейской философской мысли, мы должны обозначить ключевые периоды его творчества. В зависимости от имеющихся установок, содержание периодизации может разниться от случая к случаю, что, очевидно, обнажает по преимуществу методологические проблемы, связанные с попыткой понять творческое наследие систематически, как нечто цельное и самоценное.

В предыдущей главе мы определили философское содержание наследия М.М. Бахтина, показав его неоднозначность и принципиальную невозможность

---

¹ Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 380

² Там же.

уместиться в рамках какой-либо традиции или направления. Будучи приписываемым к тем или иным направлениям, будь это русское неокантианство, экзистенциализм, феноменология, диалогизм и т.д. Бахтин постоянно оказывается больше любой попытки ограничить его мысли в рамках заданных направлений. Это обстоятельство не столько говорит о противоречивости его мысли, и даже не о многоликости его философии, – в этом случае мы можем говорить о разноголосице в интерпретации его творчества, но не самого творчества, взятого как целое. А именно в этом одна из ключевых задач, которую мы ставим для себя, – на пути к прояснению позднего творчества, мы вынуждены схватить его наследие как целое, исходя из которого мы уже можем иметь основание производить определенную внутреннюю дифференциацию его наследия. Здесь мы подходим к проблеме периодизации творчества М.М. Бахтина.

Мы подчеркивали, что творчество Бахтина неоднородно, оно не подчинено линейной последовательности, – его идеи не столько сменяются одна на другую, сколько дополняются, расширяя изначально высказанное им. Эта проблема проговаривается и в попытке прийти к некоему единству понимания содержания периодизации. Так, скажем, Е.В. Мочалов, отвечает в своей статье¹, что саранский период (т.е. период, продиктованный логикой биографической периодизации, самой формальной из возможных) охватывает промежутки 1936-1937 гг, и 1945-1969 гг. Е.В. Мочалов не ставит перед собой задачи проблематизировать периодизацию (как практически все исследователи), но, беря его «догматически», такое понимание теряет из виду проблематизацию «позднего творчества», а равно как и «раннего», – понятия, уже давно утвердившегося в исследованиях, посвященных М.М. Бахтину. Беря за основу периодизации концептуальное понимание единства философской мысли М.М. Бахтина, наш подход позволит обоснованно раскрыть в дальнейшем и содержание позднего периода творчества

---

¹ Мочалов Е.В. М.М. Бахтин: из Саранска в Москву. // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом: Сборник научных статей, посвященный 70-летию. Кафедры истории русской философии. М.: издательством Московского университета, 2013. С. 617

мыслителя. Наследие философа это его идеи и ценности, которыми пронизано его творчество, вокруг которых как на фундаментальное основание разворачиваются теоретические построения более конкретного, если не сказать прикладного характера. Таким образом, говоря о «раннем Бахтине» мы говорим об этически ориентированной мысли, в центре которой концептуализация поступка, – действия, разворачивающегося в мире, и, разворачиваясь, утверждающее бытие человека. Человек это существо поступающее, – могли бы мы зафиксировать первые черты философской антропологии Бахтина. При этом поступок связывает мир теоретический, с миром жизни, миром практической ориентации человека в пространстве, тем самым показывая интенциональную природу поступка, который в строгом смысле не принадлежит мне, как не принадлежит и тело человека только исключительно самому человеку, что уже и намечает общим контуром появления фигуры Другого. Мы отмечали выше, говоря о диалогизме М. Бубера, что последний не был основанием для формирования мысли Бахтина, несмотря на порой явную очевидно перекличку идей мыслителей. Так, говоря о сочинении М. Бубера «Диалог» достаточно упомянуть, что последний был опубликован в 1930 г., тогда как трактат «К философии поступка», содержащий в себе одну из главных характеристик диалога – его свободное разворачивание в мире, а стало быть его долженствование, – был написан в середине 1920-х гг. Для нас же эта перекличка важна в качестве очередного подтверждения. Что с одной стороны мысль Бахтина в его времени не была одинокой мыслью, с другой же, что обладал одно из главных характеристик любого подлинного философа, – чувствовать свое время, быть своевременным, а стало быть актуальным. Тот факт, что его творчество открылось большому читателю спустя десятилетия, говорит о том, что время Бахтина не историческое, но время онтологически обусловленное, требующее к себе усилия со стороны собеседника, читателя, чтобы это время могло быть современным и актуальным. Другой момент раннего Бахтина, отмечаемым К.Г. Исуповым, характеризуется «изначально признаваемой им

адекватности искусства и жизни»¹, что в известном смысле и не ново для русской мысли, но важно для понимания интенциональности мысли Бахтина, при которой подчеркивается «онтологическое единство, почти тождество» искусства и жизни, что также может быть интерпретировано в рамках преодоления разрыва между теоретической мыслью и жизнью реальной.

Книга о Достоевском, первое издание которой вышло в 1929 г., то есть за год до выхода упомянутого выше сочинения М. Бубера, как отмечает В. Подорога, «остаётся и сегодня непревзойденной по достигнутому систематическим философским исследованием результату. Влияние его идей на выработку новых герменевтических («диалогических») техник анализа литературного произведения признано мировым научным сообществом»². И прежде всего отметим, что в центре этих идей стоит понятие диалога. Конечно, говоря о идеях и концептах Бахтина говорить в строгом смысле о центре невозможно. Однако диалог это едва ли не центральное понятие всей философии Бахтина, именно поэтому тема Достоевского и является центральной темой всего творчества Бахтина³. В различных текстах, как до книги о Достоевском, так и после явными или скрытыми жестами Бахтин разворачивает и расширяет ключевые для своей философии темы: связь теории и жизни, отношение Я и Другого, диалогический характер природы человека. Поэтому, говоря в дальнейшем о позднем периоде, мы неизбежно должны подчеркивать этот «полифоничный» характер самой философии Бахтина, при котором его ранние идеи нисколько не противоречат поздним, но скорее являются моментом разворачивания единой философии, «первой философии», построение которой было задачей молодого Бахтина.

Кроме того следует иметь в виду, о чем было сказано выше, что к настоящему моменту нет единого полного собрания сочинений М.М. Бахтина, а

---

¹ Исупов К.Г. От эстетики жизни к эстетике истории (Традиции русской философии у М. М. Бахтина). // М. М. Бахтин как философ / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.— М.: Наука, 1992. С. 69

² Подорога В. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019. С. 236

³ См. Бройтман С.Н. «Диалог» и «монолог» – становление категорий. // Бахтинский тезариус. Материалы и исследования. Сборник статей. М.: РГГУ, 1997. с. 149

именно на основании имеющихся текстов, содержащихся в них идей, имеющих внутреннюю логику, генезис и трансформацию, можно концептуально говорить о целостном понимании творчества и, как следствие, о имеющейся периодизации. Поэтому здесь мы будем опираться прежде всего на собрание сочинений в семи томах, вышедших в издательстве «Русские словари. Языки славянской культуры», и которое стало основным источником в нашем исследовании. В этом собрании нет «спорных текстов», нет ряда текстов, имеющих скорее биографическое значение, чем философское, – это, прежде всего, протоколы заседаний кафедры истории литературы, на которой Бахтин преподавал в Мордовском институте. Сюда можно было бы отнести и «Лекции по истории зарубежной литературы»¹, вышедшие под именем М.М. Бахтина, но представляющие фактически конспекты В.А. Мирской, выполненные тезисно, общими широкими мазками, что позволяет поставить под сомнение философское значение подобной работы.

Говоря о позднем творчестве М.М. Бахтина, мы сталкиваемся с двумя крупными путями, в рамках которых возможна реконструкция его взглядов и идей, позволивших нам концептуализировать «позднее творчество» в качестве самостоятельного периода творчества мыслителя. С одной стороны, речь идет о времени с 1960-х гг., времени. Когда Бахтин был переоткрыт, когда его творчество стало находить себе собеседника, слушателя, почитателя. При этом подходе сложно говорить о новых концептуальных сдвигах в его творчестве, – кажется, что все важное уже было сказано, прежде всего в книгах о Достоевском и Рабле, а также ряде более мелких объемах, но не менее важных по содержанию текстам, прежде всего, связанных с историей романа и философии слова. С другой стороны, мы имеем дело с рядом текстов, опубликованных в последнем томе упомянутого выше собрания сочинений, который вмещает в себя ряд работ, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского, в том числе «Проблемы поэтики Достоевского». Здесь же мы находим текст, посвященный драматургии

---

¹ См. Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: античность, средние века: (в записи В.А. Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В. Клюевой, Л.М. Лисуновой. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999..

Шекспира, и рабочие записи 60-х – начала 70-х гг, которые собственно и представляют значительный интерес в формировании образа позднего творчества М.М. Бахтина. Ниже мы рассмотрим как в имеющейся литературе о М.М. Бахтине представлены два возможные пути в построении периодизации, отметив их слабые и сильные стороны, а также предложим свою концепцию, являющуюся синтезом обозначенных нами ключевых концепций, что в свою очередь позволит нам говорить о формировании «нового поворота» в сторону Бахтина. Известно, что интерес к Бахтину к настоящему времени ослаб по сравнению с тем, каков он был к нему в 80-90-хх. гг. XX в. По нашему же предположению, только в этих условиях, в условиях «угасшего интереса» только и представляется возможным начать говорить о нем с большей очевидностью, используя в качестве предмета речи не только тексты самого Бахтина, пусть даже и взятые в контексте всеобщей философии, но и используя тексты бахтиноведов, как отечественных, так и зарубежных для концептуализации философского мышления Бахтина.

2.2 Виды периодизации.

В первой главе мы говорили в самых общих чертах о биографии М.М. Бахтина, при этом делая акцент на внешних событиях жизни мыслителя. Без этого сложно было бы обойтись, поскольку биография задает широким жестом экспозицию исследования. В этой части перед нами стоит совсем другая задача: очертить в общих чертах творческое наследие Бахтина в контексте проблемы периодизации, опустив насколько это возможно обстоятельства биографии. Говоря же о том или ином периоде, исключить эти обстоятельства совсем невозможно хотя бы уже потому, что именно с ними и связано предполагаемая дифференциация творчества. Тем не менее, как это будет показано ниже, являясь формальными обстоятельствами, они в полной мере отражают ключевые особенности периодизации, с явными или косвенными акцентами, позволяющими говорить о специфике того или иного периода.

Самая распространенная, в известном смысле простая и не требующая философской рефлексии периодизация может быть построена на основании ключевых этапах жизни исследуемого нами мыслителя. В литературе о Бахтине она связана с географией мыслителя, отражая его местожительство в различных городах России. Первым таким периодом является Невельский, – в 1918 г. М.М. Бахтин поселился в Невеле, уездном городе Витебской губернии (сейчас являющимся частью Псковской области). Здесь начинается его преподавательская деятельность, формируется круг друзей-единомышленников, вокруг которых формируется «кантовский семинар» и среди которых следует отметить В.Н. Волошинова и Л.В. Пумпянского, а также М.И. Каган, – философ, ученик неокантианца Г. Когена. Этот период отмечается рядом докладов, о чем мы знаем из публикаций в невельской газете Совета Рабочих, Крестьянских и красноармейских депутатов «Молот» («Мировоззрение Леонардо», о творчестве А.П. Чехова), участием Бахтина в диспутах («Бог и социализм», «Искусство и социализм», «О смысле любви»). При этом речь Бахтина была скорее апологической, если судить по заметке в газете, посвященной диспуту, в которой Бахтин характеризуется «защитником намордника темноты» и в своих речах «вита́л где-то в области поднебесья и выше»¹. Так же Бахтин читает ряд докладов и на религиозную тему («Христианство и критика», «Об отношении Фридриха Ницше к христианству»²), чтением лекций («О смысле жизни», «Об искусстве», рядом лекций по истории литературы). Период характеризуется отсутствием в наследии Бахтина каких бы то ни было текстов. Мы можем только предполагать, что, работая над докладами и лекциями, Бахтин работал над конспектами выступлений, однако, учитывая характер выступлений Бахтина, о чем нам известно в его поздний период по воспоминаниями свидетелей его выступлений, он не пользовался записями, речь его была естественной, поэтому можем предположить, что текстов этого периода не существует. Тем не менее, глядя на

---

¹ Молот. 1918. 3 декабря. С. 3

² Молот. 1919. 27 мая. С. 1

заголовки выступлений, мы уже можем сделать вывод об интеллектуальной, философской интенциональности мысли Бахтина, – опуская детали, мы можем смело усмотреть, что в центре внимания Бахтина – человек, при чем человек в предельной степени своего бытия: искусство, смысл, жизнь, любовь, Бог, – темы исключительно философско-антропологического характера.

Осенью 1920 г. Бахтин переезжает из Невеля в Витебск, тем самым начинается Витебский период его творчества. Как отмечает один из исследователей этого периода творчества Бахтина, «само понятие «Витебский круг М. Бахтина» – явление довольно сложное, поскольку оно включало в себя не только ближний круг, общение с которым ученый сохранил впоследствии на долгие годы, но и тех людей, которые взаимодействовали с М. Бахтиным в течение короткого периода его жизни и творчества в Витебске. Это были представители творческой и научной интеллигенции города, среди которых можно выделить К. Малевича (с ним у М. Бахтина завязалась настоящая дружба), Л. Лисицкого, А. Цшохера и др.»¹. Здесь он начинает свою педагогическую деятельность, будучи зачисленным в педагогический институт в качестве преподавателя всеобщей литературы, и здесь же «круг Бахтина» пополняется другой важной фигурой в контексте «спорных текстов», а именно П.Н. Медведевым. Период также характеризуется чтением лекций для широкой аудитории, в частности известно, что в начале 1921 г. Бахтин прочитал лекцию «Искусство и действительность»². В этом же году начинается работа над книгой, посвященной нравственной философии³. К этому периоду жизни М. М. Бахтина из дошедших работ относятся следующие тексты: «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Субъект нравственности и субъект права»⁴. Именно в этих работах закладывается основание философии Бахтина, которое в последующих работах ни столько преодолевается или

---

¹ Никонов А.Н. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 1. С. 23

² Искусство. Витебск, 1921. № 1. С. 9-10

³ Каган Ю. М. О старых бумагах из семейного архива // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 85

⁴ Там же. 72

разрешается, сколько, усложняясь, разворачивается и углубляется, для понимания чего, вне всякого сомнения, необходимо целостное видение наследия Бахтина.

В 1924 г. М.М. Бахтин переезжает в Ленинград, начав следующий, Ленинградский период творчества, – где он читает лекции («Герой и автор в художественном творчестве»), выступает с докладами на философскую тематику. Здесь же продолжает развиваться «круг Бахтина», который иногда называют еще «учениками» Бахтина, что не совсем верно, как отмечает Ю.М. Каган, что в этом случае «правильнее говорить об определенном круге философствовавших и живших общими духовными интересами людей»¹. К этому периоду принадлежит так называемые «спорные тексты Бахтина», тексты, вопрос о принадлежности которых Бахтину спорный, и которые были опубликованы под именами его ближайших друзей. «Ученый сальеризм», книга «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» вышедшие под именем П.Н. Медведева, «Современный витализм» – под именем И.И. Канаева. «По ту сторону социального», «Слово в жизни и слово в поэзии», книга «Фрейдизм. Критический очерк» – под именем В.Н. Волошинова. Период заканчивается публикацией под именем М.М. Бахтина предисловия к тому драматических произведений Л. Н. Толстого и фундаментальной книги «Проблемы творчества Достоевского» в 1929 г. Об истории создания текста почти ничего не известно, но важно отметить, что работа над книгой длилась на протяжении всех 20-х гг., а также то обстоятельство, что, как отмечают редакторы второго тома собраний сочинений М.М. Бахтина, «она пересекается в те годы с созданием оригинальной нравственной философии и философской эстетики»². О содержании, внутренней философской логике и связи ключевых идей книги о Достоевском и, в особенности, ее второго издания будет подробно сказано в соответствующем месте нашего исследования, однако, отметим, о чем в общих

---

¹ Там же. С. 61

² Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 433

чертах было сказано в предыдущей главе, о связи текста о Достоевском с символизмом Вячеслава Иванова, сославшись на С.Г. Бочарова: «целый ряд моментов работ Вяч. Иванова, в том числе теорминологических, откликается в концепции ПТД (примеры могут быть приведены). Это обилие переключек и соответствий говорит о силе влияния мысли Иванова как целого (а не только отдельных мест и терминов из его работ) на теоретическую программу ПТД, и правы исследователи, заключающие, что “ивановское старое вино живо в бахтинских новых мехах” и что Бахтин явился “переводчиком идей Вяч. Иванова на язык следующего поколения” и тем самым выполнил “миссию посредника”»¹. Можно согласиться с влиянием Иванова на Бахтина, но невозможно признать, что оно содержательно исчерпывает концепцию Бахтина, к тому же принципиально выходящую за пределы только лишь литературоведческого анализа текста Достоевского. Влияние – это нормальный ход творческой, философской мысли, и его отсутствие – вот что может считаться методологической ошибкой. Кроме того, имеется ряд «скрытых» источников, повлиявших на формирование концепции Бахтина, и что отмечает сам С.Г. Бочаров, говоря о сочинении Ф. Ницше «Рождении трагедии из духа музыки» как о таком источнике². С этим сложно не согласиться, равно как и о ряде иных влияний, о которых мы также скажем в дальнейшем, однако отметим сразу, что сводить изучение концепции Бахтина к источникам, повлиявшим на формирование этой концепции, важно, но недостаточно для понимания собственно философского значения книги о Достоевском.

Указанные выше три периода мы можем условно обозначить ранним периодом творчества М.М. Бахтина. В литературе, касающейся его раннего творчества, речь идет о текстах, созданных именно в этот период. Вопрос же о концептуальном понимании такой дифференциации в литературе не поднимается.

---

¹ Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина. // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 632 с. С. 284

² Там же. С. 285

В конце 1928 г. Бахтина арестовывают по обвинению в «контрреволюционной деятельности» за участие в «антисоветской организации “Воскресение”», в виду ухудшения здоровья Бахтина, грозившее ему пятилетнее заключение в концлагере заменяют ссылкой в начале 1930 г. в Казахстан, г. Кустанай. Таким образом начинается следующий период, больше отражающий биографию мыслителя, чем возможность характеризовать его творчество, поскольку ничего значительного в этот период написано не было. Мы могли бы для краткости избежать упоминания этого периода, однако мы не избежали бы пробела, и не смогли бы найти звено, связывающее предыдущий период со следующим. Отметим, что в этот период Бахтин работал над теорией романа и из значительных работ отметим «Слово в романе». Название работы перекликается с одной из глав книги о Достоевском, а именно «Слово у Достоевского», «и продолжает его с большим теоретическим расширением»¹. Отметим это в качестве положения, позволяющего нам говорить о внутреннем единстве и логики мысли философии Бахтина, в центре внимания которой – мысль о творчестве Достоевского.

Здесь же мы сталкиваемся с одной из ключевых проблем как биографии М.М. Бахтина, так и в предпринятой задаче показать периодизацию творчества мыслителя на основе его хронологии жизни. После отбывания ссылки, Бахтин еще два года прожил в Кустанае, до того момента, когда по рекомендации П.Н. Медведева в 1936 г. Бахтин не получил приглашение в Мордовский педагогический институт в г. Саранске. Как отмечает один из исследователей данного периода творчества М.М. Бахтина «первое время дела у Михаила Михайловича в институте шли нормально, но не долго. В конце декабря 1936 года он неожиданно был втянут в конфликт между деканом факультета Г.С. Петровым и секретарем парткома МГПИ П.Д. Ереминым, который был в то же время и

---

¹ Комментарии. «Слово в романе». // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 725

деканом физмата»¹, что, в конечном счете стало основанием для Бахтина опасаться за возможность вновь подвергнуться аресту. Это стало причиной, что Бахтин «по собственному желанию» покидает место преподавателя. И ему было чего опасаться: «после отъезда М.М Бахтина из Саранска его имя еще долго не могли забыть и часто упоминали, только теперь не на партийных собраниях, как раньше, а на допросах в НКВД. А допрашивали там весьма «профессионально», тем более в 1937 году. Как известно, после таких допросов любой самый безобидный человек “становился” злейшим врагом народа и Советской власти или же «делал» таковыми других. Бахтин уже однажды испытал подобное, когда был обвинен в том, чего никогда не совершал, и в итоге получил пять лет лагерей, замененные впоследствии на ссылку в Кустанай. Но на этот раз для него все могло завершиться гораздо трагичнее»². В июле 1937 г. Бахтин уезжает в Москву, после на некоторое время возвращается в Кустанай, и к осени того же года обосновывается в п. Савелово Калининской области³. Этот период характеризуется работой Бахтина в различных провинциальных школах преподавателем русского языка и литературы (в средней школе села Ильинское, в неполной средней школе №39 Ярославской железной дороги в г. Кимры, в средней школе №14 г. Кимры⁴), а также краткими пребываниями в Москве. Здесь стоит отметить его участие в конференции посвященной творчеству Шекспира в Центральном доме литераторов, выступление с докладом «Слово в романе», прочитанный Бахтиным в 1940 г. в ИМЛИ, а также доклад «Роман как литературный жанр», прочитанный Бахтиным в 1941 г. также в ИМЛИ. В этот же период, а именно в конце 1940 г. Бахтин заканчивает работу над рукописью исследования о Рабле⁵. Это важно для понимания генезиса ключевых идей

---

¹ Лапун В.И. М. М. Бахтин в Саранске: 1936 – 1937 гг. // М. М. Бахтин: черты универсализма. Материалы, исследования, переводы. К столетию со дня рождения М.М. Бахтина (Проблемы бахтинологии. Вып. III) / Ред. К.Г. Исупов; ответ. за выпуск. В.В. Бахтин. СПб. – М.: Институт деловых коммуникаций, 2011. – 326 с. С. 70-81

² Там же.

³ Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993. С. 214

⁴ Бахтин М. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе // Русская словесность. 1994. № 2. С. 48

⁵ Лапун В. И., Юрченкова Т. Г. Хронологический указатель к биографии М. М. Бахтина (проект) // М. М. Бахтин в зеркале критики. М., 1995. С. 99

Бахтина, однако, говоря о периоде, как и предыдущий, его в лучшем случае мы могли бы охарактеризовать как дремлющую на грани угасания мысль. Здесь как никогда мы отчетливо видим, насколько Бахтин нуждается в «круге единомышленников», вне которого его мысль, идеи, не находя нужной почвы, не могут найти для себя соответствующего воплощения. При этом круг идей Бахтина также отчетливо строится вокруг литературы. При чем литературы не только в ее предметно-эмпирической форме, а именно тексте Рабле, но как феномене культуры.

Обратим внимание, что текст 1940 г. о Рабле начинается с трех цитат, являющихся эпиграфом к тексту о Рабле, и первая – это фрагмент Гераклита. Этот фрагмент остается без внимания со стороны исследователей творчества Бахтина, между тем есть все основания полагать наличия явных или скрытых пересечений философии Бахтина с ключевыми идеями Гераклита Эфесского. Так, скажем, говоря о карнавале, Бахтин подчеркивает глубоко амбивалентный образ огня [...] одновременно и уничтожающий и обновляющий мир»¹. Но здесь мы остановимся на цитате к книге о Рабле, в котором мы усматриваем здесь ключ к пониманию метафизики карнавала в философии Бахтина, его понимание культуры как динамического явления, и кроме прочего для нас она важна в контексте понимания единства бахтинской мысли, о чем будет более подробнее развернуто в конце главы. Фрагмент этот В 52 αἰὼν παῖς ἐστὶ παῖζων, πᾶσσεύων· παῖδὸς ἢ βασιληῖν («век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!» [досл. «Эон — ребенок, играющий в песейю, ребенку принадлежит царская власть»]²). Один из известнейших фрагментов Гераклита имеет различное толкование: «одни видели здесь мысль о переменчивости человеческой судьбы, другие – космогоническую игру бога-творца («гераклитовского Зевса»), наконец третьи пытались прочесть «зашифрованные» в метафорике фрагмента числовые

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 146

² Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 242

значения для космического и жизненного циклов»¹. В контексте исследования Бахтина о Рабле мы можем предположить в этом корень понимания Бахтиным развитие мировой культуры в целом, отсутствие в ней рациональных элементов и подчиненность воли игре случая. Кроме того, ссылка на Гераклита, на первого мыслителя, уловившего вечную динамику мира, неспособного быть схваченным и зафиксированным в конкретных понятиях, лишний раз убеждает нас в верности мысли, что внутреннее единство философии Бахтина – это его принципиальная внутренняя незавершенность и ориентированность на вечную динамику идеи, мысли. Об этом говорит и сам Бахтин в поздних записях: «Единство становящейся (развивающейся) идеи. Отсюда и известная внутренняя незавершенность многих моих мыслей. Но я не хочу превращать недостаток в добродетель: в работах много внешней незавершенности, незавершенности не самой мысли, а ее выражения и изложения. Иногда бывает трудно отделить одну незавершенность от другой»². Мы же со своей стороны не столько констатируем эту особенность мыслителя, но, опираясь на источники, показываем развитие «бахтинской идеи» в ее становлении.

Мы подчеркивали, что карнавал мыслится Бахтиным онтологически, а не культурологически, и тем более шире, чем только в рамках литературоведения. Обратим внимание, что смысловое ядро карнавала по Бахтину «находится на границах искусства и самой жизни. В сущности, это – сама жизнь, но оформленная особым игровым образом»³, одна из особенностей которого заключается в феномене празднества. Последний в свою очередь «всегда имеет существенное отношение к времени. В основе его всегда лежит определенная и конкретная концепция природного (космического), биологического и исторического времени»⁴. Таким образом, карнавал не только пространственное

---

¹ Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014. С. 312.

² Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур. 2002. С. 431

³ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 15

⁴ Там же. С. 17

явление, но и временное, при чем время его – время самой жизни, – подобная интуиция вновь вынуждает обратить внимание на эпиграф к книге о Рабле, взятым Бахтиным из фрагментов Гераклита.

Может показаться, что книга о Рабле выбивается из контекста философской интенциональности Бахтина. Фактически же она выходит за пределы субъективного персонализма в сторону социокультурной аналитики человека. Это же отмечает П.С. Гуревич, говоря, что в этом тексте «диалог между субъектами, между “я” и “другим” замещается вдруг общительностью, сцепленностью различных потоков внутри целостного тела культуры. Обнаруживается, что сама культура пронизана диалогичностью, что позволяет как будто транспонировать персоналистскую установку Бахтина: все, что прежде говорилось о человеческом, вполне можно, как выясняется, изложить языком социокультурной тематики»¹. При этом, как справедливо отмечает Гуревич, «анализируя культуру, Бахтин остается персоналистски ориентированным мыслителем»², но не замечает, что не просто культура становится предметом мысли Бахтина, но культура сквозь призму литературы, – для нас же это одна из центральных линий, позволяющих нам говорить о своеобразии и красоте бахтинской мысли.

В первой главе, давая экспозицию и общее введение в мысль Бахтина, мы подчеркивали специфическую особенность его философии, отличающую ее от ряда теоретических концепций, в том числе близких или полностью строящихся в области философской антропологии, экзистенциализма. Литература это искусство слова, но слово, как логос это полнота человеческого в предельной форме своего развития, относящееся не только к отдельно взятому человеку, наделенному речью, но к человечеству, наделенному мышлением. Связь Бахтина с ключевыми представителями русской философии конца XIX – начала XX

---

¹ Гуревич П.С. Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.– М.: Наука, 1992. С. 95

² Там же.

сомнительна, но не безосновательна, и, говоря, что для Бахтина слово понимается как логос мы делаем сильное заявление, требующее отдельного обоснования. Но в данном случае хотелось бы подчеркнуть только понимание литературы Бахтиным, вытекающее из содержания его творчества. И именно глядя на книгу Рабле, – фактически, являющейся несколькими текстами, ставшими единым целостным только в 1965 году когда выходит в свет второе после книги о Достоевском фундаментальное сочинение Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», о которой мы будем более подробно говорить ниже, касаясь как следующих периодов, так и разворачивая аналитику позднего творчества Бахтина.

В августе 1945 г. по приказу Наркомпроса РСФСР Бахтина назначают и.о. доцента по всеобщей литературе Мордовского педагогического института в г. Саранске и уже с сентября начинается Саранский период творчества Бахтина. Как отмечает один из современников, вспоминая о Бахтине, «жил Михаил Михайлович в Саранске очень изолированно. Это объяснялось не только его желанием иметь в качестве собеседников надежных друзей, но и атмосферой, которая создавалась вокруг него и других заметных в городе людей. Это была атмосфера подозрительности, отчужденности. Люди боялись контакта с ним и избегали всяческого общения. И он опасался провокации со стороны тех людей, которые могут сделать донос, вследствие чего политических тем старался не касаться и был крайне сдержан. Он понимал политическую обстановку, суть советской власти, ее антинародный характер, но старался меньше об этом говорить»¹.

Учитывая, что это уже вторая попытка Бахтина обосноваться в Саранске в качестве преподавателя литературы, есть вероятность видеть начало этого периода именно с 1936 г. Однако, учитывая, что пребывание носило краткий промежуток времени и почти никак не отразилось в творческом наследии

---

¹ Бахтин В.В. Репортаж о встрече с Исааком Ильичом Ландо, коллегой и другом М.М. Бахтина // Антология современной русской философии. Сер. «Русское философское наследие» Москва, 2021. С. 514-519.

мыслителя, в этом нет необходимости. В начале этого периода Бахтин продолжает размышлять над теорией романа, а также начинает работу над темой «Источник гоголевского смеха»¹, что вне сомнений также является следствием его теоретических построений, развернувшихся в тексте о Рабле, ставшем темой кандидатской диссертации Бахтина, которую он защитил в ноябре 1946 г. («Рабле в истории реализма»²), присуждение же Бахтину степени кандидата филологических наук состоялось гораздо позднее в 1952 г. – диплом МФЛ № 01287. Отметим, что за эту работу Бахтин мог получить степень доктора наук, однако ходатайство было отклонено Высшей аттестационной комиссией со стандартной для подобных случаев формулировкой, связанной с тем, что работа не отвечает предъявляемым к тому требованиям.³ Этот период характеризуется стремительным взлетом Бахтина по академической лестнице, – уже в феврале 1947 г. он был утвержден и.о. заведующего кафедрой всеобщей литературы МГПИ. Круг же профессиональных интересов сосредоточен на теории романа, истории литературы, а также вновь появляется тема диалога. Так в 1952 г. им была написана статья «Диалог в литературе и его виды»⁴. Тем не менее, основное его научное творчество сосредоточено вокруг кафедры, это и выступление с докладами, чтение лекций, подготовка статей, в том числе носящих исключительно педагогическое значение, а также ведение студенческих кружков, что с известной долей оговорок можно было бы считать одной из форм «круга Бахтина», являющихся одной из необходимых составляющих творческой мысли философа. Осенью 1960 г. Бахтин получает письмо от московских литературоведов В.В. Кожина, С.Г. Бочарова, Г.Д. Гачева, П. В. Палиевского,

---

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. р - 546, оп. 1, д. 228, л. 41-44

² Паньков Н. А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее...» (защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2—3. С. 29 - 55

³ Высшая аттестационная комиссия. Выписка из протокола об отклонении ходатайства Бахтина М.М. о присуждении ученой степени доктора филологических наук. 29 апреля 1951. Москва. // ОР РГБ Ф.913, к. 2, ед. 29.

⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. р—546, оп. 1, д. 322, л. 102

В. Д. Сквозникова^{1,2}, личное знакомство с которыми состоялось уже летом следующего года, тогда же Бахтин выходит на пенсию. Бахтин продолжает жить в Саранске, лишь изредка Бахтин выезжает в Москву, где постоянно обосновывается только в 1972 г. когда Бахтин получил московскую прописку, переехав в кооперативную квартиру в писательском доме³. В этот поздний период Бахтин перерабатывает книгу о Достоевском, второе издание которой вышло в 1963 г., тем самым обозначив для нас границу позднего творчества М.М. Бахтина, а также готовит книгу «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В этот период было также подготовлено ряд статей, работает над книгой о речевых жанрах⁴, а также оставлен ряд записей и черновых набросков, философский анализ которых позволит нам в дальнейшем показать характер и специфику позднего творчества философа, а также актуальность и перспективность черновых записей в контексте понимания общего наследия М.М. Бахтина. Учитывая, что работа над двумя ключевыми книгами Бахтина велась на протяжении если не всего творчества, но на протяжении значительного количества времени, мы уже можем с уверенностью в качестве одного из тезисов позднего творчества Бахтина выдвинуть понимание его таким образом, при котором оно является не только самостоятельным периодом в числе прочих, но является и полнотой и итогом творческой деятельности философа.

Достоинства такой периодизации в ее простоте, «объективности», не лишенной определенной мнимости, а также универсальности, позволяющей прибегать к ней различных исследователей, – философов, культурологов, литературоведов. Недостатки такого подхода гораздо существеннее: он несколько не характеризует генезис идей, не позволяет говорить ни об эволюции взглядов, не проясняет формирование ключевых понятий творчества Бахтина, их развитие

---

¹ Письма М. М. Бахтина // Литературная учеба. 1992. № 5 – 6. С. 144

² Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. – Москва: Издательство Московского университета, 2009. – С. 486 – 487.

³ Хронологический указатель к биографии М. М. Бахтина: (Проект) // М. М. Бахтин в зеркале критики. С. 103.

⁴ «Будет новая книга» // Сов. Мордовия. 1966. 13 февраля.

и связь с единым образом философии. Единство творчества здесь представлено исключительно рефлексивно, и не проблематизируется как одно из ключевых тем в исследовании творчества. Условно мы вправе разбить представленную нами выше периодизацию, основанную на биографии жизни мыслителя на раннее, среднее и позднее творчество, тем самым обозначив для себя предметную область нашего исследования. Однако, поскольку, как отмечалось нами выше, позднее творчество – это предельная точка развития мысли Бахтина, имеющая свое историческое развитие, свою генеалогию идей, то вне сомнения, становится ясным, что предпринимаемая задача исследования фактически тождественна попытке сформировать целостный образ философии Бахтина, о чем мы также выше неоднократно замечали.

Однако периодизация, основанная на биографии, не единственная из возможных. Учитывая ее недостатки, мы могли бы также выделить периодизацию, выстраивающуюся на ключевых идеях мыслителя, на концепциях, являющихся фундаментальным основанием разворачивающегося творчества в тот или иной период. Заметим сразу, что именно такой подход позволяет нам актуализировать проблему понимания Бахтина как мировой интеллектуальный феномен.

Среди исследователей творчества М.М. Бахтина, кто проделал подобную работу, требующую не только знания в области исследуемого предмета, но и определенной философской смелости, является отечественный литературовед, бахтиновед, учредитель и редактор журнала «Диалог. Карнавал. Хронтоп» Николай Алексеевич Паньков (1956 – 2014). Изданная в 2009 г. книга Н.А. Панькова «Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина» является одной из попыток продемонстрировать возможность, а также актуальность исследования определенного отрезка творческой истории мыслителя, вычленив в ней существенное в концептуальном смысле. Несмотря на то, что текст Н.А. Панькова ограничен сравнительно небольшим временным отрезком жизни М.М. Бахтина (конец 1930 – начало 1840-х гг.), однако для нас важно отметить, что в

этом тексте продемонстрирована попытка подойти к периодизации творчества Бахтина именно в контексте его идей, и в частности сосредоточенных в текстах, посвященных теории романа и книге о Рабле. Автор сразу оговаривается, что в его задачу не входит «охватить все периоды биографии М.М. Бахтина и все его тексты», поэтому нет необходимости требовать от текста большего, чего в нем принципиально быть не может. Говоря о теории романа, Н.А. Паньков сосредоточился на «двух дискуссиях о теории романа, прошедших в 1940 и 1941 гг. в Институте мировой литературы АН СССР»¹, когда Бахтин сделал два доклада «Слово в романе» и «Роман как литературный жанр». В части, посвященной Рабле, «довольно подробно описываются и первичное зарождение замысла книги, и процесс ее написания, и ход ее защиты (включая многие моменты этой бурной дискуссии, а также характеристику всех ее основных участников). Как документальная основа, помещаются снабженные развернутыми комментариями стенограмма защиты и тезисы к диссертационной работе Бахтина»². Из чего видно, что, несмотря на предпринятую попытку концептуализировать периодизацию творчества М.М. Бахтина, автор оказывается во многом в рамках «научной» биографии. Ее существенный недостаток в отсутствии философского осмысления наследия и возможности, имея соответствующие результаты, говорить об идеях Бахтина в контексте истории идей или мировой философии. Тем не менее, примечательно и стоит зафиксировать: Н.А. Паньков рассматривает книгу о Рабле в ее формальном, текстовом генезисе и контексте социальной обстановки, в которой оказался Бахтин как единое целое.

Работа Н.А. Панькова, несмотря на определенную спектральную узость выбранного исследователем периода творчества М.М. Бахтина, является уникальной работой в бахтиноведении, что, вероятно, бросается в глаза в той мере, в которой мы ставим вопрос о смысловом единстве наследия Бахтина. Однако работе не хватает на философской смелости, позволяющей представить

---

¹ Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 5

² Там же.

книгу о Рабле, понимаемую нами как совокупность текстов, растянутых с 1940-х по 1965 гг., единство которых определяется не столько именем французского писателя, сколько совокупностью идей, разворачиваемых в текстах в числе которых понятие карнавала, смеховой культуры, смеховое начало человека, а также официальной культуры и ее семантики. Эти ключевые темы выводят текст о романе Рабле, поднимаемый Бахтиным в рамках развития романного жанра на принципиально иной уровень, в котором литературоведение сплетается в органичное целое с философией, культурологией, антропологией, эстетикой.

Говоря о концептуальной периодизации мы говорим о такого рода попытке представить единство философии М.М. Бахтина, при котором смысловыми узлами выступают не временные отрезки жизни, и даже не только тексты, но идеи и концепты, разворачивающиеся в текстах. Тексты сами по себе не могут выступать такого рода опорными точками, поскольку взятые в чистом виде, они лишены внутреннего статуса и оценки, даваемой нами через анализ и интерпретацию. Именно поэтому мы не можем утверждать, что ключевые тексты М.М. Бахтина – книги о Достоевском и Рабле, – это сочинения о литературе, литературоведческие по преимуществу. Кроме того, взятые сами по себе тексты порождают разновидность хронологической интерпретации, рассмотренной нами выше. Обозначив таким образом понимание концептуальной периодизации, мы оказываемся в сложном положении, а именно: ключевые идеи Бахтина, составляющие то, что мы можем назвать его словарем, развиваются в процессе его научной деятельности органично, образуя определенный выраженный полифоничный рисунок, позволяющий нам говорить о единстве философии Бахтина. Примеров можно привести множество, остановимся же на понятии диалога, одного из ключевых понятий философии Бахтина, концептуализированных в книге о Достоевском. Однако, понимая диалог с его внутренней структурой, позволяющей нам говорить о развитии его как идеи, мы не можем не отметить, что начало диалога в философии Бахтина лежит собственно в самом начале его творчества. Скажем, в одном из ранних сочинений

«Автор и герой в эстетической деятельности», мы можем встретить кроме прочего диалогическую структуру, конституирующую пространство текста, крайними фигурами которого являются голоса автора и лирического героя. Кроме того, здесь же мы сталкиваемся с фигурой Другого, органично вытекающей у Бахтина из анализа фигуры автора в эстетической деятельности, и также являющейся одной из центральных тем у Бахтина, и также концептуализирующейся в книге о Достоевском. В «Авторе и герое» Бахтин писал: «Согласно прямому отношению, автор должен стать вне себя, пережить себя не в том плане, в котором он действительно переживает свою жизнь; только при этом условии он может восполнить себя до целого трансгредиентными жизни из себя завершающими ее ценностями, он должен стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого; правда, и в жизни мы это делаем на каждом шагу, оцениваем себя с точки зрения другого, через другого стараемся понять и учесть трансгредиентные собственному сознанию моменты: так, мы учитываем ценность нашей наружности с точки зрения ее возможного впечатления на другого — для нас самих непосредственно эта ценность не существует...¹». Это сталкивает нас с мыслью о невозможности рассматривать творчество Бахтина изолированно, при чем говорим мы здесь об изоляции как хронологической, при которой отдельно взятые темы не могут не быть проясненными через всю совокупность текстов, так и концептуальную, при которой ключевые идеи Бахтина обретают форму, плотность, и проясняют исток собственного развития. Не говоря уже об узких рамках строгой научности литературоведческой науки. Бахтин уже в ранних текстах отмечал необходимость философии в прояснении литературы или эстетики словесного творчества: «приходится признать, что важные явления в области общей эстетики не оказали ни малейшего влияния на эстетику словесного

---

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 97

творчества, существует даже какая-то наивная боязнь философского углубления; этим и объясняется чрезвычайно низкий уровень проблематики нашей науки»¹.

Несмотря на полифоничный характер сочинений Бахтина, мы вправе концептуализировать периодизацию, расставив соответствующие акценты в его творчестве. Несмотря на прослеживающуюся фундаментальность мысли Бахтина на протяжении всего его творчества, – позволяющую намечать искомое единство и формировать основание для обоснования периодизации, намечая тем самым пространство для возможности дискурса о позднем творчестве Бахтина. Тексты Бахтина это всегда конкретные тексты, посвященные определенному срезу эмпирических проблем. Взятое как целое, наследие Бахтина может мыслиться как философское в той степени, в которой в нем прослеживается единство, – в противном случае, перед нами развернулся бы коллаж из идей и концепций. Конечно, как справедливо по этому поводу отметил А.Г. Черняков, «коллаж позволяет собирать смыслы из уже состоявшихся и исторически приуроченных смыслов, конструируя из них новый смысл как фигуру смыслов, смысловое созвучие, со-смыслие, внутреннее единство которого является следствием спекулятивного произвола, нежели необходимостью, вытекающей из акта философского мышления»², однако в случае с Бахтиным, проблема заключается именно в том, что смыслы, идеи и концепты не фиксированы, а стало быть исторически не состоявшиеся, – они сами нуждаются в отдельном исследователе, способном наделить их смысловым значением, не только описав их в контексте философии Бахтина, но и вписав в русскую и мировую философию как в историю идей. Несмотря на то, что ранний Бахтин говорил о необходимости построения «первой философии», проект которой должен пониматься как фундаментальное обоснование философских наук (что с одной стороны было в духе своего времени, а также в духе самой классической философии, притязающей на

---

¹ Там же. С. 94

² Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 129

всеохватывающее и все обосновывающее знание), и построение которой в известном смысле разворачивалось на протяжении всего творчества Бахтина, несмотря на все это мы, как читатели текста Бахтина, имеем дело по преимуществу с текстами, как сказано выше, имеющими эмпирическое содержание.

Такая концептуализация предельно конструктивна со всеми вытекающими из этого следствиями, допустимыми и необходимыми в рамках философского анализа. Исторический же срез творчества был нами рассмотрен в части, посвященной хронологической периодизации. Мы не можем позволить в рамках нашего исследования детально проанализировать каждый из этапов творчества в контексте обозначенной проблемы. Сосредоточим наше внимание лишь на общих моментах для возможности более органичного перехода к основной теме нашего исследования, – к концептуализации позднего творчества Бахтина.

Как отмечалось выше, в литературе о Бахтине за его ранним творчеством закрепился этический момент, при котором утверждается бытие в мире человека. Когда в «Авторе и герое» Бахтин замечает, что «эстетическое созерцание и этический поступок не могут отвлечься от конкретной единственности места в бытии, занимаемого субъектом этого действия и художественного созерцания»¹, – мы фиксируем не только содержание, раскрывающееся в этическом поступке, но несводимость его только к этическому моменту или только к эстетическому. Эстетическое для Бахтина этично, а этичное эстетично, при чем едва ли не в прямом смысле слова, в котором его употреблял И. Кант, разворачивая трансцендентальную эстетику. Бахтин пишет: «эстетическая деятельность и начинается собственно тогда, когда мы возвращаемся в себя и на свое место вне страдающего, оформляем и завершаем материал вживания; и это оформление и завершение происходят тем путем, что мы восполняем материал вживания, т. е.

---

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 105

страдание данного человека¹». Здесь мы должны вспомнить зафиксированное нами в первой главе нашего исследования понимание литературы не только как феномена культуры, но полноту проявления человеческого, при этом эстетически окрашенного проявления. Художественное слово не потому эстетично, что оно художественное, но потому, что направлено на реакцию другого человека, на его эмоционально-волевое разворачивание в жизни, на его отклик в мире в конечном счете. И в этом же проявляется пафос ответственности в его эстетическом статусе.

В этих условиях зреет и формируется книга о Достоевском. Более подробно о роли творчества Достоевского в философском наследии Бахтина будет сказано позже, здесь же коснемся тех ключевых идей, которые разворачиваются в книге о Достоевском. Текст состоит из двух частей и, говоря об идеях, первая обосновывает понятие полифонического романа Достоевского. Будучи показанной и концептуализированной на примере творчества Достоевского, полифонизм в последствии стал самостоятельным понятием, для обозначения не только внутренней структуры романного жанра, но и применительно к культурологическим построениям, отголоски чего в явной форме мы можем обнаружить у автора «первой на русском языке монографии о Бахтине, которая до сих пор остается чуть ли не единственным текстом, в котором развернуто целостное толкование бахтинских взглядов, включая и имеющиеся у Бахтина тектонические смысловые сдвиги»², а именно у В. Библера. Отметим сразу, сославшись на В.М. Межуева, что «идею диалога Библер перенес в сферу мышления, полагая, что каждая культура мыслит по собственной логике. Поэтому логика диалога между ними может быть только диалогом логик. Если Бахтин, от которого отгалкивался Библер, в вопросе о диалоге культур мыслил, по мнению последнего, в русле все же одной логики, а именно новоевропейской, отдавая тем самым дань монологизму, то, по Библеру, любая логика существует в ситуации самоотрицания, перехода в какую-то иную логику, нам известную или еще

---

¹ Там же. С 107

² Гогтишвили Л.А. Библер, Бахтин и проблема автора. // Вопросы философии. 2008, №9. 83-110 с.

неизвестную. В представлении Бахтина культура не имеет собственной территории, она вся расположена на границах, в переходах между искусством, наукой, моралью и пр., для Библера такой территорией является настоящее, современная культура, вобравшая в себя все исторически существовавшие и существующие культуры. Диалогу культур, который Бахтин мыслил как постоянно происходящий в истории процесс, Библер придал характер совершающейся на наших глазах драмы, перенеся его вовнутрь культуры XX века»¹.

Вторая часть книги, посвященная слову у Достоевского, и содержит две существенных идеи: философия диалога и философия слова. Чтобы говорить о слове у Достоевского, а равно развернуть понимание диалога, Бахтину приходится говорить о слове вообще, подходя к необходимости классификации по направленности слова, – слово в диалоге по Бахтину – «двойко-направленное слов (учитывающее чужое слово)»². Между полифонизмом и диалогом несложно заметить существенную связь, позволяющую нам зафиксировать, что одной из внутренних характеристик диалога по Бахтину является его полифоничность. Верно будет сказать и обратно: в основании полифонии лежит разворачивающийся диалог. Обосновывается это лежащими в их основании идей, и возможное столкновение которых и является основанием как для диалога, так и полифонии. В строгом смысле, между полифонизмом и диалогом, какими их видит Бахтин нет существенной разницы на уровне структуры, – различия в области применения, но уже здесь мы можем наметить существенную характеристику философии Бахтина, – ее принципиальный динамизм и открытость по отношению к идеям. Бахтина можно назвать всеядным, но это характеристика, вытекающая именно из его принципиальной открытости.

---

¹ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 378

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 81

В основании понимания диалога для Бахтина лежит направленность слова, его интенциональность, – одно из ключевых понятий феноменологии Гуссерля, и которое также использует Бахтин для характеристики слова. Гуссерль же, указывая, что «выражение интенция представляет своеобразие актов в образе целевой устремленности (Abzielen) и поэтому очень хорошо подходит для тех многих актов, которые в естественном и самом общем смысле можно назвать теоретической или практической целевой устремленностью»¹. Во втором издании книги о Достоевском Бахтин не использует это ключевое понятие феноменологии Гуссерля. Сравним два фрагмента: «можно без труда убедиться, что кроме непосредственно интенциональных слов (предметных) и слов, направленных на чужое слово, имеется и еще один тип»², – находим мы в первом издании, и, соответственно, во втором: «можно без труда убедиться, что кроме предметно направленных слов и слов, направленных на чужое слово, имеется и еще один тип»³. Замена понятия «интенция» эта одна из особенностей, лежащая в основе формальных изменений. В архиве Бахтина имеется среди прочих материалов к новому изданию книги о Достоевском отдельное приложение, в котором Бахтин перечисляет страницы из издания 1929 г., в которых необходимо изменить слово интенция⁴. В письме С.Г. Бочарова к Бахтину, являвшимся редактором второго издания книги о Достоевском, мы находим, что единственной претензией со стороны издательства к тексту Бахтина была необходимость исключить слово «интенция» и «интенциональность», и найти слова, выражающие схожее значение.⁵ Вероятно, это связано с тем, что понятие в академической литературе того времени не использовалось и было едва ли не устаревшим. Также можно

---

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Том второй. Часть первая. Исследования по феноменологии и теории познания. // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с. С. 164

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 82

³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: Русские словари, 2002. С. 208

⁴ Бахтин М.М. Перечень страниц из издания 1929 г. книги о Достоевском, на которых необходимо заменить слово «интенция». 1960-е. Автограф. // ОР РГБ. Ф.913. 39. 13. 2 лл.

⁵ Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 17 ноября 1963. // ОР РГБ Ф.913.6.38 л.8

предположить, что подобное понятие «буржуазной философии» дискредитировало бы издательство, что для издательства было бы крайне непозволительным. Тем не менее, это изменение лишает неподготовленного читателя понимания философского истока мышления Бахтина. Мы уже говорили в общих чертах о связи Бахтина с феноменологией Гуссерля. Для нас же важно здесь зафиксировать наличие философских, феноменологических элементов в лингвистических построениях Бахтина, о чем он во втором издании скажет более конкретно. Но кроме того мы обозначаем крайне важную для понимания Бахтина составляющую, а именно необходимость знания мировой философской мысли для понимания истока идей Бахтина, что нисколько не умаляет его оригинальности, но прежде всего вводит его мысль в пространство Большого времени не по факту причастности, но по содержанию идей.

Следующую ключевую идею у Бахтина мы находим в понимании романа, романного жанра, а также слова в романе, являющимся органичным следствием ключевых идей, разработанных Бахтиным в книге о Достоевском. Бахтин подчеркивает, что рассматривает в этом контексте «ряд проблем, относящихся не к теории жанров, а к философии жанров»¹. Роман как жанр для Бахтина характеризуется принципиальной незавершенностью, что позволяет Бахтину зафиксировать связь с «незавершенной действительностью»², и тем самым с самим человеком, являющейся открытой, незавершенной системой, что также является одним из доводов, позволяющих укрепить один из наших исходных тезисов о литературе, понимаемой как выражение человеческого духа. И здесь мы также сталкиваемся с едва ли не внутренним принципом методологии Бахтина, заключающийся в принципиальном динамизме, незавершенностью идеи, ее вечном развитии. На связь антропологии и жанра обращает внимание В. Подорога, отмечая, что у Бахтина «человек говорит лишь постольку, поскольку

---

¹ Приложение. Заключительное слово М. М. Бахтина на обсуждении доклада «Роман, как литературный жанр» 24 марта 1941. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: Русские словари, 2012. С. 647

² Там же.

через него говорит жанр. Мы говорим лишь в пределах жанровой формы, которую всегда застаем и никогда не можем что-либо произнести вне ее поддержки»¹. В этом моменте мы находимся вблизи с ключевыми принципами постмодернизма в философии, с философией которого Бахтина иногда отождествляют², и, что будет прояснено в дальнейшем, имеет лишь внешнее сходство и лишено существенных онтологических оснований.

Далее в общих чертах рассмотрим некоторые ключевые идеи, разворачиваемые Бахтиным в ряде работ, посвященных творчеству Франсуа Рабле. Следует сразу подчеркнуть, что, несмотря на то, что текст о Рабле сложился в своей итоговой форме лишь в 1965 году, есть все основания полагать, что ключевые идеи, разворачиваемые в тексте о Рабле, «формировались на рубеже 1920-1930-х гг.»³ Так «на вопрос, когда могла бы выйти книга о Рабле, не будь к тому никаких внешних препятствий, М.М.Б., по признанию Турбина, уверенно отвечал: «Полагаю, что в 1933 году»⁴. Нам важно это зафиксировать в качестве одного из доводов, позволяющих понимать философию М.М. Бахтина в ее органичном единстве и неразрывности, связанности идей, понимание которых изолировано, в не контекста с целым, обедняет и лишает всякого понимания. В тексте о Рабле содержится множество идей, еще до конца не проясненных в философском аспекте. Это не только концепция карнавала и официальной культуры, смехового начала человека, но и понимание гротеска. Бахтин детально анализирует историю формирования понятия гротеска, подчеркивая, что ни одно из имеющих удовлетворительно не затрагивает сущностного содержания гротеска. «Гротескный образ характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение ко времени, к смене, к становлению – необходимая

---

¹ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019. С. 266

² См. работы Махлина В.Л.

³ Приложение. История «Рабле»: 1930-1950-е годы. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 842

⁴ Там же. С. 841

конститутивная черта всякого подлинного гротескного образа. Другая, связанная с этим, необходимая черта его – амбивалентность: в нем в той или иной форме даны (или намечены) оба полюса изменения – и старое и новое, и умирающее и рождающееся, и начало и конец метаморфозы»¹. Принципиальный динамизм и незавершенность гротеска, смешение в единстве частей разнородного позволяет наметить общую связь с полифонией, и, что более органично, с карнавальной культурой. Будучи приложимой к человеку, именно через гротеск Бахтин приходит к пониманию целостного участия человека в мире, едва ли не сближаясь с ключевыми идеями русских религиозных мыслителей, однако, по другим основаниям: «гротескное тело космично и универсально: в нем подчеркиваются общие для всего космоса стихии – земля, вода, огонь, воздух; оно непосредственно связано с солнцем, со звездами; в нем – знаки зодиака; оно отражает в себе космическую иерархию; это тело может сливаться с различными явлениями природы – горами, реками, морями, островами и материками; оно может заполнить собою весь мир»². Несмотря на это и на откровенную симпатию Бахтина по отношению к гротеску, исследование которого является органичным следствием изучения истории жанров, мы не можем сказать утвердительно, что именно здесь содержится полнота понимания человека в философии Бахтина. Для этого следует учитывать диалогическое основание, лежащее в природе человека. Антропология Бахтина – это антропология персоналистская. Ему важен не просто человек, но личность. Личность определяет свое бытие не просто в соотношении с иным или с Не-я, но с другой личностью, – через диалог. Здесь можно было бы заметить явное или косвенное влияние на мысль Бахтина диалектики Гегеля. Несмотря на отсутствие симпатии по отношению к Гегелю со стороны Бахтина, неогегельянские мотивы у Бахтина отмечает Ю. Кристева: «мы знаем, что он много читал Гегеля и гегельянцев, – говорит Ю. Кристева. – Все его размышления

---

¹ Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма (1940). // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 31

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 342

о драматическом, противоречивом, диалогическом сознании согласуются с гегелевской диалектикой не только во внутренней логике слова, поставленным под сомнением другим словом, но и взаимосвязи между миром природы»¹. Говоря же о соотношении диалектики и диалога, отметим сразу, что диалектика «в качестве диалогического метода мышления состоит, однако, в том, что она ориентируется на построение знания (у Гегеля оно получило даже название абсолютного), снимающего в конечном счете первоначальную оппозицию тезиса и антитезиса, преодолевающую ее в некотором заключительном теоретическом синтезе. В итоге диалектика оказывается логикой тождества, равенства разума или духа с самим собой, исключающего возможность дальнейшего существования оппонирующих друг другу субъектов. Такая логика приводит к утрате индивидом статуса самостоятельно мыслящего субъекта, к его растворению в безличном сверхиндивидуальном разуме и, следовательно, к невозможности дальнейшего ведения диалога»². Другой стороной антропологии Бахтина является утверждение смехового начала человека. Отношение Бахтина к смеху как оружию против серьезности, конечно, не оригинально в истории философии. Отметим, скажем, фрагмент из «Поэтики» Аристотеля: «Следует серьезность противника отражать посредством шутки, а его шутку – посредством серьезности»³. Однако анализ Бахтина носит не функциональный характер. Для него смех – это цель. Карнавал же позволяет актуализировать скрытые интенции свободы человека. Смех у Бахтина высмеивает официальную культуру, но в этом высмеивании и утверждает ее. Смех не может быть односторонним. По крайней мере если иметь в виду эстетику Рабле которая, как это отмечал и А.Ф. Лосев, «есть та сторона эстетики Ренессанса, которая означает ее гибель, т.е. переход в свою противоположность»⁴. Это то основание, которое схватывает Бахтин, говоря

---

¹ Kristeva J. Dialogisme, carnivalesque et psychanalyse: entretien avec Julia Kristeva sur la réception de l'oeuvre de Mikhaïl Bakhtine en France // Recherches Semiotiques. Sémiotiques Inquiry. 1998. Vol. 18. № 1/2. P. 21

² Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 376

³ Аристотель. Поэтика. // Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 147

⁴ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения/Сост. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1998. С. 610

о смехе у Рабле в контексте истории развития романного жанра, связывая текст Рабле с гротескным реализмом. Лосев говорит о нем просто как о реализме, при этом с явно негативной оценкой: «реализм Рабле есть эстетический апофеоз всякой гадости и пакости»¹. Бахтин же в своей работе останавливался на этом достаточно общем моменте относительно эстетической оценки текста Рабле, говоря, что такой взгляд является взглядом на красоту, сформированную последующей эстетикой, и, прежде всего, сформированной романтизмом, и поэтому подобная оценка лишена оснований. А.Ф. Лосев был знаком с работой Бахтина, однако не уделил анализу его работы должного внимания, не вступает с ним в открытую полемику в анализе значения Рабле в истории эстетики, видя в Бахтине исключительно литературоведа, выводы которого «представляются весьма спорными и иной раз неимоверно преувеличенными»².

В книге о Рабле также, как случае с текстом о Достоевском, литература становится не последней целью исследования, несмотря на формальные признаки такого положения, но пространством, детерминирующем философскую мысль Бахтина, порождая особую, уникальную философию, в центре которой человек, но помысленной через художественный текст. В последствии такое философствование Бахтина ставилось ему едва ли не в упрек, полагая, что в сложившихся политических условиях Бахтин не имел возможности говорить прямо о своих философских взглядах и поэтому прибегал к такого рода «эзопову языку». Бахтин и вправду в некоторых местах одергивает себя, чувствуется в ряде текстов невозможность мыслителю развить те или иные положения с большей смелостью, однако это несколько не умаляет важности поднимаемого Бахтиным предмета его мысли, – в широком смысле таковым предметом является литература.

Рассмотрев в общих чертах ключевые концепции Бахтина, мы должны прийти к выводу, что в контексте периодизации его творчества, мы находимся в

---

¹ Там же.

² Там же.

динамичном интеллектуальном пространстве, при котором различные идеи и концепции, фигурирующие и разворачивающиеся на страницах сочинений Бахтина, переплетаются между собой, дополняя и проясняя как частное, так и целое. Таким образом формируется герменевтика Бахтина, отражающая не столько присущий Бахтину методологический принцип, сколько внутреннее содержание его текстов, образуемое при попытке схватить как целое в философском осмыслении его творчества. Отметим, что это единство прослеживается, – философия Бахтина не есть череда идей, связанных только общим именем. Отметим и то, что развитие этих идей так же имеется, но развитие это особого рода, и именно этому посвящена наша следующая глава.

2.3 Герменевтика Бахтина как основание структуры его философии.

Мы неоднократно, в контексте исследования, подчеркивали то обстоятельство, что в исследовании творчества М.М. Бахтина одна из главных тем, – тема внутреннего философского единства наследия. Мало определить характер философии Бахтина, необходимо вычлнить внутреннее содержание этой философии, причём таким образом, при котором последнее становится результатом философского анализа текстов Бахтина, а не является предметом рефлексии самого мыслителя. Выше мы обозначали ее в контексте проблематики периодизации, в частности концептуальной периодизации. Однако среди исследователей есть и те, кто поднимал в своем творчестве и попытки «реконструкции методологии гуманитарного познания по Бахтину»¹. В частности, эту задачу ставила для себя Л.И. Новикова, отмечая, что в творчестве самого Бахтина эта проблема носит фрагментарный характер, что обуславливает необходимость подобной работы с четким пониманием ряда трудностей. Однако Л.И. Новикова, уходя в реконструкцию методологии по преимуществу, оставляет

---

¹ Новикова Л.И. К методологии гуманитарного познания. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.— М.: Наука, 1992. С. 97

без внимания концептуальность философии Бахтина, его острую зависимость от своего интеллектуального словаря, при котором каждое понятие, находясь в динамике разворачивания своего содержания, органично переплетается друг с другом. Тем не менее, исследование Новиковой подталкивает нас к обоснованию герменевтики из философии диалога. «Понимание всегда в какой-то мере диалогично»¹, – отмечает Бахтин, позволяя предположить обоснование внутренней герменевтики всего наследия Бахтина, пронизанного философией диалога. Мы не станем здесь рассматривать связь герменевтики и теорий понимания Бахтина с ключевыми представителями философской герменевтики. В общих чертах мы уже об этом говорили, здесь же отметим, что подобная позиция, которой, в то же время, придерживается и ряд исследователей, в том числе Новикова, фактически отдаляет от поставленной задачи, поскольку подобная произвольная компаративистика идей лишена содержательного и проясняющего интеллектуальный феномен момента. Бахтин не был теоретиком философской герменевтики, каким были его современники М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, соотношение с которыми осмысливается герменевтика Бахтина. Но он построил герменевтику практического характера, – задача же нашего исследования показать актуальность герменевтики Бахтина, а также вскрыть ее общий характер, которая, несмотря на то, что является продуктом практического анализа и размышлений мыслителя о литературе, слове, романе, содержит в себе и фундаментальные принципы, без которого было бы немислимо связывать в единый философский корпус наследие Бахтина, о чем мы говорили на протяжении всего нашего исследования.

Рассмотрев в общих чертах специфику концептуального подхода к проблеме периодизации творчества М.М. Бахтина, перед нами открылось то обстоятельство, что его творчество, понимаемое как философски целое, отражает в себе характер своего предмета, а именно характеризуется положительной

---

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 364.

неустойчивостью, пересечением идей разных формальных областей. Подобное внутреннее взаимоотношения идей Бахтина позволяет воспользоваться им же выработанным термином полифонии по отношению к его же творчеству. И, поскольку целью исследования является понимание и истолкование текстов Бахтина, отношение к которым в современном гуманитарном мире имеет разночтения даже касательно внутренней интенции содержания самих текстов, то, говоря о внутреннем полифонизме идей Бахтина, мы вправе охарактеризовать ее как разновидность герменевтики. Вопрос о герменевтике Бахтина это отдельная большая тема, которой посвящены отдельные работы, о чем мы говорили выше, показывая связующие нити между философией Бахтина и мировой философской мыслью в целом. Здесь же отметим, что мы говорим не только о герменевтике как о внутреннем стержне методологии Бахтина, но и как о том, что применительно к самому Бахтину. Именно подобный ракурс зрения позволяет нам говорить о полифонической герменевтике. Несмотря на очевидность подобной характеристики, исследователи творчества Бахтина не обращали на это особого внимания, позволяющего, как будет показано в дальнейшем, не только понять философию Бахтина как целое, но и понять генезис отдельных взятых идей. Взаимосвязанность ключевых понятий Бахтина отмечал П.С. Гуревич, при этом он ставил по отношению к целому вопрос о том «какое же понятие служит истоком?»¹. Таковым понятием для исследователя является Другой. Стоит отметить, что автор обращается в своем исследовании к работе «К философии поступка», о важности которой для понимания общей философии Бахтина мы уже подробно говорили выше. Подход П.С. Гуревича является еще одной иллюстрацией того подхода к философии Бахтина, который мы назвали концептуальным, при этом он непосредственно избавляет нас от проблемы периодизации, сохраняя при этом возможность целостного рассмотрения творчества Бахтина. Здесь же П.С. Гуревич приводит слова Э.Ю. Соловьева,

---

¹ Гуревич П.С. Проблема Другого в философской антропологии М.М. Бахтина. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.— М.; Наука, 1992. С. 83

иллюстрирующие отмечаемую нами герменевтическую интенциональность текстов Бахтина: «если бы работа «К философии поступка» увидела свет в 20-х годах (а не в 1986 г., как это случилось на деле), то это, возможно, привело бы к форсированному развитию всего герменевтического направления в Западной Европе еще в предвоенный период»¹. Несмотря на яркую и большую оценку герменевтики Бахтина, содержание ее не проясняется, но лишь констатируется, – что является общим местом в литературе, посвященной изучению Бахтина и его наследия.

Нельзя не согласиться с мыслью о том, что диалог является у Бахтина «не просто средством обретения истины, модусом благоприятного человеческого существования. Он оказывается вообще единственным средством узнавания бытия, соприкосновения с ним. В диалоге позиция каждого расширяется до бытийственности»². Тем не менее автор констатирует, прибегая к высоким риторическим оценкам и сопоставлениям идей Бахтина с идеями других представителей мировой мысли, но не разворачивает аналитику, позволяющую нам наметить генезис идей Бахтина, истоком которого является понятие Другого. В тексте Гуревича в действительности остается без внимания целый ряд тем творчества Бахтина. Ярче всего это может иллюстрировать тема романного жанра, а также карнавала, смехового начала человека, которые затруднительно вывести из аналитики Другого, но при этом возможно вывести общее начало, позволяющее проследить их общий исток. Очевидно, что ближе к решению поставленной задачи подошла Н.К. Бонецкая, подчеркивая, что «при всем том множестве философских контекстов, в которых уместно изучение бахтинского творчества, все же самым близким ему по духу окажется диалогическая философия XX в.»³, – подход, позволяющий учитывать как ряд философских концепций Бахтина, так и

---

¹ Соловьев Э. Ю. Попытка обоснования новой философии истории в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера / Новые тенденции в западной социальной философии. М., 1988. С. 50.

² Гуревич П.С. Проблема Другого в философской антропологии М.М. Бахтина. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.— М.; Наука, 1992. – 256 с. С. 91

³ Бонецкая Н.К. Философия диалога М. Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. (Серия «Humanitas»). С. 252

литературоведческих. Однако Бонеецкая не столько пытается вывести «первоначало» мысли Бахтина, сколько ввести его в контексте мировой философии, и делает это в рамках заявленной темы успешно, констатируя зависимость герменевтической традиции XX в. от диалогизма, говоря, что «от диалогической философии отмежевывается герменевтика»¹. В строгом смысле это не совсем так, поскольку «искусство толкования текстов», – а именно так буквально можно дать определение герменевтики, – возникает задолго до появления диалогизма, но в контексте философии XX в. зависимость эта явно прослеживается.

Работа Гуревича примечательна тем, что она пытается схватить философию М.М. Бахтина как целое, подчинив ее общему принципу, в данном случае, понятию Другого. Однако недостатки таких подходов очевидны, пытающихся из одного понятия из словаря Бахтина вывести единство и целостность его философии. Прежде всего они упускают из виду или делают незначительными ряд концепций и идей. Есть опасность сместить точку опоры в сторону академической филологии, формальная принадлежность к которой очевидна. Либо в сторону строгой философии, к которой Бахтин сам себя относил со всеми имеющимися на то основаниями.

Мы же в данной работе предлагаем другой принцип, а именно принцип «полифонической герменевтики». Из предыдущих параграфов мы сделали вывод о невозможности последовательного развития философских идей Бахтина в линейной последовательности, при котором одна идея органично вытекала из предыдущей и была бы основанием последующей. Применительно к творчеству М.М. Бахтина мы обосновываем, говоря о его герменевтике принцип, лежащий в основании мысли Бахтина, с другой же подходим в плотную к обоснованию позднего творчества Бахтина, являющемуся не только отдельным этапом в ряду периодизации, проблематику которой мы достаточно подробно

---

¹ Там же.

проанализировали, но и определенной полнотой, репрезентирующей понимание философского феномена Бахтина.

Н.К. Бонецкая, уделяя внимание связи философии М.М. Бахтина с философской герменевтикой, говорит о последней как о науке о духе, подчеркивает, что для ранней мысли Бахтина тезис об этой связи не является столь очевидным, и при этом прослеживается в его поздних работах: «его записи последних лет суть наброски специфической бахтинской герменевтики. Прежде всего, укажем на заметки 1959–1961 гг., озаглавленные при посмертной публикации в 1976 г. как “Проблема текста...”. Речь в них идет о понимании текста: ставится и решается в своеобразном бахтинском ключе проблема собственно герменевтическая»¹. Далее, не анализируя органические связи идей раннего и позднего творчества Бахтина, Бонецкая приходит к важному выводу, что в «последние годы жизни мысль Бахтина вращается в сфере проблем “гуманитарного знания” и герменевтики в узком смысле – как методологии понимания текста»². Анализируя ранние тексты Бахтина, мы говорили о их фундаментальном методологическом значении в обосновании философского знания («первой философии»). Что же касается проблемы понимания текста, то, как часто мы это подчеркивали, поскольку в центре внимания мысли Бахтина литература, понимаемая в широком смысле как знаковая система, отражающая антропологическое отношение к миру, герменевтика Бахтина содержится во всем комплексе его текстов. Однако именно в позднем творчестве проблема понимания текста обретает самостоятельное значение, но не является единственной, о чем будет сказано в следующей главе, посвященной непосредственно позднему творчеству философа.

Бонецкая говорит о герменевтике Бахтина как о диалогической герменевтике, подготовленной «всеми его предшествующими трудами»³. Однако

---

¹ Бонецкая Н.К. М. Бахтин и идеи герменевтики. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 358

² Там же. С. 360

³ Там же. С. 361

ее понимание герменевтики Бахтина линейно и последовательно, при котором ранние идеи преодолеваются более поздними, при этом последние несколько не проясняют первый, что во всяком случае мы видим исходя из самого текста Бонецкой, считая это его существенным недостатком: «трактат начала 1920-х годов “Автор и герой в эстетической деятельности” знаменует преддиалогическую стадию становления идей Бахтина, работа же, условно названная при публикации “К философии поступка”, определяет бытие как бытие этическое, которое позже станет герменевтическим – в духе М. Хайдеггера – “выразительным и говорящим бытием”»¹. Мы же пытались показать при целостности и автономности отдельных текстов их зависимость в контексте понимания как частного – отдельных концепций и идей, – так и прояснения понимания общего, – в предельном случае философии Бахтина как целостного интеллектуального феномена. Это значит, что исторически ранние тексты Бахтина онтологически не являются источником его поздних работ, но стоят в общем ряду, являясь скорее частью целого, поскольку в противном случае мы наткнемся на ряд противоречий, обоснованных нами при прояснении проблемы периодизации творчества М.М. Бахтина. Это несколько не снижает значения работ Н.К. Бонецкой, посвященной герменевтике Бахтина, но скорее расширяет понимание герменевтики с общей риторики понимания текста в сторону понимания философского феномена.

Мы взяли за основу определения внутреннего характера философской интенциональности Бахтина определение самого Бахтина, поскольку она отражает в полной мере его специфику и оригинальность. Бахтин, будучи теоретиком полифонизма, сам оказывается внутренне определяем как мыслитель полифонический. Кроме того, это избавляет нас от догматизация его наследия, что крайне важно, оставляя открытое пространство для диалога. Как отмечал сам Бахтин, «полифонический подход не имеет ничего общего с релятивизмом (как и

---

¹ Там же.

с догматизмом). Нужно сказать, что и релятивизм, и догматизм одинаково исключают всякий спор, всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм)»¹. Философия диалога обладает рядом специфических черт, среди которых едва ли не самым значительным является тот факт, что тексты философов-диалогистов открыты по отношению к читательской позиции, они не оставляют равнодушными, что не означает, конечно, безусловного их принятия. Напротив, полное принятие текста и является признаком текста монологического типа. Вне всякого сомнения, тексты Бахтина, глядя на ситуацию, развернутую вокруг них внутри мирового интеллектуального пространства, дают основания считать подобным образом. Это одно из оснований говорить о его герменевтике как полифонической. Конечно, и в классической герменевтике учитывается сказанное автором и автор как историческое лицо, однако для нас последнее не имеет решающего значения, – для нас важен Бахтин как интеллектуальный феномен, к которому обращаются, с которым спорят в «большом времени».

Говоря о связи герменевтики и диалогизма, можно также отметить, как об этом пишет В.М. Межуев, что «в герменевтике диалог предстает в качестве не логической, а психологической процедуры, позволяющей сохранять индивидуальные особенности участвующих в этом диалоге субъектов. Диалог в его герменевтической интерпретации сводится к пониманию других, к умению слышать и истолковывать то, что они говорят, вникать в смысл и значение чужих слов, действий и мыслей. Но и герменевтика не смогла решить до конца проблему диалога, вывести его за пределы «герменевтического круга», когда одно отсылает к другому без надежды найти между ними хоть какое-то опосредующее и связующее звено»². Полифоническая герменевтика Бахтина подчиняет себе как отдельно взятые идеи Бахтина, позволяя говорить о внутренней связи между

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: Русские словари, 2002. С. 81

² Межуев В.М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире. // Вопросы философии. 2011. - № 9.-С. 65-73.

диалогом, карнавалом, полифонизмом и рядом других концептов Бахтина, так и их органичное единство, так и понимание философского феномена Бахтина, поскольку одна из ключевых проблем, на которые обращают внимание большинство исследователей, это невозможность понять и объяснить Бахтина в рамках сложившихся методологических установок. Кроме того, стоит иметь в виду и характер философствования Бахтина: исследователи часто отмечают характерную особенность его творчества, а именно его «ориентация на чужую мысль», позволяющую нам связать Бахтина с европейской философией, о чем мы говорили в первой главе. Известно, что тексты Бахтина «насыщены множеством чужих интуиций, мыслительных ходов, категорий»¹, идей и голосов, – выше мы останавливались на связи философии Бахтина с феноменологией Гуссерля, но таких узловых моментов гораздо больше. Видеть в этом проблему означает упускать из внимания характер самого философствования, подчиненность философского акта интеллектуальной традиции, раскрывающей для нас пространство «большого времени». Введение понимания полифонической герменевтики притязает на возможность связать в единый интеллектуальный феномен Бахтина, не делая принципиального онтологического различия между его ранним и поздним творчеством, понимания исток его мышления, чувствуя при этом оригинальность и новаторство русского мыслителя. Своеобразие позднего периода, конечно, имеется, однако понимается оно не в линейной плоскости исследования, и даже не как возвращение к началу пути, как если бы речь шла о разворачивании «абсолютной бахтинской идеи» на примере философии Гегеля.

Герменевтика Бахтина не является проектом построения философской герменевтики, нацеленной на построение теоретических концепций, позволяющий актуализировать проблему понимания и толкования текстов. Но она является внутренним содержанием и условием методологической работы мыслителя. Называя ее полифонической, мы подчеркиваем созависимость

---

¹ Бонецкая Н.К. О стиле философствования М. Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 417

концепций и идей в наследии Бахтина, при этом в отличии от классической герменевтики, мы не можем говорить здесь о наличии структур части и целого, поскольку целое, раскрываемое в своей полноте в поздний период творчества, является внутренним пределом, дальше которого прояснение содержания никуда не движется. Герменевтика это не только искусство понимания, но и искусство прочтения, что при определенной точке зрения едва ли не тождественно. Бахтин почти не ставил перед собой проблему понимания как проблему теоретическую, – как уже говорилось, он не был теоретиком герменевтики, во всяком случае те немногие теоретические элементы, проясняющие логику его философской герменевтики, почти теряются на фоне практических построениях прочтения текстов Достоевского и Рабле. Однако проблема понимания, пусть и не была рефлексивно обозначена, всегда наличествует в текстах Бахтина, и прежде всего в его крупных книга: книга о Достоевском не может не быть помыслено в контексте вопрос о понимании месте и роле Достоевского, не только в своем времени, времени XIX в., но и в пространстве Большого времени, времени мировой культуры. Разворачивая свое понимание Достоевского, Бахтин едва ли не впервые вскрывает философские основания внутреннего содержания творчества Достоевского. И на фоне этого возникает вопрос, что значит – понять Бахтина, понять его как одного из ключевых философов XX в.? В одном из своих значений, понять будет означать ничто иное, как возможность быть прочитанным соответствующим образом, сложно сказать, насколько наше исследование проясняет это понимание, но само обращение к возможности такого понимания уже достойно отдельного

Глава 3. Поздний период творчества М.М. Бахтина.

В предыдущих главах мы затронули проблемы, связанные с обозначением философского статуса творчества М.М. Бахтина, в его связи с русской и европейской философией, показав с одной стороны его тесную связь с ключевыми философскими направлениями, и с другой стороны принципиальную несводимость творчества М.М. Бахтина какому-либо из течений. Это было важно не только с позиции недостаточности указать на наследие М.М. Бахтина как философское по преимуществу без возможности раскрытия содержания этой философии, но кроме того имеющегося целого ряда претензий отрицать за его наследием философскую составляющую, рассматривая М.М. Бахтина как филолога, литературоведа или культуролога. Кроме того мы проблематизировали периодизацию его творчества. Мы показали сложность и неоднозначность решения этой проблемы, и предложили собственное решение, основанное на внутреннем содержании философии Бахтина, на том, что требует от исследователя не только понимания исторического и философского контекста, но в не меньшей мере интуиции, чувства такта, и определенного доверия к исследуемому материалу. Сейчас же, подойдя вплотную к позднему периоду Бахтина, отметим сразу ключевой тезис, разворачивающийся на протяжении всего нашего исследований и достигшего кульминации в третьей главе: поздний Бахтина это не только период среди прочих, но вершина и сосредоточие всей философии Бахтина. Образно поздний период можно сравнить с морем, в то время как предыдущие периоды – реки, питающие, но раскрывающие себя как цель в этом самом море.

3.1 Интеллектуальная реабилитация М.М. Бахтина

Начало 1960-х гг. – время хрущевской «оттепели», время появления новых имен и возвращения старых, имен в науке, искусстве, культуре в целом. Среди таких имен можно назвать и Ф.М. Достоевского, учитывая, что «ни для одного из русских классиков режим сталинизма не создал такого трагического положения,

как для Достоевского»¹. Считается, что «сталинизм нанес тяжелый удар развитию нашей Достоевистики. Было остановлено уже начатое издательством «Academia» издание «Бесов», прервано осуществлявшееся А. С. Долининым издание писем Достоевского. Достоевский был объявлен политическим реакционером, изменником делу революции, и это ложное представление оказало влияние даже на таких серьезных, крупных литературоведов, как В. Шкловский и Л. Гроссман»². Несмотря на то, что сейчас имеются попытки показать на неоднозначность такого положения в Советском Союзе³, остается фактом, что до 1960-х гг. творчество Достоевского не обладало тем весом, который оно приобрело в последствии вплоть до утверждения образа Достоевского в качестве одного из ключевых духовных образов русской культуры. На наш взгляд одной из ключевых фигур, повлиявших на формирование философского отношения к творчеству Достоевского, является фигура Михаила Михайловича Бахтина. И именно в поздний период творчества М.М. Бахтина творчество Достоевского достигает для него той вершины и целостности, в следствии которой имя Бахтина неразрывно связывается с именем Достоевского.

Рубеж, позволяющий нам говорить о начале позднего периода М.М. Бахтина, может быть обозначен с точностью до дня, – это время «открытия» Бахтина группой московских филологов в начале 1960-х гг. (Сергей Бочаров, Георгий Гачев и Вадим Кожин, работавших в отделе теоретических проблем Института мировой литературы, и Владимир Турбин, преподававший на филологическом факультете МГУ). Познакомившись с изданной еще в 1929 г. «Проблемами творчества Достоевского», а также с его кандидатской диссертацией, хранившейся в Институте мировой литературы, они разыскали автора поразивших их сочинений в провинциальном Саранске. Авторы письма

---

¹ Фридендер Г.М. Достоевский в эпоху нового мышления. // Достоевский. Материалы и исследования. Том 9. Л.: Наука, 1991. С. 5

² Там же.

³ В качестве примера можно отметить статью Пуцаева Ю. В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал | Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 102-118.

выражали глубокое признание М.М. Бахтину, отмечая, что главное значение для них книги о Достоевском заключается «в её методологии, дающей единственно верный путь к пониманию искусства слова, – методологии, которая не вкладывает в произведение априорно сочинённые абстракции какого-либо рода «идей», но стремится раскрыть всё многогранное художественное содержание, глубоко исследуя объективную и конкретную реальность формы произведения»¹. Здесь они также отмечают и фундаментальный характер книги о Рабле. Это было не просто письмо-знакомство, но в нем содержалось и конкретное предложение для Бахтина, а именно возможность предложить какую-либо статью для журнала «Вопросы литературы», с которым они были к тому времени тесно связаны. «Это, в частности, могла бы быть Ваша работа о сатире (для невышедшего тома «Литературной энциклопедии» 1929 – 1939 гг.), которую мы пока тщетно здесь разыскиваем. Если Вы согласны что-нибудь сделать для журнала, можно было бы прислать Вам официальное предложение от редакции»². В то время он был преподавателем на кафедре литературы, и они фактически достали Бахтина по выражению С.Г. Бочарова «из полной безвестности и почти что из литературного и научного небытия»³. Подобное заявление может служить блестящей характеристикой того длительного периода, который Бахтин провел в Саранске, его бесперспективности и интеллектуальной скудости. Полученное письмо произвело на Бахтина сильное впечатление: «он был необыкновенно поражен тем, что кто-то его вспомнил, разыскал и что всё может ещё как-то измениться, – такая бурлила в письме молодая энергия, кажется, способная если не на чудеса, то, во всяком случае, на большие дела (да и «оттепель», «оттепель» – все-таки 1960-й...)»⁴. Спустя некоторое время, нашедшие Бахтина исследователи приняли активное участие в переиздании книги о Достоевском и Рабле, ряде других

---

¹ Паньков Н.А. Главы из книги о М.М. Бахтине. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2018 № 1 (45). С. 50

² Там же.

³ Бочаров С.Г. Событие бытия. // Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожинова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 6

⁴ Паньков Н.А. Главы из книги о М.М. Бахтине. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2018 № 1 (45). С. 50

сочинений, а также способствовали в дальнейшем и возвращению его в Москву. Отметим, что в последствии Бахтин передал авторские права на свои сочинения В.В. Кожинову и С.Г. Бочарову. Это обстоятельство позволяет наглядно показать искреннюю благодарность Бахтина по отношению к их вниманию к его личности и творчеству.

По воспоминаниям самого Бахтина, публиковать повторно книгу о Достоевском он не собирался, и подобное он не мог себе и помыслить¹, считая, что это невозможно, равно как публиковать книгу о Рабле. Большую роль в издании сыграли московские филологи, и в особенности Вадим Кожинов. Имеется масса материалов, статей², заметок³, писем^{4,5}, в которых В. Кожинов указывает на острую необходимость переиздания книги. Есть мнение, на которое указывает один из современных исследователей А.В. Коровашко, что книга о Достоевском не была «заживо погребенным фолиантом, вычеркнутым из всех библиографических списков. Например, Галина Борисовна Пономарева, нынешний директор музея-квартиры Ф. М. Достоевского в Москве, окончившая МГУ в 1958 году, утверждала, что эта книга была чуть ли не обязательной для изучения на филологическом факультете, правда, не в контексте подготовки к экзаменам по истории русской литературы, а в рамках написания курсовых и дипломных работ и участия в семинарах»⁶. Также стоит обратить внимание на то обстоятельство, о котором говорят в своем первом письме-знакомстве московские филологи о первом издании книги о Достоевском, а именно, что «в обширном новейшем обзоре V.Seduro. «Dostoyevski in Literary Criticism. 1846 – 1956» (New York , 1957, 412 p.)» книга о Достоевском «подробно излагается и оценивается как

---

¹ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожинова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 342 с.С. 218

² Кожинов В.В. «Литература и литературоведение». Статья о необходимости переиздания книги Бахтина, М.М. о Достоевском. // Литература и жизни. 16 марта 1962. №32. С. 3

³ Кожинов В.В. Рецензия на книгу Бахтина М.М. «Проблема творчества Достоевского» (о необходимости переиздания). 1961. Черновой автограф. // ОР РГБ. Ф.913, к. 48, ед. 24. 6 лл.

⁴ Кожинов В.В. Письмо к председателю правления издательства «Советский писатель» (о необходимости переиздания книги Бахтина М.М. о Достоевском. 1961 г. Черновой автограф. // ОР РГБ. Ф.913, к. 48, ед. 21. 1 л.

⁵ Кожинов В.В. Письмо в правление издательства «Советский писатель» (о целесообразности переиздания книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». 25 мая. 1961 г. // ОР РГБ. Ф. 913, к. 48, ед. 25.

⁶ Коровашко А.В. Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 418

основополагающий труд о творчестве Достоевского»¹. Все это позволяет утверждать, что книга не была совсем уж в интеллектуальном небытии, чего нельзя сказать о самом Бахтине. Первое издание книги было известно, но известность эта не выходила за пределы узкого круга специалистов. Чего нельзя сказать о втором издании книги, ставшим одним из знаковых событий культурной жизни 1960-х гг. Именно с выходом этого издания совпадает возвращение интереса как к личности М.М. Бахтина, так и к творчеству Ф.М. Достоевского, ключевым моментом которого является движение к изданию Полного собрания сочинений, издаваемое с 1972 по 1990. И не лишним будет напомнить, что именно В. Кожинovu мы обязаны не только переизданием книги, но и ее последующей известности за пределами узкого круга специалистов как следствие из переиздания, не говоря уже о том, что с нее началось мировое признание Бахтина.

Так с группой московских филологов мы связываем начало позднего М.М. Бахтина, связывая последнего с творчеством Ф.М. Достоевского. Но это, пусть и главенствующая, но одна из возможных линий, ведущих к раскрытию исторического фона позднего Бахтина. Незадолго до публикации второго издания книги о Достоевском, с М.М. Бахтиным связывается итальянский славист-переводчик, член коммунистической партии Италии Витторио Страда. Это знаковая фигура в изучении русской культуры и философии в Италии. Именно под редакцией этого исследователя «в Италии были опубликованы произведения русских политических мыслителей – А.И. Герцена, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.А. Богданова, Ю.О. Мартова. В. Страда — автор сборника «Традиция и революция в русской литературе»¹ и других произведений, которые важны в целом для понимания истории идей в России»². В. Страда, окончив философский факультет Миланского университета, в 1958 г. был отправлен в аспирантуру филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В начале 1961 г. В.

---

¹ Паньков Н.А. Главы из книги о М.М. Бахтине. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2008, №1. С. 49

² Кусенко О.И. Итальянская историография русской философии. // Русская философия за рубежом: история и современность: коллективная монография, под ред. проф. М.А. Маслина. Москва : КНОРУС, 2017. С. 144

Страда, работая над публикацией итальянского собрания сочинений Ф.М. Достоевского, обратился к М.М. Бахтину с просьбой подготовить вступительную статью к предполагаемому собранию сочинений. Напомним, что к тому времени М.М. Бахтин был известен узкому кругу специалистов как автор изданной в 1929 г. «Проблем творчества Достоевского». Итальянский славист объясняет свое знакомство с текстом М.М. Бахтина в одном позднем интервью, отмечая, что в то время он собирал материалы, посвященные творчеству Достоевского, и среди прочих материалов оказалась и книга М.М. Бахтина, разительно отличавшаяся от прочих имеющихся материалов. В последствии В. Страда отмечал: «однажды, гуляя с поэтом Борисом Слуцким, я поделился с ним своими впечатлениями о “некоем Бахтине”, его уникальном новом подходе к литературе и посетовал, что тот, наверное, уже погиб или умер. “Да что ты такое говоришь, Витторио! – воскликнул Слуцкий. – Бахтин живет и преподает в Саранске, в Мордовии”. Я крайне удивился, тем более узнав, что в Москве есть целая группа молодых литературоведов, тесно с ним связанных. Через них я и обратился к Бахтину. Сам поехать в Саранск я не мог, это была зона лагерей, иностранцам въезд туда был запрещен. Поэтому я написал Бахтину, что хочу издать его книгу о Достоевском в форме предисловия к собранию сочинений Федора Михайловича на итальянском языке. Бахтин ответил, что хотел бы переписать старый текст и в итоге действительно написал нечто совершенно оригинальное. Когда в Москве узнали, что Бахтин из какого-то Саранска публикуется в Италии, в “Литературной газете” появилось письмо о том, что “мы тоже должны публиковать такого талантливую автора”»¹. Обратим внимание на слова Слуцкого, позволяющие предположить, что имя Бахтина совершенно неизвестным не было. Но само главное, это обстоятельство позволяет нам утверждать, что переоткрытие или возобновление интереса к Бахтину

---

¹ Конеген С. «Я был в СССР персоной нон грата». Разговор с Витторио Страда, часть 2. Радио Свобода, 8 мая 2018. URL: <https://www.svoboda.org/a/29210390.html> (дата обращения: 17.02.2022). Радио «Свобода» внесено в реестр иностранных СМИ, выполняющих функции иностранных агентов.

происходило одновременно как в России, так и на Западе. В. Страда фактически признает за собой роль переоткрытия Бахтина, при этом отмечая, что «сам факт, что иностранец “переоткрыл” Бахтина и дал возможность ему издать книгу о Достоевском, отчасти оскорбило национальные чувства некоторых советских литературоведов. Молодые талантливые С.Бочаров, Г.Гачев, В.Кожин, П.Палиевский из Института мировой литературы были довольно давно связаны с Бахтиным, а я, едва появившись, сразу подал идею опубликовать его на Западе. [...] После выхода книги о Достоевском в Италии, России и вообще в мире начался настоящий бум на этого автора»¹. Отметим лишь, что издать текст М.М. Бахтина в качестве предисловия к итальянскому собранию сочинений не получилось, и первый итальянский перевод книги о Достоевском был осуществлен в 1968 г. Одно из причин этого можно назвать спешку, которая была предпринята молодыми филологами, связанная в том числе с тем обстоятельством, что В. Страда был один из тех, кто явно или косвенно стоял за публикацией в Италии романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», и никому не хотелось повторения возможного скандала. К слову сказать, немногим ранее в том же издательстве и с подачи В. Страда планировалось опубликовать книгу Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного». Узнав о скандале с Пастернаком, Ильенков «пошел в партбюро Института, рассказал о ситуации. Его заставили написать письмо в Италию, отказаться от издания там книги, объявили ему партийный выговор и рассыпали набор книги»². Это примечание позволяет понять то напряжение, в котором возникала необходимость о скорейшей публикации книги о Достоевском.

О роли же В. Страда в процессе «интеллектуальной реабилитации» М.М. Бахтина вспоминает В. Кожин: «Я тогда познакомился с одним итальянским коммунистом, литературным деятелем, Витторио Страда, и уговорил его

---

¹ Там же.

² О жизни и философии. Беседа Б.И. Пружинина с В.А. Лекторским. Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=579 (дата обращения: 21.06.2022)

написать, что итальянские писатели хотят издать книгу Бахтина. Тогда он на самом деле еще не собирался ее издавать, только в 1968 году, а тогда шел 1961 год. Но он выполнил мою просьбу. Тогда началось некое бюрократическое движение. Я пробрался к директору издательского агентства и напугал его, сказал, что рукопись Бахтина находится уже в Италии. (Она и правда была в Италии) Мол, ее там издадут и будет вторая история с Пастернаком, которая тогда была еще свежа в памяти. Представьте себе, этот высокопоставленный чиновник очень испугался и спросил меня, что же делать. На что я сказал, что книга Бахтина сейчас лежит в издательстве “Советский писатель” без движения. Поскольку он невлиятельный человек, ее не издают. И я ему протягиваю уже составленное письмо в издательство, в которой он в довольно решительной форме настаивает на том, чтобы книга была немедленно издана. Он тут же вызвал секретаршу, велел перепечатать на бланке»¹. Можно с уверенностью сказать, что роль В. Кожина в переиздании книги о Достоевском была велика, однако не малую роль в этом занимает и итальянский исследователь, стоящий у истока интереса к Бахтину в Италии. Подробнее об изучении творчества Бахтина в Италии пишет С. Петрилли, подчеркивая в своей статье², что понимание Бахтина в Италии шло в контексте литературоведения и семиотики. Отметим также, что В. Страда принадлежит исследование теории романа Бахтина, отметивший, что она для Бахтина есть ничто иное как «антропология романа»³, что в общих чертах крайне близко к тому пониманию литературы Бахтиным, которое мы разворачиваем в нашем исследовании.

Значительная роль в популяризации творчества Бахтина на Западе принадлежит французским исследователям, прежде всего Ю. Кристевой. Интерес к Бахтину у Ю. Кристевой возникает в Болгарии в «диссидентском» кружке,

---

¹ Кожин В. М.М. Бахтин. Выступление в Московском государственном университете 27 октября 2000 г. URL: <http://www.pereplet.ru/text/bahtin105.html>. (дата обращения: 17.02.2022)

² Петрилли С. Бахтин, прочитанный в Италии. // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2. С. 361–382

³ Strada V.: Tra romanzo e realita: storia di una riflessione critica // Michail Bachtin: Tolstoj a cura di Vittorio Strada. Bologna, 1986. P. 115

состоявшем из местных «западников» и «славянофилов», внимание которых в то время было приковано к недавно вышедшим в Москве книгам М.М. Бахтина. Бахтин представлялся им как синтез двух важных путей, – внутренний, ведущий к свободе, и внешний, связывающий единое целое мировую культуру. По воспоминаниям Кристевой, Бахтин внушал смелость «в стремлении к либерализации коммунистического режима»¹. Открыв к тому времени еще непереуведенного Бахтина французской публике с выходом в 1967 г. статьи «Бахтин, слово, диалог и роман», Кристева ввела Бахтина в европейское философское пространство, связав Бахтина с русскими формалистами, а чрез них – в общую связь с европейскими структуралистами и постструктуралистами, внеся «свою лепту в сотворение легенды Бахтина во французской культуре»². Через Ю. Кристеву знакомится с именем Бахтина Ролан Барт, особенно оценивший идею диалогизма и интертекстуальности Бахтина³. Отметим, что в 1967 г. Ролан Барт лично обратился в письме к Бахтину с просьбой издать на французском языке статью Бахтина «Слово в романе». Через Кристеву имя Бахтина стало известно и Р. Якобсону, а жена последнего по словам Кристевой способствовала распространению Бахтина в Соединенных Штатах⁴. Как отмечала Ю. Кристева, «Бахтин явился настоящей революцией как для приверженцев формализма, так и для тех, кто начинал интересоваться западным структурализмом»⁵. В 1970 г. во Франции выходит в свет перевод «Проблемы поэтики Достоевского» с вступительной статьей Ю. Кристевой «Разрушение поэтики». Более подробнее об этом мы будем говорить о связи философии Бахтина с европейской философией,

---

¹ Kristeva J. Dialogisme, carnivalesque et psychanalyse: entretien avec Julia Kristeva sur la réception de l'oeuvre de Mikhaïl Bakhtine en France // *Recherches Semiotic. Sémiotiques Inquiry*. 1998. Vol. 18. № 1/2. P. 16

² Фокин С. «Подполье» Юлии Кристевой, или Достоевский как панацея от пандемии (Рец. на кн.: Kristeva J. Dostoïevski: Pages choisies. P., 2019) // *Новое литературное обозрение*. 2021, №1. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23165/ (дата обращения: 17.02.2022)

³ Kristeva J. Dialogisme, carnivalesque et psychanalyse: entretien avec Julia Kristeva sur la réception de l'oeuvre de Mikhaïl Bakhtine en France // *Recherches Semiotic. Sémiotiques Inquiry*. 1998. Vol. 18. № 1/2. P. 17

⁴ Там же. С. 18

⁵ Эль-Муалля С. А. (1995). Беседа с Юлией Кристевой // *Диалог. Карнавал. Хронотоп. Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина*. № 2. С. 5–17.

здесь же отменим этот момент в качестве одного из значительных явлений, характеризующих специфику позднего творчества Бахтина. Тем не менее, важно зафиксировать, что и сама Ю. Кристева считала себя первой, кто открыл Бахтина Западному миру, идея которой заключалась по ее словам в том, чтобы «сначала указать на его существование и поместить его во французский контекст. Поэтому его нужно было интерпретировать из этого французского контекста, сделать его читаемым для французов»¹.

Таким образом обозначаются три линии, равно претендующие на то, чтобы считаться основанием для формирования «возвращения» Бахтина в большое интеллектуальное пространство, линии, взаимозависимые и переплетенные, при этом, отметим, что ключевая роль в этом вопросе принадлежит В. Кожинуву и группе московских филологов, способствовавших публикации второго издания книги о Достоевском, которую уже в последствии перевели на итальянский язык, и которую в оригинале читала Ю. Кристева. Отметим лишь, что изначально планировалось издать первой книгу о Рабле, поскольку В. Кожинув от имени сотрудников института мировой литературы в лице Е.М. Евниной, С.Г. Бочарова, Г.Д. Гачева обратился с письмом к дирекции института с просьбой издать текст диссертации М.М. Бахтина² и включить книгу в план издательства на 1962 г. Однако в виду обстоятельств, книга о Рабле была опубликована только в 1965 г.

Впоследствии в 1971 г. Г.М. Фридендер по заказу комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР напишет большой отзыв, в котором книги о Достоевском и Рабле М.М. Бахтина будут представлены к государственной премии³. Несмотря на то, что М.М. Бахтин так и не стал лауреатом Премии, стоит особо отметить роль Г.М. Фридендера, заведующего группой по изучению

---

¹ Kristeva J. Dialogisme, carnivalesque et psychanalyse: entretien avec Julia Kristeva sur la réception de l'oeuvre de Mikhaïl Bakhtine en France // Recherches Semiotiques. Sémiotiques Inquiry. 1998. Vol. 18. № 1/2. P. 17

Там же. С. 19

² Кожинув В.В., Бочаров С.Г. и др. письмо в дирекцию Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, 20 декабря 1960 г. // ОР РГБ Ф. 913, к. 9, ед. 21. Л. 7

³ Фридендер Г.М. Отзыв о работах М.М. Бахтина – представление на Государственную премию. 6 марта 1971 г. // ОР РГБ Ф. 913, к.52, ед. 12.

творчества Достоевского ИРЛИ АН СССР в общем фокусе позднего периода М.М. Бахтина. В мае 1968 г. М.М. Бахтин получает от Г.М. Фридендера письмо, в котором от имени редакции сборников «Достоевский. Материалы и исследования», просит принять участие в первом сборнике, а также одновременно пригласив к участию и в публикации последующий сборников, которые планируется выпускать параллельно с академическим изданием собраний сочинений Достоевского¹. Поскольку сборники серии задумывались как своеобразное приложение к академическому Полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского², можно говорить о косвенной причастности М.М. Бахтина к собранию сочинений Достоевского. Однако первый сборник материалов вышел в 1974 г. и в нем не было работ М.М. Бахтина, не известно также были ли попытки предоставить Бахтиным какой-либо текст. Отметим же, что в самих в текстах материалов, конечно, не обошлось без упоминания имени Бахтина и признании его заслуг в изучении творчества Достоевского. В настоящее время вышло 19 томов материалов и в каждом из них мы встречаем имя М.М. Бахтина, ссылки на его работы, скрытую или явную полемику. Говоря же об отношении Г.М. Фридендера и группы филологов, изучавших творчество Ф.М. Достоевского, отметим, что имеется ряд писем и открыток с поздравлениями, адресованные М.М. Бахтину от имени всех сотрудников отдела, в которых отражено нескрываемое чувство восхищения и уважения к одному из ключевых исследователей творчества Достоевского.

Второе издание книги о Достоевском, конечно, имеет своим истоком первое. Замысле же первой книги, что подкреплено исследовательскими материалами, «относится еще к 1919 г., то есть к Невельскому периоду жизни М.М. Бахтина и тесно связан с “Невельской школой философии”»³. Для нас важно здесь то обстоятельство, что тема Достоевского, возникает в ранний период

---

¹ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Редакция сборников «Достоевский. Материалы и исследования». Письмо к Бахтину М.М. 20 мая 1968 г. Ленинград. Машинопись с подписью Г. Фридендера. // ОР РГБ Ф. 913, к. 8, ед. 28.

² Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. С. 3

³ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. – Киев, Next, 1994. С. 495

творчества Бахтина, проходит через него центральной линией, доходит до позднего периода, словно возвращаясь к своему истоку, но возвращение это характеризуется иным содержанием. Таким образом становится очевидным, что, говоря о позднем творчестве Бахтина, мы обнаруживаем, что центральной фигурой, темой, вокруг которой разворачивается «возвращение» Бахтина, его интеллектуальная реабилитация, является Ф.М. Достоевский, и книга о его поэтике Бахтина. Забегая вперед, отметим что не только для позднего творчества, но Достоевский на всем протяжении развития мысли Бахтина является центральной фигурой. Для обоснования этого мы будем вынуждены, конечно, рассмотреть под соответствующим углом зрения философию Бахтина как единое целое. Но сейчас обратимся к ключевому тексту Бахтина в его поздний период творчества.

3.2 Достоевский в поздний период творчества М.М. Бахтина. «Проблемы поэтики Достоевского».

18 июня 1962 г. Бахтиным был заключен договор с издательством «Советский писатель» на издание книги «Проблемы поэтики Достоевского»¹. Спустя год, в августе 1963 г. был заключен договор с Государственным издательством художественной литературы на издание книги о Рабле². Ключевые идеи книг уже были проработаны Бахтиным, о чем мы говорили выше. Изменения и дополнения, вносимые Бахтиным, во многом являются попыткой более подробно обосновать ключевые идеи работ. Отметим, что к настоящему моменту не издан полный корпус текстов позднего Бахтина, посвященных Достоевскому. В архиве М.М. Бахтина, хранящемся в РГБ, содержится множество материалов, касающихся второй редакции книги о Достоевском, часть из которых, имеющих

---

¹ Бахтин М.М. Издательский договор с издательством «Советский писатель» об издании книги «Проблемы поэтики Достоевского». 1962 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 4, ед. 6.

² Бахтин М.М. Издательский договор с Государственным издательством художественной литературы об издании книги «Франсуа Рабле». 1963 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 4, ед. 7.

более содержательное значение, опубликовано в собрании сочинений М.М. Бахтина в шестом томе¹. Не опубликованными же являются тексты, имеющие более техническое значение, в качестве примера можно отметить имеющийся перечень страниц из первого издания книги о Достоевском, на которых необходимо заметить слово «интенция». Всего таких мест насчитывается 34, о чем свидетельствует отдельная выписка страниц книги о Достоевском, на которых необходимо заметить этот термин². В дополнениях и исправлениях, также не опубликованных и хранящихся в архиве³, содержится исключительно авторская правка готового текста, – замена слов, пропущенные знаки препинания и т.д. Иными словами, можно не сомневаться, что по существу к настоящему моменту опубликовано все, что имеет содержательное значение к второму изданию текста о Достоевском. Известно, что в наследии Бахтина не сохранилось рукописей и черновых записей к первому изданию книги, и тем ценнее для нас имеющиеся материалы, позволяющие предположить, что перед нами не просто переиздание книги, но принципиально новое издание. Говоря же о черновых записях, не вошедших в издание, отметим, что в них содержится едва ли не граничащее с претензией убежденность Бахтина в непонимании Достоевского исследователями и читателями: «наше литературно-художественное сознание настолько воспитано и пропитано формами монологического художественного мышления, что нам трудно бывает отрешиться от них и перестроить наше сознание для правильного восприятия и понимания нового художественного мира, построенного вне этих форм. Нужно также сказать, что любой роман Достоевского в известной мере можно прочесть как обыкновенный монологический роман, и при этом от него что-то останется. Немало читателей до сих пор еще его так и читают: как увлекательный авантюрный роман или как глубокий психологический роман, или

---

¹ Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур. 2002. С. 301-367

² Бахтин М.М. Перечень страниц из издания 1929 г. книги о Достоевском, на которых необходимо заменить слово «интенция». 1960-е. // ОР РГБ Ф.913, к. 39, ед. 13

³ Бахтин М.М. Дополнения и исправления к работе «Проблемы поэтики Достоевского. 1960-е. // ОР РГБ Ф.913, к. 39, ед. 11

как острый социальный роман (в обычном монологическом понимании)»¹. И уже несколько позже, в интервью польскому журналисту Збигневу Подгужецу, Бахтин заметит: «у Достоевского будущее впереди. По-настоящему он еще не вошел в жизнь людей»², причиной чего является монологическая установка сознания, пронизанная догматизмом, неспособном сочетаться с идеей диалога.

Работа над изданием шла по утверждению С.Г. Бочарова с необыкновенной быстротой, чему удивлялись даже сами издатели³. Вышедшая в 1963 г. «Проблемы поэтики Достоевского» «была принята новым временем так, как и свое время ее не приняло то, “свое”, время. Состоялась счастливая встреча старого автора с новым временем»⁴. С ее выходом началось признание Бахтина и его мировая слава. И воспринят он был прежде всего как литературовед. Очевидно, В. Подорога, говоря уже в конце второго десятилетия XXI в., что «возможно еще не пришло время позитивного освоения Бахтина»⁵, подразумевает именно то, что на протяжении нашего исследования мы пытаемся подчеркнуть и обосновать: мало, ссылаясь на слова самого Бахтина о том, что он мыслит себя в качестве философа, признавать его философом. Здесь есть необходимость вскрыть характер его философской мысли, и не столько обозначив его место среди прочего философского наследия, сколько вычленив внутреннюю интенциональность его наследия, взятое нами как целое.

Несмотря на временную дистанцию, отделяющую первое издание книги о Достоевском от второго, нельзя считать, что между ними развернута непроходимая пропасть, – одна из ключевых тем поднимаемых Бахтиным, связанных с творчеством Достоевского, связана с историей типа романа Достоевского, являющейся частным случаем размышления Бахтина о жанре

---

¹ Бахтин М.М. Из белой рукописи «Заключения». // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур. С. 366

² Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур. С. 464

³ Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 4 мая 1963 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 6, ед. 38, л.18

⁴ Бочаров С.Г. Событие бытия. // Михаил Бахтин: Pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 278

⁵ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019. С. 236

романа, его истории и генезисе. Как отмечает В. Кожин, «именно теория феномена романа был *главным* “предметом” мысли М.М. Бахтина, и его обращение к творчеству Рабле и Достоевского обусловлено в конечном счете тем, что эти две – разумеется, в высшей степени своеобразные – художники слова сыграли чрезвычайно существенную роль в истории романа вообще»¹. Как жанр, роман для М.М. Бахтина обладает существенной характеристикой незавершенности. «Роман – единственный становящийся жанр, поэтому он более глубоко, существенно, чутко и быстро отражает становление самой действительности»². Это положение позволяет рассматривать теоретические построения М.М. Бахтина в области теории жанров в контексте всей культуры. Кроме того, выделяя становление романного жанра мы оказываемся перед существенной характеристикой всей философии М.М. Бахтина, позволяющей говорить о принципиальной онтологической незавершенности. Понимая же роман как вершину художественного слова, а последнее как литературу, понимаемую как одну из предельных форм выражений духа культуры, человека, мы не можем не разделить интуиции В. Кожина, однако в нашем исследовании мы не можем ограничиться констатированием подобного содержания философии Бахтина, но попытаемся раскрыть ее уникальное содержание, позволяющее говорить о литературософии Бахтина. Черновой набросок «К истории типа (жанровой разновидности) романа Достоевского», очевидно, является одним из звеньев, позволяющем связать в смысловое единство темы Достоевского, с историей романа, и даже более того – с темой Рабле в творчестве Бахтина, поскольку одной из важных тем книги о Рабле является жанровая принадлежность «Гаргантюа и Пантагрюэль», позволяющая Бахтину развернуть свою теорию гротеска, очевидно, являющейся пересекающейся параллелью с теорией полифонического романа Достоевского. Эта связь более явно выражена в том, что во втором издании книги о

---

¹ Кожин В. К читателям. // М.М. Бахтин. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. С. 7

² Бахтин М.М. Эпос и роман. // М.М. Бахтин. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. С. 198

Достоевском словно «карнавализует» творчество русского классика. Говоря о генезисе жанра полифонического романа, вершина которого есть и вершина собственно художественной литературы, Бахтин упирается в сферу «серьезно-смехового», куда можно отнести многие жанры, но границы которой не поддаются четкой дифференциации. Сами же древние «отчетливо ощущали ее принципиальное своеобразие и противопоставляли ее серьезным жанрам – эпосе, трагедии, истории, классической риторике и др. И действительно, отличия этой области от остальной литературы классической античности очень существенны»¹. Но самое главное, при всем многообразии жанров, входящих в сферу «серьезно-смехового» «они объединены своею глубокою связью с карнавальным фольклором»². Конечно, карнавальная составляющая лишь одна из частей, повлиявших на генезис полифонического романа. Другие составляющие основания истока романного жанра по Бахтину являются эпос и риторика, которые повлияли на формирование развития трех соответствующих линий европейского романа. Но одна из существенных частей, позволяющая понять исток характера диалога вообще, и в творчестве Достоевского в частности: «карнавальный характер столкновения и общения людей у Достоевского: плоскость человечности у него – сатурналиевская плоскость, где раб равен царю, где проститутка и убийца сходятся со святым и с судьей, где законы мира сего временно отменяются. Психологизация материально-телесного низа у Достоевского: вместо полового органа и зада становятся грех, сладострастная мысль, растление, преступление, двойные мысли, внутренний цинизм; святость великого грешника (слияние верха и низа, лица и зада, хождение колесом, черт как изнанка Ивана, двойничество)»³. В контексте же нашего исследования, это важное замечание позволяет связать в единое

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 121

² Там же.

³ Бахтин М.М. К истории типа (жанровой разновидности) романа Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари. 1997. С. 42

смысловое пространство философии М.М. Бахтина концепции полифонизма и карнавала. Отметим, что и книга о Рабле имеет своим конституирующим истоком и более ранние работы, и, на наш взгляд, ключевым звеном, связывающим в концептуальное единство философскую мысль Бахтина в данном случае является теория полифонического романа, разработанная в 1920-х гг., и являющаяся органическим следствием от утверждения диалога в качестве ключевой идеи в философии М.М. Бахтина. Очевидно, это становится более ясным и отчетливым, применяя к исследованию философии Бахтина структуралистский подход, в рамках которого он и был воспринят вначале французскими философами. Напомним, что философию Бахтина нельзя связать ни с одним интеллектуальным движением и направлением, при этом можно с легкостью обнаружить в ней следы присутствия едва ли не всех ключевых движений, имевшихся в европейском и русском интеллектуальном пространстве с конца XIX – первой половины XX вв.

Итальянский исследователь Бахтина Р. Салициони, подчеркивая, что при жизни Бахтин был автором трех книг: «“Проблемы творчества Достоевского”, вышедшие в 1929 г.; их переработка “Проблемы поэтики Достоевского”, вышедшая в 1963 г.; “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса”, опубликованная в 1965 г.»¹, второе же издание книги о Достоевском является для него «частично переработанным» первым изданием. Что и позволяет исследователю указать в качестве ключевой точки творчества Бахтина 1929 г., когда вышло первое издание книги о Достоевском, и тем самым разделить творчество Бахтина на два периода: до и после «Проблем творчества Достоевского». Во второй главе мы касались общих проблем периодизации творчества Бахтина и, очевидно, интуиция Салициони достойна упоминания, однако, поскольку сам исследователь не разработал и не концептуализировал подлбный подход в отношении творчества Бахтина, мы

---

¹ Салициони Роберто. Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ. 2017. Т. 21. No 1. С. 98 – 108

позволим себе в этом контексте обойти его вниманием. Что касается того, что Достоевский оказывается центральным пунктом творчества Бахтина – для нас это не вызывает сомнений. Однако, прослеживая разворачивания мысли о Достоевском в течении всего творчества Бахтина, мы не склонны считать первое издание ключевым в понимании философской мысли Бахтина о Достоевском. Но, поскольку во втором издании достигается не только полнота мысли о Достоевском, но и сходятся ключевые идеи и концепты, развиваемые Бахтиным за пределами его размышлений о Бахтине, – что, кроме прочего, и позволяет говорить об этой книге не только лишь в контексте «частично переработанного» издания 1929 года, – для нас, очевидно, именно 1963 г. и является узловым моментом всего творчества Бахтина, а не только его позднего периода. Ключевой же текст позднего Бахтина – «Проблемы поэтики Достоевского», позволяет рассматривать его как точку начала позднего Бахтина как в историческом плане периодизации его творчества, так и концептуальном. В «Проблемах поэтики Достоевского» органически сплетаются в единое смысловое единство ключевые темы философии и литературоведения Бахтина, разрабатываемые им на протяжении всего его творческого пути. И особенно следует выделить тему карнавала, исторически возникающая до второй редакции книги о Достоевском, но онтологически являющейся первичной по отношению к ней, поскольку карнавал для Бахтина кроме прочего – это основание для формирования полифонического романа Достоевского.

Н.К. Бонецкая, ставя перед собой задачу найти основания различия двух изданий книги о Достоевском, обращает внимание, что «главное, в чем новая редакция отличается от книги 1929 г., состоит в предпринятом Бахтиным соединении концепции творчества Достоевского 1920-х годов с категориями, разработанными им в 1930-е: именно тогда мыслитель предпринял детальное

изучение карнавальной традиции и связал с ней жанр романа»¹. И что прежде всего отразилось на ином понимании диалога. Теория карнавала, разработанная Бахтиным в книге о Рабле, находит свое отражение во втором издании книги о Достоевском прежде всего в теории диалога. В первой редакции книги диалог обосновывался «ранним Бахтиным» в контексте этической составляющей, – диалог был формой поступка, на который способен человек, и, будучи поступком, он является самоцелью и внутренне свободным актом. Бонецкая выделяет карнавал как в качестве одного из центральных концептов Бахтина 1930-х гг., и который отразился на новом понимании диалога, развернувшегося во втором издании книги о Достоевском с большей полнотой. При этом Бонецкая исходит из понимания полярности диалога и карнавала: «”диалог” и “карнавал” – два не просто различных, но противоположных духовных феномена. Там, где ”диалог” – там личность, разум, свобода; это область смыслов, света сознания, быть может, даже Логоса. ”Карнавал” же – это разверзание непросветленной бытийственной бездны, явление дионисийского хаоса, помрачение разума и торжество стихий бессознательного»². Сам же Бахтин такого различия не дает. Определяя второй тип диалога в качестве карнавального, Бонецкая, отрицая у идеи карнавала свободу, говорит о диалоге как о безумии, ссылаясь на пример Бахтина, взятый им из романа «Идиот» – диалог Мышкина и Настасьи Филипповны. Этот диалог разворачивается в ситуациях скандалов, истерик, припадков и всяческих эксцентричностей»³. Однако не сложно заметить, что речь здесь идет о форме диалога, а не о внутренней структуре, позволяющей диалогу раскрыться в своем автономном событии. Сомнение в подобной позиции Н.К. Бонецкой мы также находим и у другого исследователя, В.Г. Колчина, писавшего: «Почему «диалог сознаний» в позднем творчестве Бахтина сменился «карнавалом»? Может, диалог

---

¹ Бонецкая Н.К. К сопоставлению двух редакций книги М. Бахтина о Достоевском. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 524

² Там же. С. 525

³ Там же.

Достоевского никогда не был «высоким» и «мультикультурным» в духе Бубера, а всегда оставался борьбой «персонажей-сознаний», хаосом голосов, структурирующимся в «карнавал»?»¹. Диалог, являясь одной из возможных форм поступка, внутренне свободен, свободен и по отношению к утверждению последней правды, как мы находим это в случае с монологом. Отметим, что, по существу, анализ двух книг о Достоевском, предложенный Бонецкой, ограничивается карнаваллизацией диалога. В действительности, кроме прочих отличий, говоря о роли карнавала во втором издании книги о Достоевском, мы в большей мере должны говорить о нем как об истоке той романной формы, которая отразилась в полифоническом романе Достоевского. Это прослеживается Бахтиным через анализ ключевых характеристик «сократического диалога», которые позволяют Бахтину «считать этот жанр наряду с Менипповой сатирой одним из начал той линии развития европейской художественной прозы и романа, которая ведет к творчеству Достоевского»². Поскольку «сократический диалог» – это едва ли не один из первых философских жанров в истории европейской философии, представителем которого прежде всего является Платон³, несложно сделать вывод, который Бахтин не заявляет прямо, но напрашивающийся сам собой, а именно, что творчество Ф.М. Достоевского и то, что Бахтин называет «полифоническим романом» имеет своим истоком по мысли Бахтина тоже начало, что вся европейская философия.

Второе издание книги о Достоевском не только продолжает уже разработанные в первом идеи антропологии Бахтина, но, пытаясь увидеть «в Достоевском Достоевского»⁴, вводит писателя в «большое время», – одно из

---

¹ Колчин В.Г. Борьба сознания персонажей как основа карнавальности ранней прозы Достоевского. Новый филологический вестник. 2020. №1(52). С. 16-26

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 127

³ М.М. Бахтин отмечал: «“Сократические диалоги” писали Платон, Ксенофонт, Антисфен, Эсхин, Федон, Эвклид, Алексамен, Глаукон, Симмий, Кратон и другие. До нас дошли только диалоги Платона и Ксенофонта, об остальных – лишь сведения и некоторые фрагменты». Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 123

⁴ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 201

ключевых понятий позднего Бахтина, характеризующее его особое понимание исторического пространства. Отметим, что понятие большого времени непосредственно пересекается с понятием «большого диалога», которое Бахтин вводит в книге о Достоевском, а именно в редакции 1963 года, и которое по мысли Бахтина «не в прошлом, а сейчас, т. е. в настоящем творческого процесса, это не стенограмма законченного диалога, из которого автор вышел и над которым, как на высшей и решающей точке зрения<, > он теперь находится»¹. Говоря же о большом времени, учитывая сказанное о большом диалоге, становится ясным, что в его пространстве текст приобретает все большие смыслы, связываясь со смыслами иных эпох, но разворачиваясь в моменте сейчас: «Входя в "большое время", произведение как бы наращивает, "увеличивает свое значение", поскольку, по мысли Бахтина, оно обогащается "новыми значениями, новыми смыслами" и тем самым перерастает то, чем оно было в эпоху своего создания»². Также стоит отметить в качестве истока концепции большого времени видится в связи с фигурой Сократа. На это указывает сам Бахтин, анализируя «сократический диалог»: По мере ослабления исторической и мемуарной основы жанра чужие идеи становятся все более и более пластичными, в диалогах начинают сходить люди и идеи, которые в исторической действительности и не вступали никогда в реальный диалогический контакт (но могли бы вступить). Остается один шаг до будущего «диалога мертвых», где в диалогической плоскости сталкиваются люди и идеи, разделенные веками. Но «сократический диалог» этого шага еще не сделал. Правда, Сократ в «Апологии» как бы уже предсказывает этот будущий диалогический жанр, когда он, в предвидении смертного приговора, говорит о тех диалогах, которые он будет вести в преисподней с тенями прошлого, как он вел их здесь, на земле»³. «Большое время»

---

¹ Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Достоевскому» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 318

² Димитров Э. Достоевский и Лосев: к вопросу об общении в «Большом времени». // Достоевский. Материалы и исследования. Том. 19. СПб.: Наука, 2010. С. 58

³ Там же. С. 126-127

как один из важнейших элементов герменевтики Бахтина – это преодоление ограниченности человека во времени, преодоление его смертности, позволяющее человеку быть выразителем своей идеи, и в то же время притязая на понимание, если не в настоящем моменте, то в исторической перспективе. Мы неоднократно подчеркивали прямое и органичное единство между литературой, анализируемой Бахтиным, и человеком, каким его может мыслить гуманистически направленный мыслитель. При этом стоит акцентировать внимание, что это не есть перенесение идей, разворачивающихся в процессе анализа литературы и художественного творчества, на понимание человека. В противном случае, мы не могли бы говорить о фундаментальном характере творчества Бахтина. Мы говорили, что религиозность Бахтина, и тем более принадлежность его мысли к христианству следует понимать условно, с рядом оговорок, тем не менее ряд идей прямо или косвенно не могут не намекать явным образом на религиозный исток, – одна из характеристик религии – это преодоление своей ограниченности во времени. «Большое время» позволяет в известном смысле утвердиться в вечности если не актуально, то потенциально. При этом в неменьшем значении, позволяет наметить особое пространство герменевтики Бахтина, поскольку в основании «большого времени» так же можно усмотреть и теоретические выводы Бахтина о «важности разнородных повседневных жанров и значений не только для эпохи, современной автору, но и для многовекового культурного развития»¹, что противоречит классической герменевтике, пытающийся мыслить текст исходя из той культурной эпохи, в рамках которой он был создан. Эта одна из особенностей герменевтики Бахтина, которая, напомним, имеет не столько теоретический, сколько прикладной характер. Однако, возвращаясь к истоку понимания «большого времени», пересечения с «разговором мертвых», о котором говорит Сократ, нисколько не противоречит указанной позиции, но скорее дополняет ее теоретическим основанием.

---

¹ Morson G. S., Emerson C. Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics. Stanford Univer. Press., California, 1990. P. 17-38.

«Сократический диалог», понимаемый Бахтиным, является основанием для формирования менипповой сатиры, мениппеи. Это так же является одним из тех элементов, которые вносят в новое издание книги о Достоевском качественно иное измерение, – выводят Достоевского в историческое измерение. Однако важно отметить, что, как отмечает И.Л. Попова, «Бахтин начал заниматься “мениппеей” еще в 1940-е годы, сначала как самостоятельной проблемой, а затем в контексте переработки книги о Рабле причем уже тогда мениппейная традиция рассматривалась им как в отношении к роману Рабле, так и в отношении к жанровому типу романа Достоевского»¹. Таким образом не только карнавальность, как одна из теоретических линий, связывает две ключевые книги в единстве бахтинской мысли, но и мениппея, о чем Бонеецкая явным образом не говорит, но что могло бы связать в единый интеллектуальный дискурс, не только два издания о Достоевском, но и Достоевского и Рабле в литературософских рецепциях Бахтина. Но важно здесь и другое: в контексте изучения позднего творчества Бахтина, на которое приходится второе издание книги о Достоевском, и в рамках которой Бахтин выстраивает теоретические основания мениппеи, последнее становится ясным лишь тогда, когда оказывается восстановленным его реальный научный контекст, что по мысли И.Л. Поповой возможно только через изучения наследия Бахтина 1920-1940-х годов². Для нас нет необходимости подробно останавливаться на этой статье, важно зафиксировать, что мениппея является одним из тех элементов позднего творчества Бахтина, понимание и осмысление которого невозможно без обращения ко всему наследию Бахтина. По отношению же к творчеству Достоевского, обращение к истории жанров столь подробное, насколько это возможно у Бахтина во втором издании книги, позволяет кроме прочего обнаружить исток философской составляющей художественного мира Достоевского. Бахтин неоднократно, говоря о развитии

---

¹ Попова И.Л. Мениппова сатира как термин М.М. Бахтина. // Михаил Михайлович Бахтин. / М.М. Бахтин; [под ред. В.Л. Махлина]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 384

² Там же.

сократическом диалоге и мениппеи подчеркивает: «мениппея характеризуется исключительной свободой сюжетного и философского вымысла»¹; «философская идея оказываются здесь в органическом и нерасторжимом художественном единстве»²; «органическое сочетание философского диалога, высокой символики, авантюрной фантастики и трущобного натурализма – замечательная особенность мениппеи»³.

Говоря же об исследовании Бонецкой, стоит отметить, что исследователь ясно указывает на взаимную зависимость идей Бахтина, при которой вопрос о периодизации и ключевых моментах периодов творчества является условным. На обращают внимание и редактора шестого тома собрания сочинений Бахтина С.Г. Бочаров и А.А. Гоготишвили говоря, в частности, что «формирование новой 4-ой главы ППД, наверное, можно представить как результат перетекания проблематики и терминологии, наработанной в 30-е годы»⁴. Мы же видим в этом частный случай движения мысли Бахтина к только ему известному философскому началу, скрытому невольным образом между строк всего его наследия. Карнавализация же диалога в действительности оказывается следствием, вытекающим из введения карнавала в качестве предпосылки полифонии, развиваемой во втором издании «в контексте противопоставления риторической и карнавальной традиции»⁵. Введение карнавала в книгу о Достоевском не только проясняет для нас генезис полифонического романа Достоевского, но и содержание концепции диалога Бахтина. Так, скажем, в конце четвертой главы Бахтин пишет: «карнавализация сделала возможным создание открытой структуры большого диалога, позволила перенести социальное взаимодействие людей в высшую сферу духа и интеллекта, которая всегда была по преимуществу

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 129

² Там же. С. 130

³ Там же.

⁴ Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур. С. 473

⁵ Попова И.Л. Мениппова сатира как термин М.М. Бахтина. // Михаил Михайлович Бахтин. / М.М. Бахтин; [под ред. В.Л. Махлина]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 387

сферой единого и единственного монологического сознания, единого и неделимого, в себе самом развивающегося духа». И здесь же, характерный для Бахтина органичный переход из области литературоведения и культурологии в область сугубо философско-антропологическую: «один человек, остающийся только с самим собою, не может свести концы с концами даже в самых глубинных и интимных сферах своей духовной жизни, не может обойтись без другого сознания. Человек никогда не найдет всей полноты только в себе самом»¹.

Имеющиеся отличия между двумя изданиями фактически позволяют говорить о двух разных книгах, при этом с сохранением основного мотива, – теории полифонического романа Достоевского. При этом можно сказать, что первое издание более философско-антропологично, поскольку в большей мере разворачивается вокруг темы Другого, – философия слова Бахтина, обозначаемая им во второй части книги, не мыслима без фигуры Другого. Слово в понимании Бахтина имеет интенциональную природу, оно всегда направленно на Другого, даже если этого Другого фактически рядом нет. Второе же издание, помимо того, что содержит более детальное осмысление жанрового своеобразия романов Достоевского, может быть охарактеризовано как более онтологичное. Онтология здесь вводится через разработанные идеи Бахтиным до написания второго издания, через введение идеи карнавала, структурное содержание которого, отсылает нас едва ли не к античному пониманию бытия, и, прежде всего, гераклитовскому, при котором бытие динамичное, постоянно ускользающее от того, чтобы быть схваченным в понятии явление, что характеризруется Бахтиным в его понимании гротеска. Разумеется, Бахтин не ставил перед собой задачи построить свою онтологию, – более качественно разворачивающуюся в его творчестве в понятии хронотопа и карнавальной культуры, – не говоря уже о метафизике, однако, реконструируя подобную онтологию в общем виде, мы тем

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.С. 201

самым задаем логику движения мысли Бахтина, позволяющую нам говорить о целостности его мышления и единстве его философии.

Тем не менее, говоря о позднем Бахтине, его наследие не сводится только к теме Достоевского, являющегося в наследии Бахтина центральной темой, разрабатываемой им на протяжении всего его творчества, и достигшее своего интеллектуального пика к 1963 году. Интересно отметить, что в поздний период творчества Бахтин возвращается не только к теме Достоевского, возвращение к которому, как мы дали понять, было органично и последовательно. В поздний период «возвращается», но лучше сказать получает признание книга о Рабле. После выхода в свет «Проблем поэтики Достоевского», С.Г. Бочаров писал Бахтину о своих чувствах, глядя на опубликованную книгу, вселявшую ему уверенность в дальнейшей публикации других текстов Бахтина, в том числе книге о Рабле¹. В основе «Творчества Франсуа Рабле и народной культуры средневековья и Ренессанса» лежит машинопись «Франсуа Рабле в истории реализма» 1940 года, ставшей для Бахтина текстом его кандидатской диссертации, о чем мы говорили в предыдущей главе.

Ключевые тексты позднего периода – книги о Достоевском и Рабле, – содержат в себе ключевые идеи бахтинской мысли, позволившие ему войти в мировой интеллектуальное пространство. Также стоит отметить и вышедшую в 1965 г. работу Бахтина «Слово в романе», о которой мы говорили в предыдущей главе, однако здесь отметим, что работа, получив известность в том числе за пределами Советского Союза, привлекла внимание Ролана Барта, вынужденного последнего написать письмо Бахтину с просьбой перевести работу на французский язык с последующей публикацией. Также Барт в письме предлагает Бахтину прислать еще один текст². Письмо, написанное 4 февраля 1967 г., отправленное из Парижа, доходит до Бахтина не ранее 1970-го года. В сохранившемся черновом ответе на письмо Бахтин благодарит Барта за внимание

---

¹ Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 5 октября 1963 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 6, ед. 38, л.32

² Барт Р. Письмо к Бахтину М.М. 4 февраля 1967. Париж. // ОР РГБ Ф. 913, к. 6, ед. 17. 1 л.

к его работам и дает свое согласие на перевод и публикацию¹. Мы не ставим перед собой цель раскрыть механизмы формирования философского образа М.М. Бахтина в европейском интеллектуальном пространстве и прежде всего во Франции, которая восприняла Бахтина одной из первых (в предыдущей главе мы говорили об этом в связи с Жилем Делезом), однако, отметим в общих чертах, ставшее общим местом в исследованиях о Бахтине «об особенной роли в восприятии Бахтина Юлии Кристевой, сделавшей его имя популярным для западного, в первую очередь, франкоговорящего гуманитарного сообщества»², что, в свою очередь, послужило основанием для формирования постмодернистского прочтения творчества Бахтина, что на наш взгляд кажется во многом надуманно, поскольку постмодернизм формируется из другой интеллектуальной традиции. При этом, конечно, основания для этих пересечений имеются. Скажем, когда М. Фуко говорит о необходимости «признать, что власть производит знание (и не просто потому, что поощряет его, ибо оно ей служит, или применяет его, поскольку оно полезно); что власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношение власти»³, то внешним образом мы находимся на схожих позициях, однако на разных основаниях, приводящих к схожим позициям. Постмодернизм ни столько критикует властные структуры производящие знания, сколько разворачивает логику формирования дискурса знания, подчиняющего себе человека, – он не обозначает альтернативы ни в лице мнения, ни в лице «народной культуры», как мы обнаруживаем это у Бахтина. Позиция, приравнивающая философию Бахтина к постмодернизму ограничена лишь внешним сходством, в то время как, гораздо важнее понять исток формирования

---

¹ Бахтин М.М. Письмо к Барту. 1970-е. Черновое. // ОР РГБ Ф.913. к.5, ед. 5.

² Томсон К. Бахтин во Франции и Квебеке. // Михаил Бахтин: Pro et contra. Т.2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 383

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 42

мыслей, которые, к тому же, гораздо глубже поверхностной критики современности.

Действительно, Бахтин был противником «последних истин», монологически утверждающих свою волю, однако исходил он не из утверждения в данном случае своей правды как теоретика полифонизма, а из утверждения понимания диалога, в центре которого – понимание поступка, автономного по отношению к самому себе. Иными словами, внешняя схожесть отдельных деталей еще не основание для утверждения наличия онтологического тождества двух позиций. Подобные позиции уводят нас от главного – от формирования своеобразия философии М.М. Бахтина, формирующегося вокруг его идей. Говоря же о роли Кристевой в популяризации Бахтина на Западе, отметим она была «инициатором безоговорочного принятия концепции диалога и диалогизма», при этом «ее взгляд на Бахтина – это не столько рецепция, сколько избирательная интерпретация, со-творчество (в хорошем или не совсем хорошем смысле слова). Это, в любом случае, пример того, как яркий критик читает Бахтина в рамках интеллектуальных привычек ее времени и круга, не соотнося их с временем возникновения авторских идей»¹. Мы бы сказали в данном случае, что это пример того, как философ своего времени читает философа.

В.Б. Окорочков, анализируя антропологические мотивы в творчестве Бахтина, замечает, что «если бы М. Бахтин оказался более близок к современной антропологии и перенес свое открытие (хронотоп) на самого человека, на мысль автора (т. е. рассматривал тот «топос», который наделен мышлением и порождает роман), то возможно предлагаемая гипотеза была бы высказана гораздо раньше. М. Бахтин не осмелился затронуть святая святых европейской традиции – могущество разума и хронотопичность приписал только сюжетной линии исторически складывающихся романов, по сути, историческому духу романа (в более узком смысле узловой точке сгущения всех сюжетных

---

¹ Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон. Бахтин. Лотман. Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 118-119

пространственновременных линий романа). И напрасно...»¹. Однако Бахтину не было нужды «переносить» свои открытия, – они органично вытекают из его творчества, из его предельно антропологического понимания романа. Тема Достоевского не единственная в наследии М.М. Бахтина, к которой он постоянно возвращается, – возвращение как неизменность незавершаемого акта мысли, как мы отметили, характерная черта Бахтина-философа. Скажем, на возвращение к теме зеркала обращает внимание А.П. Козырев², или, что более точно, раз поднятые проблемы не перестают занимать Бахтина на протяжении всего его творчества. Однако для М.М. Бахтина Ф.М. Достоевский это центральная фигура, вокруг которой разворачивается практически все творчество русского философа. Не всегда это выражается явным образом, и приходится анализировать творчество Бахтина в его целом, ставя перед собой главной задачей осмысление его как философского текста в своей внутренней интенции.

Можно задаться вопросом: какая связь между философией и изучением истории романного жанра, есть ли она вообще? Для ответа на вопрос хотелось бы начать со слов, с которых Бахтин начинает текст «Романа, как литературного жанра»: «Теория жанров, как наука историко-систематизирующая, должна опираться на философию поэтических родов и жанров. Но такой философии, которая удовлетворяла бы требованиям марксизма-ленинизма и современному состоянию литературной науки, всему накопленному ею богатству исторического материала, у нас, к сожалению, нет. Гегелевская философия жанров удовлетворить нас не может, не только по причине ее идеализма, но и вследствие ограниченности и устарелости того исторического материала, на который она опиралась. В настоящее время в нашем изучении природы жанров мы лишены разработанной и солидной философской опоры»³. Вопрос открытый – создал ли

---

¹ Окорочков В.Б. Бахтин и Хайдеггер в диахронно-антропологическом измерении мышления // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. №1 (33). С. 32

² Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина // Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004-2009. М.: Русский путь, 2011. С. 316

³ Бахтин М.М. Роман, как литературный жанр. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012. С. 608

Бахтин систему жанров, отвечающую его глубокому пониманию предмета. Однако, отвечая на вопрос о связи философии и истории романа, кроме прочего, мы находим ее в той особенности мысли Бахтина, которая нацелена на принципиальную незавершенность. Роман в философии Бахтина, – это предельная форма литературы, и Достоевский – вершина романного жанра. О понимании литературы в творчестве Бахтина как особой формы культуры, едва ли не тождественной ей, в целом мы уже говорили, здесь же вектор движения ключевой мысли еще более сужается до творчества Ф.М. Достоевского. Книга о Достоевском в двух редакциях это только внешнее выражение идеи Бахтина о Достоевском, те или иные мотивы которой мы находим в ряде иных его текстах. Карнавал применим не только к тексту о Рабле, в котором он находит свое прямое философское осмысление, но и в тексте о Достоевском, и вместе с тем становясь самостоятельным понятием с предельно нагруженным смысловым содержанием, не теряющим актуальность в осмыслении культурной, социальной, политической реальности. Поэтому, говоря о Достоевском в позднем творчестве Бахтина, речь не идет о различиях в редакциях двух книг. Но, учитывая двойное понимание «позднего творчества», которое мы развернули в нашем исследовании, можно говорить о ряде текстов, в том числе черновых, в которых Бахтин пишет о Достоевском, с другой стороны, более философской, мы, зная понимание Бахтиным специфики Достоевского, разворачиваем это понимание в пространстве позднего творчества, понимаемого в качестве предельной полноты бахтинской мысли, вобравшей в себя ключевые концепты и идеи его творчества. Мы убедительно показали это в попытке связать в единое целое все наследие Бахтина, показав, что разрывы между периодами его творчества носят скорее условный, чем концептуальный характер, – к творчеству Бахтина более применимо полифоническое понимание, нежели линейное его развитие. Если наша позиция, утверждающая, что тема Достоевского – ключевая тема в философском наследии Бахтина может показаться спорной, то не вызывает сомнения, что понятие диалога для Бахтина является ключевым в образовании внутреннего единства его

системы. Говоря о системе Бахтина, мы, конечно, должны оговориться, что используем это понятие исключительно технически, нежели в попытке приписать наличие системы в философии Бахтина, что, однако, не исключает наличие у Бахтина метода, позволяющего нам утверждать философский характер его сочинений. Диалог же, как ключевое понятие Бахтина, наиболее полно и целостно выстраивается Бахтиным именно в контексте творчества Достоевского. Можно спорить относительно уникальности персоналистического диалогизма Бахтина относительно его статуса, однако Бахтин разворачивает философию диалога на материале литературы таким образом, что литература, не ускользая из внимания Бахтина как цели исследования, разворачивает свое антропологическое содержание, возвышаясь до понимания культуры в ее целом, о чем мы говорили выше, подчеркивая чем является литература для Бахтина, – во всяком случае в его позднем творчестве. Занимаясь исследованием истории романного жанра, Бахтин, обосновывая специфику прозы Достоевского как полифоническую, ставит последнего на вершину романного жанра. При этом как жанр роман по Бахтину не сформировался, – он в процессе своего становления. Эта характеристика романа как становящегося жанра, исходя из принципиальной, внутренней незавершенности прозы Достоевского, позволяет говорить об этой характеристике как онтологическом основании романного жанра по Бахтину. Это органично вписывается во всю внутреннюю логику методологии Бахтина, путь к которой мы наметили в предыдущей главе, обратив внимание, что практически все концепты и понятия Бахтина внутренне незвершенны, – не логически, но онтологически. Эта внутренняя ось, явным образом не очерченная самими мыслителем, являющаяся незамеченной исследователями творчества Бахтина, большая часть которых, как мы отмечали, не выходит за пределы видимости сказанного Бахтиным, отчего и создается впечатление, что творчество Бахтина – литературоведение. Мы показали на примере того обстоятельства, что во втором издании книги о Достоевском Бахтин вычеркнул везде, где это было возможно, слово интенция и интенциональное. Изменил ли он при этом внутреннее

содержание текста таким образом, что перед нами был бы принципиально иной текст? Однако, не зная истории философии, в данном случае феноменологии, понять исток мышления Бахтина, а стало быть, и полноту его содержание, – или, иными словами, интенциональную область мышления Бахтина, выходящую за пределы только лишь предмета речи, – представляется невозможным. Ниже мы вернемся к этой проблеме в связи с поздними записями Бахтина, оставленные им в четырех тетрадях.

К числу поздних текстов о Достоевском в наследии Бахтина следует отнести интервью Збигневу Подгужецу, о котором мы уже упоминали выше. Польский журналист был также переводчиком Достоевского, и в России предпринял намерение взять интервью с людьми, занимающимися творчеством Достоевского, либо находящимися под его влиянием¹, – к числу последних относился кинорежиссер Андрей Тарковский, интервью с которым, а также со скульптором и художником Эрнстом Неизвестным Подгужец уже взял. Что примечательно, Бахтина в письме он называл «крупным литературным критиком»², и в приложении к тексту письма написал ряд вопросов, имеющих для журналиста интерес. Получившийся текст интервью не представляет собой самостоятельное произведение, и тем более не содержит новых теоретических выводов и идей, способных как-то повлиять на сформировавшееся представление о Достоевском в творчестве Бахтина. Однако его можно рассматривать как полноту понимания Бахтиным роли и значения Достоевского в философской мысли в мировом культурном пространстве в целом. Подгужец задает Бахтину достаточно общие вопросы. Так, спрашивая своего собеседника об основной мысли творчества Достоевского, Бахтин отвечает, что эта истина «в области последних мировых вопросов, не может быть раскрыта в пределах одного индивидуального сознания. Она не вмещается в одном сознании. Она раскрывается, притом всегда лишь частично, в процессе диалогического общения многих равноправных сознаний.

---

¹ Подгужец З. Письмо к Бахтину М.М. 11 декабря 1970. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 12, к. 24.

² Там же.

Этот диалог по последним вопросам не может быть ни кончен, ни завершен, пока существует мыслящее и ищущее истину человечество»¹. В этом же сосредоточена квинтэссенция философской антропологии Бахтина: познание, как ключевая характеристика человека, всегда является результатом диалогического события, при этом ограниченность, частичность результата позволяет утверждать о внутренней свободе этого события, не притязающего на последнюю правду, тяготеющую к официальным формам. Выше мы затрагивали проблему, связанную с постмодернистским пониманием Бахтина, и здесь мы находимся в такой ситуации, при которой, неверное истолкование внутренних интенций Бахтина, может привести к подобным интерпретациям. Однако Бахтин не отрицает истины, и не утверждает в качестве движущего познавательного механизма принципы плюрализма, равно как здесь и не работают понятия относительности истины, – она всегда присутствует в диалоге, событие которого актуально. Напротив, последняя правда – это конец диалога: «конец диалога был бы равносильен гибели человечества – эта мысль в зачаточной форме была выражена еще в философии Сократа. Но наиболее глубокое и полное воплощение, воплощение художественное, она получила в романах Достоевского»². Связь Достоевского с Сократом в философии Бахтина не случайна. Отметим между делом, что эта связь отмечается и на уровне сходства формы черепа русского писателя и древнегреческого мыслителя, во всяком случае, если верить словам врача Ф.М. Достоевского С.Д. Яновского, который «находил сходство его черепа с Сократовым, что доставляло удовольствие Достоевскому»³. Для Бахтина же связь между ними иного рода, и речь не столько о Сократе, сколько о «сократовых диалогах», исток которого связан народно-смеховой, карнавальной традицией, о чем говорит Бахтин во втором издании книги о Достоевском, и именно через это

---

¹ Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 458

² Там же

³ Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Мол. Гвардия. 1981. С. 111

Бахтина «карнавализует» диалог онтологически, при том, что логически и исторически исток этого – книга о Рабле.

Как отмечалось выше, книга о Достоевском это еще и книга о истории романного жанра, вершиной которой является Достоевский. Связь же с «сократовым диалогом» задает внутреннюю диалогичность полифонического романа Достоевского, при этом «сократовские диалоги» «писали Платон, Ксенофонт, Антисфен, Эсхин, Федон, Эвклид, Алексамен, Глаукон, Симмий, Кратон и другие. До нас дошли только диалоги Платона и Ксенофонта»¹ и как жанр он «вырастает на народно-карнавальной основе и глубоко проникнут карнавальным мироощущением, особенно, конечно, на устной сократовской стадии своего развития»². Но лишь в ранних диалогах Платона диалог соответствует диалогическому характеру, в поздних же текстах диалог монологизируется, превращаясь «в простой способ изложения готовых идей»³.

Бахтин, отвечая на вопрос, является ли Достоевский философом, дает категоричный отрицательный ответ, однако Бахтин оставил нам свое уникальное прочтение Достоевского, выходящее за пределы общих сюжетных линий, столь магнетически воздействующих на читателя, – причина чего, исходя из работ Бахтина становится очевидно: в диалогическом характере сочинений Достоевского, принципиально вбирающих в свою повествовательную ткань содержание самого читающего, делая его едва ли не равноправным участником текста, одним из героев его романа, стоящего в тени, но непременно участвующем в общем пространстве игры. Это не простое сочувствие литературному герою, свойственное любому опыту прочтения. В основании подобного заявления лежит понимание героя в романах Достоевского, данным самим Бахтиным. Герой, пишет Бахтин, это «особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: 2002. Русские словари. Языки славянских культур. С. 123

² Там же. С. 124

³ Там же. С. 125

окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого»¹. Герой, и равно как в нашем тезисе читатель, возможен там, где возможно конституирование мира, то есть эта ситуация возможности смыслу и ценности обрести свою актуальность в форме наличного бытия. «Особая точка зрения на мир» возможна только там, где герой или читатель, стоит по отношению к миру, но не растворен в нем без остатка. Это возможность сказать миру «да», но также сказать ему «нет». Анализируя этот момент философии Бахтина, мы, через анализ литературоведческого текста, приходим к философско-антропологической экзистенциальной проблематике в философии Бахтина, напоминающей аналитику присутствия в «фундаментальной онтологии» Мартина Хайдеггера. Вопрос о том, знал ли Бахтин философию Хайдеггера имеет однозначный ответ: знал, поскольку упоминание имени немецкого философа мы встречаем в поздних записях, однако сказать о прямом влиянии мы не можем и в этом нет необходимости, – для нас достаточно зафиксировать наличие в тексте Бахтина то его внутреннее содержание, о котором явным образом не говорится, но раскрывается, стоит лишь, зная историю философии, посмотреть на него соответствующим образом, и что лишний раз подчеркивает, что Бахтину не повезло с исследователями: филологи и литературоведы в большинстве своем, не владея соответствующим знанием истории философии, ключевых философских концепций, смотрят на Бахтина ограниченным взглядом, сужая область своего зрения до области внешней видимости. Являются ли подобные выводы следствием спекуляции и фантазией Бахтина или, при должном внимании к текстам Достоевского, одного из тех авторов, которых часто называют экзистенциальными, является органичным выводом из философского анализа творчества Достоевского? Ответ будет однозначно ясен, если мы будем учитывать наличие герменевтической составляющей в творчестве Бахтина, о которой мы

---

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: 2002. Русские словари. Языки славянских культур. С. 56

говорили в предыдущей главе. Понимание Бахтиным Достоевского, выражающееся в построении теоретических литературоведческих конструкций, являющихся фактически философски сконструированной системой, позволяет нам сделать соответствующий положительный вывод.

Диалог для Бахтина в философско-антропологической плоскости это единица, конституирования мира и человека, конституирование смысла и ценности, в основании чего лежит отношение поступка к миру. Поступок всегда диалогичен, он интенционален, то есть направлен на другого, будь это человек или мир в целом, – эти выводы вытекают из предыдущих глав. Теперь же, говоря о Достоевском в позднем творчестве Бахтина, мы приходим к обоснованному выводу, что в центре внимания Бахтина – фигура Достоевского, является «вершиной, достигнутой в области диалогического понимания человеческой мысли»¹. Полифоничность же текстов Достоевского, вопреки тому, как отмечает Алестер Ренфрью, «которая относительно ясна в своем (метафорическом) ограниченном термине, служит для освещения явления, которому она противопоставляется, – “монологического единства” или, попросту монологизма и монологического»², является условием и основанием для разворачивания диалога, и уже после, в свете привнесенных в текст книги о Достоевском теоретических выводов из книги о Рабле, полифония (карнавал) противопоставляется монологу (официальной культуре). Мы говорили уже, что такое литература для Бахтина и теперь же, когда он включает творчество Достоевского со всем его напряженным содержанием и философским основанием в «в исторический процесс развития литературы», становится ясным то основание, которое позволяло Бахтину это сделать. Напомним, что Бахтин считал себя строгим исследователем, ему было чуждо словоблудие и игра словами, несмотря на крайнее увлечение в придумывание новых терминов, во многом

---

¹ Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 461

² Renfrew A. Mikhail Bakhtin. Routledge, 2015 - Literary Criticism. 185 Pp. p.77

вполне оправданным. Действительно, внешним образом, то есть говоря в плоскости литературоведения, «“монологический” – это термин, который Бахтин использует для характеристики романов, в которых все элементы повествования – от повествования от первого и третьего лица, до косвенной речи персонажей – являются определением единого сознания автора»¹, но в этом еще нет основания диалектически выводить из подобного понимания понятие полифонии, – которое онтологически первичнее, как мы пытались это продемонстрировать на материале книги о Рабле. Нужно быть крайне осторожным и не сводить философию Бахтина или персоналистический диалогизм к диалектике: диалектика диалогична, но не диалог не всегда диалектичен, и там, где есть утверждение свободы другого в его идеи и сознании, там нет места синтеза, являющимся следствием растворения этой свободы или конкретных идей. Порождаемая полифоничность или карнавал не является таким синтезом, но в большей мере является отражением движения подлинной жизни, неспособной быть схваченной абстрактным понятием. Здесь мы оказываемся в основании метафизики Бахтина, – основной его интенции, характеризующейся принципиальной незавершенностью: «любое завершение, – писал Бахтин, – даже если это завершение великой работы, всегда пахнет немного смертью»². Заметим, скажем, что на возможность сближения понимания полифонии с социальными явлениями обращает внимание А.А. Сыродеева, говоря, что «можно говорить о некоторых параллелях между социальной проблематикой и прочтением Бахтиным текстов Достоевского. Ведь последние дают пример структурной организации в рамках романа идей, точек зрения, демонстрируемых разными личностями; а в общественной реальности столкновение и взаимодействие мнений социальных субъектов играет принципиальную роль»³.

---

¹ Там же.

² Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С.462

³ Сыродеева А.А. Полифония как принцип целостности. // Вопросы философии. 2008, №3. 172-175 с.

При этом, говоря о Достоевском как о вершине, – в данном случае литературы, – Бахтин подчеркивает, что «этим ни в коем случае не обесцениваются все предшествующие звенья. Сократ останется Сократом»¹. И это не следует понимать как простую оговорку, избавляющую Бахтина от нападков критиков, но позиция, прямо вытекающая из полифонического принципа мышления. Как можно понимать Достоевского как вершину, при этом не отрицать все предыдущее? На первый взгляд подобную позицию можно обосновать, взяв в качестве методологического основания диалектику Гегеля. Напомним, что Бахтин ей не пользовался явным образом, и Гегель был для него явно не той фигурой, которой он мог бы симпатизировать в силу наличия у немецкого мыслителя яркого монологического основания в принципе его мышления, подчиненному единству абсолютного духа. Однако, именно в снятом виде, предшествующие Достоевскому элементы развития романного жанра, – литературе в целом, и шире – художественной мысли, – не утрачивают своего значения. Отличие же от диалектики Гегеля в том, что романский жанр по Бахтину, вершиной чего является Достоевский, принципиально не завершённый жанр, – иными словами, он не может взять на себя роль абсолютного духа или абсолютной идеи. Конечно, «в романе, с одной стороны, отображаются основные особенности мышления его автора, с другой – выстраивается единая система пространственно-временных событий, которая фактически позволяет читателю пребывать в том же топосе (тонусе или синхронии), что и автор произведения»². Однако при этом любой конкретный роман стоит в ряду развития романного жанра, и тем самым вбирает в себя определённую интеллектуально-художественную традицию, в той мере явную и яркую, в которой автор наиболее самобытен и признан. Отметим, говоря о наличии линии Гегеля в философии Бахтина³, что «попытку сочетать идею

---

¹ Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 461

² Окорочков В.Б. Бахтин и Хайдеггер в диахронно-антропологическом измерении мышления // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. №1 (33). 31-37 с. С. 32

³ Темы, практически не проработанной в академической литературе и являющейся лишь по видимости произвольно спекулятивной, и, скажем, выше мы приводили слова Ю. Кристевой о роли Гегеля и гегельянства в философии Бахтина

диалога культур, идущую от М.М. Бахтина, с диалектикой Гегеля, предпринял в свое время В.С. Библер, предложив переименовать диалектику в диалогистику. «Диалогистика – логика диалога двух и более логик». Если диалектика «предполагает развитие одной, данной логики – самотождественной», то диалогистика есть «общение логики и логики», не совпадающих одна с другой, выходящих на «грань с другой логикой, с другой всеобщей культурой». Диалектика – это логика диалога, диалогистика – диалог разных логик. Если Бахтин, от которого отталкивался Библер, в вопросе о диалоге культур мыслил, по мнению последнего, в русле все же одной логики, а именно новоевропейской, отдавая тем самым дань монологизму, то для Библиера любая логика существует в ситуации самоотрицания, перехода в какую-то иную логику, уже известную или еще неизвестную»¹.

Далее в интервью, взятое нами за основу понимания роли Достоевского в позднем творчестве Бахтина, идет ряд общих вопросов, более касающихся методологии изучения, чем вскрывающих содержание философской мысли о Достоевском. Так Бахтин отрицательно относится к тому, чтобы из Достоевского делали фигуру модного писателя, что, по его мнению, стремился сделать Л. Шестов. «Стремление к дешевой интересности и остроте – это качество, которое мешает в изучении Достоевского»². При этом Бахтин положительно относится к экранизации классика, подчеркивая, что ни театр, ни кино не способны передать полноты полифоничности Достоевского: «ставить фильмы и спектакли по его произведениям нужно. Может быть, один из тысячи захочет его прочитать после просмотра фильма или спектакля. А прочитав этот роман, он будет читать и другие его произведения»³.

---

¹ Межуев В.М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире. // Вопросы философии. 2011. - № 9.-С. 65-73.

² Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 463

³ Там же. С. 464

Среди прочего здесь мы находим не столь часто встречающееся в творчестве Бахтина положение, проясняющее философский статус Достоевского: Подгужец, спрашивая своего собеседника, считает ли он Достоевского философом, получает вполне конкретный ответ: Достоевский это «один из величайших мыслителей» При этом Бахтин строго различает фигуры мыслителя и философа. «Философ – это ученый, это специальность, и философия – это строгая наука. В этом смысле Достоевский не был философом и даже относился к такой философии скептически, отрицательно»¹. Сам же Бахтин, напомним, считал себя философом при этом строгим, в той мере научным, в котором это возможно. Однако с подобным положением понимания философии мы не можем согласиться: Достоевский не был философом, поскольку не оставил философской системы, поскольку не был строг и последователен, однако жизнь в ее органическом явлении больше любой системы, являющейся лишь в большей или меньшей мере попыткой описать жизнь, но не схватить в ее целом. Достоевский как художник попытался изобразить жизнь человека, его духовный путь на земле в его органическом, противоречивом виде, доходящем до мучительной боли. Бахтин же со свойственным ему философским чутьем, большой интеллектуальной интуицией и доверием к своему слову, представил для нас если не философию Достоевского, то метафизику, понимаемую в данном случае как основание для формирования образов, смыслов и идей внутри художественного текста. Достоевский по мысли Бахтина «первый понял людей нового времени, понял, что в одну голову нельзя вместить истину, что истина раскрывается только в незавершительном диалоге, что человек и человечество внутренне бесконечны»². Это могло бы быть воспринято как риторическое заявление, поэтому вполне очевидно, что раскрытию столь громкого заявления посвящена книга о Достоевском Бахтина в частности и его творчество в целом. Однако, разворачивая концепцию о Достоевском, считающуюся не лишенной спорных моментов в

---

¹ Там же. С.464

² Там же. С.464

области литературоведения, Бахтин показал нам как можно читать литературу, как можно смотреть на текст, связывая наличествующие в нем смыслы и идеи с автором, героем и самими читателем, позволяя показать тем самым и наличествующее в литературе метафизическое основание, проясняющееся и в своем историческом развитии, в формировании литературных жанров. Таким образом перед нами раскрывается герменевтика Бахтина, – не как теоретическое построение, но проект, развернувшийся в пространстве всего его творчества. Бахтин оставил ряд концептов, теоретическое значение которых шире, чем только применительно к области литературоведения: социальный, культурологические, политические процессы современности объяснимы языком Бахтина.

3.3 Наследие позднего периода творчества М.М. Бахтина. Источники и ключевые темы.

Выше мы наметили контур внутреннего движения бахтинских идей, их взаимопреплетение, а также ту особую полифоничность мысли Бахтина, которая позволяет поставит под сомнение и проблематизировать любую возможную периодизацию творчества Бахтина, и говорить о дифференциации его творчества условно, а не в абсолютном значении. Мы отмечали своеобразие позднего периода Бахтина, подчеркивая принципиальную зависимость этого периода от всего созданного ранее. К числу важнейших текстов этого периода относится наравне с «Проблемами поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», изданная в 1965 г. Выше мы говорили о истории ее издания и ключевых идеях, заложенных в ней. В отличии от книги о Достоевского, книга о Рабле 1965 г. по преимуществу является концептуально тождественна тексту 1940 г., ключевые идеи которой мы рассматривали ранее в их связи с общей философией Бахтина. Напомним лишь одно обстоятельство: идея карнавала формируется Бахтиным через идею диалога

и диалогизма¹, и поэтому говорить, как мы отмечали это выше, что Бахтин во втором издании книги о Достоевском карнавализует диалог не совсем уместно.

Однако позднее творчество мыслителя не ограничивается обозначенными ключевыми текстами, являющимися формально переизданиями ранее опубликованных материалов с дополнениями. В наследии Бахтина мы находим крайне важный текст, позволяющий, если к нему отнестись с особым вниманием, реконструировать более отчетливо философский характер наследия Бахтина. Речь идет о «Рабочих записях конца 60-х – начала 70-х годов», а также о ряде текстов, являющимися своего рода интеллектуальным завещанием Бахтина, в которых Бахтин фактически подводит итог многолетних размышлений о Ф.М. Достоевском («О полифоничности романов Достоевского») и литературоведении в целом («Ответ на вопрос редакции «Нового мира»).

«Рабочие записи», представлены в четырех тетрадях, написанные с конца 1960-х по начало 1970-е гг. Очевидно, это тексты не были предназначены для публикаций, и даже вероятно не являются черновыми набросками для возможных новых замыслов. Однако их можно рассматривать как отражение той внутренней философской лаборатории Бахтина, которая отражается и выражается на страницах опубликованных в этот период работах, в том числе во втором издании книги о Достоевском. Темы их «в большинстве случаев – традиционно бахтинские, но форма их подачи отлична от формы подачи в законченных работах»². Их можно читать как записные книжки, которые как таковые в наследии Бахтина не представлены, отражающие внутреннюю лабораторию Бахтинской мысли позднего периода. Отмечается сложность текстов, заключающаяся в присутствии в нем «чужих голосов», с которым бахтинской текст вступает в разнообразные соотношения – от безоценочного конспекта до скрытой полемики»³. На страницах рабочих записей мы встречаем имена М.

---

¹ См. с. 39

² Общая прамбула к «Рабочим записям 60-х – начала 70-х годов». // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.С. 533

³ Там же. С. 534

Бубера, А. Камю, М. Хайдеггера и других, что позволяет нам с уверенностью заявлять, что Бахтин был знаком с современной ему европейской философией. Бахтина нередко упрекают, на что указывает В.Н. Белов, в том, что он использует «идеи других авторов в своих произведениях, несколько на таковых не ссылаясь или как-то сие обозначая»¹. Схожую ситуацию мы можем обнаружить у русского философа С.Л. Франка, который отмечал в предисловии к «Непостижимому», что сознательно старался избегать цитирования чужих имен не из убежденности в оригинальности своих концепций, а из нежелания перегружать текст ссылками, поскольку сведующий читатель поймет сам исток тех или иных взглядов, отмечая при этом, что «творчески-новое возможно в философии вообще, лишь поскольку забытое старое возрождается в новой форме»². Отчасти это применимо и к наследию Бахтина, с философией которого мысль Франка, как мы отмечали в первой главе, органично пересекается. Глядя на рабочие записи позднего периода, становится ясным, что Бахтин явным образом отдавал себе отчет в различии «своего» и «чужого». Вопрос же о переплетении в ткани текста различных голосов и мнений, что якобы мешает пониманию того, что принадлежит самому Бахтину, а что является почерпнутым им из различного рода источников, не является существенным, но тем, что характеризует диалогическую философию Бахтина в ее внутреннем становлении. При этом имена различных мыслителей не игнорируются Бахтиным, но оказываются вписанными в общую структуру текста, что позволяет снять домыслы о возможном присвоении Бахтиным чужих идей. Бахтин диалогичен не только потому, что для него важна роль диалога, но и по внутренней структуре текстов. Но диалогизм этот носит предельно синкретический характер. Подобная характеристика применима и к опубликованным работам, – мы говорили об этом выше, выявляя внутри текстов Бахтина явное или косвенное наличие философских концептов, идей, интенций.

---

¹ Белов В.Н. Восприятие М.М. Бахтина на западе: несколько общих замечаний. Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 1. С. 93–97

² Франк С.Л. Непостижимое. // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183

Так что в этом смысле, характеризуя значимость рабочих записей в качестве философских, мы все же имеем дело с текстами, пусть и не опубликованными, но являющимися текстами в прямом значении. Отметим, что на эту особенность текстов Бахтина обращал внимание М.Л. Гаспаров: критически оценивая литературоведение Бахтина, он отметил в качестве особенности текстов Бахтина связывать в пространстве своих исследований различные голоса, говоря об «активном отношении к наследству. Вещи ценны не сами по себе, – отмечал М.Л. Гаспаров у Бахтина, – а тем использованием, которое из них делалось и, главное, может быть сделано. (Бахтин называет это «интенциями».) Литературное произведение для него – не слово, а преодоление слова, не то, что захватано прежними работниками, а то, что удалось из этого сделать, несмотря на прежних работников»¹. «Диалогический подход, – резюмирует М.Л. Гаспаров, – это не только гордыня переламывания чужих голосов своей интенцией, это и смиренное выслушивание чужих голосов перед тем, как их переломить»². Заметим, что в рамках небольшой статьи, М.Л. Гаспаров, резюмируя творчество Бахтина общими местами, конечно, не ставил для себя фундаментальной задачи вскрыть внутреннее содержание этих заимствований в попытке обрести целостное понимание мысли Бахтина.

Конечно, тексты «рабочих записей» стоят особняком, при этом представляют собой крайне важное значение как для формирования философского образа Бахтина, так и для возможности более отчетливо сформировать характер мысли Бахтина в поздний период его творчества, наметив здесь как связующие нити с наследием, так и возможные иные темы и идеи, позволившие нам расширить представление о философии Бахтина. Важность осмысления подобных текстов отмечает и М.А. Маслин, говоря, в частности относительно текстов, написанных в Кимрах и Саранске: «Бахтинские архивные

---

¹ Гаспаров М.Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века. // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2. С. 34

² Там же. С. 35

заметки, черновики, наброски и размышления представляют ничуть не меньшую ценность, чем завершённые работы. При всей их незавершённости они углубляют и корректируют другие, более известные дискурсивно проработанные философские идеи мыслителя, и потому эти фрагменты имеют важное значение для целостного понимания творчества мыслителя. Это не какие-то разрозненные конспекты или выписки, вроде «философских тетрадей», но оригинальные авторские высказывания высокого уровня обобщения, обладающие особой эвристической ценностью. Необходима специальная работа по их осмыслению, выражающаяся в отыскании в этом сосредоточении ярких мыслей какого-то внутреннего единства»¹. Предметом же нашего внимания являются поздние записи, объём которых не позволит нам в контексте исследования осмыслить их всесторонне. Затронув по возможности максимальный объём аспектов, для нас, изучая эти записи, первостепенное значение имеет поставить для себя следующую цель. Какое место эти записи занимают в контексте философского наследия Бахтина? Какие имеются в них философские идеи, концепты и интенции, позволяющие дополнить философское содержание наследия Бахтина, а также определить содержание позднего периода его творчества. Как отмечалось, большая часть содержания текстов рабочих записей, – бахтинские, то есть находящиеся на границе между литературоведением и философией. Однако среди прочего, мы находим тему, явным образом не вписывающуюся в привычный круг философских интересов М.М. Бахтина. И прежде всего речь идет о молчании. На феномен молчания в философии позднего Бахтина обращает внимание Н.К. Бонцакая, связываемая ей в контексте «одинокого “я”, “я-для-себя”» и с изменением ракурса зрения в сторону от «я-для-другого»². Мы же рассматриваем

---

¹ Маслин М.А. М. М. Бахтин о серьезности. // Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб.: РХГА, 2017. С. 394

² Бонцакая Н.К. Примечание к фрагментам «Из записей 1970-1971 годов». // Бахтин М.М. Избранное. Том I: Автор и герой в эстетическом событии / Сост Н.К. Бонцакая. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 518.

молчание как одну из форм диалога, явно вытекающей из философии диалога Бахтина¹.

Разворачивая аналитику молчания как антропологического феномена, мы, связывая эту тему с наследием М.М. Бахтина, проясняем и последнее, говоря о нем как об особой форме философской антропологии. Отметим, что на роль молчания в философии М.М. Бахтина обращает внимание В. Подорога, отмечая, что «М. Бахтин учел оппозицию *тишины и молчания*. Но, как мне кажется, эта оппозиция не совсем применима к литературе Достоевского. По сути дела, тишина есть элемент *Реального*, в то время как молчание (относящееся к человеческому молчанию) есть элемент *диалога* (общения двоих). Речь или беседа может перемежаться тишиной и молчанием; если молчание все-таки относится к тем ценностям, которые значимы в ходе общения, то тишина имеет смысл только в случае создания эффекта присутствия. Если так можно сказать – тишина миметична, в то время как молчание антиномично»². В этом смысле, молчание является отражением смыслового пространства, развернувшегося между двумя людьми. Таким же пространством является и любовь. В рабочих записях позднего периода намечается попытка выстроить антропологию уже не на основе литературы, как мы это можем наблюдать, анализируя книгу о Достоевском и отчасти книгу о Рабле, однако на том же диалогическом основании, – онтология человека конституируется по отношению к Другому, и молчание – одна из существенных форм такого отношения, поскольку любое движение, любой шум, по мысли Бахтина, оскорбляет благоговение: «Молчание это не простое неговoreние. Это – выразительное воздержание от человеческого выражения»³. Оно же является следствием благоговения, понимаемой как специфической формы единения. Рядом с темой молчания в текстах Бахтина стоит и тема любви.

---

¹ Маковцев В.С. Феномен молчания в позднем творчестве М. М. Бахтина. Вестник РХГА. 2021, №1. 358-369 с.

² Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019. С. 304

³ Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 376

Тема любви также встречается на страницах «Рабочих записей». Нельзя сказать, что эти записи о любви, в отличие от молчания, раскрывают некоторое оригинальное содержание понимания любви, но нельзя не отметить их общий тон для философско-антропологической риторики: «Любовь стремится к непосредственному соприкосновению двух душ; она стремится к сближению и взаимности. Уважение не требует взаимности и сближения. Уважение возможно к историческому лицу далекого прошлого. Любовь возможна только к действительному другому человеку»¹. Ни из текста о Достоевском, ни из книги о Рабле и ряда других источников, мы не можем составить для себя содержание молчания или любви, как ее мог бы понимать философ М.М. Бахтин. Но напротив, раскрывающееся в поздних записях содержание подобных тем, с большим основанием позволяет «читать» тексты М.М. Бахтина, вписанными в философско-антропологическую парадигму. Так, говоря о любви, стремящейся «соприкосновению двух душ», Бахтин, конечно, находится в присущей его философии диалогизме, при чем персоналистического толка, позволяющего ему не отождествить любовь с иными феноменами, в данном случае с уважением. При этом замечает, что «уважение же, как и любовь, относятся к внутреннему ядру, к внутренней сущности самого человека»². Конечно, Бахтин не выстраивает свою позицию по отношению к любви, делая ее предметом своей «официальной» философии, но примечателен сам факт обращения к этой теме, теме, достаточно традиционной для философии вообще, и русской в частности. Бахтин касался этой темы в ранний период, а именно в «Авторе и герое в эстетической деятельности»: можно переживать любовь другого к себе, можно хотеть быть любимым, можно представлять себе и предвосхищать любовь другого, но нельзя любить себя, как другого, непосредственно»³. Очевидно, взгляды Бахтина не сильно изменились, – для нас же важно здесь схватить это неразрывное единство линии любви как

---

¹ Там же. С. 374

² Там же.

³ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 126

одной из тем, связывающих в единство и целостность философию Бахтина, – разве что можем указать, что в поздних записях любовь, кроме прочего, выстраивается в контексте обращения к осмыслению чувства человека вообще. Помимо любви и уважения, предметом его мысли является изумление, удивление, почтение, и все это в попытке придать смысловое значение: «К сущности всякого чувства принадлежит его непосредственная связанность со своим предметом, единство с ним, в отличие от рассудочного разъединения субъекта и объекта»¹. Непосредственная связанность чувства со своим предметом, очевидно не просто содержание эстетического суждения по Бахтину. Вернее, только к эстетике, в том смысле, в каком ее понимал И. Кант в «Критике чистого разума», чувство явным образом не сводится, но раскрывает место познанию. Бахтин, как известно, не противопоставляет эстетическое и этическое «как взаимоисключающие установки. Эстетическое, с его точки зрения, “предшествует” этическому, но не в значении примитивного, непосредственного отношения к жизни, а как особое видение Другого: посредством принятия и утверждения Другого в акте эстетического видения осуществляется и утверждение себя в поступке»².

Мы говорили об онтологии М.М. Бахтина, в той мере, в которой о ней можно говорить, реконструируя содержание его философии, теперь же проясняется для нас гносеология Бахтина. Внутреннее деление философии Бахтина на составляющие философские дисциплины, – этику, эстетику, онтологию, гносеологию и т.д., – конечно же носит предельно условный характер, поскольку самим Бахтиным не выделяются в качестве составляющих единиц, – несмотря на внутреннюю строгость философского мышления, которому следовал Бахтин, философия его сознательно выстраивается как антисистематическая, поскольку система тяготеет к репрессивно-монологическому стилю мышления. Однако, подобно тому, как мы можем говорить о методе у мыслителей, чье

---

¹ Там же. С. 375

² Волкова Е.В., Богатырева Е.А. В большом времени культуры: М.М. Бахтин // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1991. №1. С. 55

творчество приходится на время задолго до появления философии Ф. Бэкона и Р. Декарта, в творчестве которых понятие о методе становится предметом мышления, также мы можем говорить о системе и систематичности Бахтина. Анализируя единство философской мысли Бахтина, мы пришли к выводу о внутренней взаимосвязанности и взаимозависимости концепций, идей, формирующих «словарь Бахтина», при этом не формируя системы сознательно, ставя перед собой подобную цель. Однако, мы, как читатели и интерпретаторы философского наследия Бахтина, можем говорить о его системе условно, поставив в центр диалогический принцип мышления, подразумевающий принципиальную незавершенность мысли. Говоря же о поздних записях и ключевых идеях в них содержащихся, для нас важно не только обозначить круг этих идей, волновавших Бахтина в поздний период творчества, но показать их органичную связь со всем наследием Бахтина. Опять же, стоит оговориться: мы имеем дело с фрагментами, текстами, предназначенных «для себя», – но что стоит за содержанием этого «для себя», для нас остается в тени. Очевидно, имея дело с текстом, его изначальное предназначение для нас, читателей, не должно иметь решающего значения, – текст входит в пространство нашего осмысления, встраивается в контекст наследия, и этого достаточно для серьезного к нему отношения.

К числу поздних работ М.М. Бахтина также можно отнести одну из ключевых работ философа, посвященных литературоведению, – «Формы времени и хронотопа в романе». Как и в случае с книгой о Достоевском и Рабле, замысел ее был уже готов в конце 1930-х гг. Летом 1973 г. имеющийся обширный текст «обработал, местами сократил, но и существенно дополнил этот текст, разбил его на главы, озаглавил их и весь новый текст и написал ”Заключительные замечания”»¹. Это позволяет очередной раз подтвердить наш тезис о содержании позднего творчества М.М. Бахтина как такого периода, в котором, уже имеющиеся работы, или даже отдельные идеи и интенции, вновь обретают

---

¹ Комментарии. Формы времени и хронотопа в романе. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012. С. 797

актуальное значение для мыслителя, достигая в этот период органичной завершенности, позволяющей связать в единое философское целое корпус текстов Бахтина.

Мы уже говорили выше о том значении, которой придает Бахтин литературе, – она обладает непосредственной связью с объективацией духа человека, будучи едва ли не равной понятию культуры. Хронотоп же «определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности»¹. Бахтин разворачивает обоснование хронотопа в контексте истории романного жанра, однако выводы и следствия, вытекающие из его анализа, существенно шире, чем только отражение внутреннего содержания литературы. Хронотоп встречи и связанный с ним хронотоп дороги, не мыслим вне контекста идеи полифонизма, характеризующейся переплетенностью идей, единство которых образует смысловые пространства: «здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы»². В этой связи хронотоп не мыслим вне антропологического контекста: вся жизнь человека как поступание в бытии, обладает ценностным значением в контексте встречи с Другим. Смысловое пространство, образуемое переплетением различных судеб, переплетением Я и Другого, как результат встречи наделено ценностным содержанием. Онтологически первично такое событие, конечно, – событие реальной встречи. Встреча это всегда столкновение человека с человеком, форма диалога, и результат поступка. Как пишет о встрече митрополит Антоний Сурожский, «есть встречи животворные, есть встречи терзающие и убийственные. Но как бы то ни было, в каждой настоящей встрече нам дано прозреть что-то в человеке, что не есть тьма, а есть истинный человек в нем. Иначе встреча не состоялась»³.

---

¹ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012. С. 489

² Там же. С. 490

³ Митрополит Сурожский Антоний. О встрече. Изд. 2-е, испр. и дополн. - Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2004. С. 125

Бахтин, говоря о метафоре дороги как форме хронотопа, подчеркивает, что она «разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени»¹. Это и позволяет говорить о ней в антропологическом контексте. Таким образом, хронотоп – это частный случай философии Бахтина, органично связанный с элементами его системы, и мыслимый шире, чем только литературоведческая теория, и проясняющая свое содержание в контексте всей философии Бахтина. Хронотоп во многом семиологическое понятие, позволяющее обозначать присутствие человека в его символическом выражении через явления пространственного мира, – так, скажем, понятие дороги только и возможно концептуально вывести, поскольку онтологично первичнее дана сама жизнь, разворачивающаяся в пространстве. Понятие дороги не мыслимо вне контекста пути, разворачивания в пространстве, объективации духа, понятия цели, а также истока, изгнания и возвращения. Бахтин обнаруживает эти смысловые узлы в художественном тексте, разворачивая историю романного жанра, однако, очевидно, свести подобные выводы только к внутреннему содержанию художественного текста невозможно, без сильного упрощения концепции хронотопа.

К числу тем, с которыми мы сталкиваемся в поздний период М.М. Бахтина следует отнести тему серьезности. Ей посвящена статья М.А. Маслина², в которой также высказывается идея взаимообусловленности ключевых тем философии М.М. Бахтина. Генеалогически тема серьезности появляется в диалектическом контексте темы карнавала. Однако здесь она приобретает самостоятельный характер в качестве категории, «которая наложила свою печать на творчество Бахтина, отразила общее экзистенциальное состояние человека, пережившего арест, тяжелую болезнь и казахстанскую ссылку, мыслителя, зажатого в тисках

---

¹ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012. С. 490

² Маслин М.А. М. М. Бахтин о серьезности. // Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб.: РХГА. 2017.

официальной серьезности и лишено возможности публиковаться»¹. Но в широком смысле она есть ничто иное, как форма официальной культуры, в которой все расписано, нормировано и определено. Серьезность задает официальные границы культуры, оставляя на периферии культуру «карнавала», культуру в ее естественном проявлении. Фактически об этом пишет М.Ю. Лотман, подчеркивая, что официальная культура, пронизанная серьезностью, обречена рано или поздно столкнуться с невозможностью развития: в центре культурного пространства участки семиосферы, поднимаясь до уровня самоописания, приобретают жестко организованный характер и одновременно достигают саморегулировки. Но одновременно они теряют динамичность и, исчерпав резерв неопределенности, становятся негибкими и неспособными к развитию»². В задачи Бахтина не входило показать то, как это делает Лотман, а именно подробно анализируя как на семиологическом уровне изначально являвшееся принадлежностью маргинальных форм культуры, становится частью культуры официальной. Тем не менее очевидно, что анализ карнавальной культуры Бахтина задает семиологическое направление мысли. М.А. Маслин, говоря о серьезности, подчеркивает ее связь с карнавалом через введение хронотопа в суждения об официальной серьезности, свидетельствующее «о чертах активного персонализма, присущих философии Бахтина... Хронотоп это ”очеловеченное пространство”, имеющее свою топографическую символику (“верх, ”низ“, ”порог“ и др.)»³, что в свою очередь вновь нас наталкивает на семиологические поиски М.Ю. Лотмана, утверждавшем, что «всякое существование возможно лишь в формах определенной пространственной и временной конкретности»⁴, и что в контексте философии М.М. Бахтина являющиеся на идейном уровне производными. М.А. Маслин также обращает внимание, что одни из истоков

---

¹ Там же. С. 395

² Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. С. 179

³ Маслин М.А. М. М. Бахтин о серьезности. // Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб.: РХГА. 2017. С. 398

⁴ Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. С. 176

темы серьезности у М.М. Бахтина является анализ сатиры, являющейся «также и первоисточником неофициальной серьезности, поскольку выполняет двуединую задачу – осмеяния и одновременно утверждения нового»¹. Это важное замечание позволяет не только обратить внимание на генезис идей Бахтина, но подчеркнуть литературософский характер его мысли.

Этический пафос рабочих записей позднего периода творчества М.М. Бахтина, темы, заявленной еще в раннем его творчестве, является одним из тех моментов, который позволяют нам наметить общими контурами движение к раскрытию понимания содержания, специфики и ценностного момента позднего периода творчества М.М. Бахтина, а именно в позднем творчестве мысль Бахтина возвращается к своему истоку, словно смыкаясь, проясняя содержание всего предыдущего опыта. Это возвращение к началу не является попыткой пересмотреть ранее обозначенные темы, что позволило бы если не перечеркнуть, то поставить под сомнение ключевые темы, разрабатываемые Бахтиным до 1960-х гг. Поздний Бахтин не перечеркивает раннего, а его возврат к истоку есть органичное развитие Бахтинской мысли, проясняющейся в условиях, при которых корпус текстов Бахтина мыслится как единое целое, что невозможно без допущения наличия в них философского содержания. Бахтин, являясь автором «полифонизма», применительно к жанровой особенности творчества Достоевского, оказывается и сам полифоничен, и именно в поздний период творчества, глядя как на опубликованные при жизни работы, но и в не меньшей мере на черновые и рабочие записи, проясняющие вовлеченность мысли Бахтина в живой философский опыт, связывающий его с мировой философской мыслью.

---

¹ Маслин М.А. М. М. Бахтин о серьезности. // Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб.: РХГА. 2017. С. 399

Заключение.

Наше исследование началось с прояснения содержания понятия «позднего творчества М.М. Бахтина», – понятие, которое в исследовательской литературе встречается редко, и тем более до сих пор являвшимся не только не решенным, но и не поставленным. Поднимая вопрос о позднем периоде творчества Михаила Михайловича Бахтина, мы раскрыли содержание нашего предмета с нескольких сторон таким образом, что перед нами раскрывалась если не полнота его философского мышления в контексте его времени (и прежде всего 1960-х гг., – одного из самых интересных, насыщенных на события и ожидания периода отечественной истории, вне контекста чего рассматривать позднюю мысль Бахтина, конечно, было бы не возможно), то наметились пути, позволяющие решить проблему единства и целостности наследия Бахтина. Мы не ставили перед собой задачу показать философскую связь между корпусом текстов, но, ставя задачу показать содержание понятия позднего творчества Бахтина, мы столкнулись с проблемой наличия внутреннего единства его философии. Таким образом, мы пришли к пониманию герменевтики Бахтина. Мы показали, что содержание понятия «позднего творчества М.М. Бахтина» неразрывно связано с его «интеллектуальной реабилитацией», возвращением в большое интеллектуальное пространство с последующей прижизненной мировой известностью. А также параллельно и взаимообусловлено с публикацией второго издания книги о Достоевском. Последнее вынуждает нас заострить внимание на роли творчества Достоевского в позднем творчестве Бахтина. Тексты Бахтина объединены не только именем их автора, – внешним образом по своему формальному содержанию предметом его творчества является литература, понимаемая в самом широком смысле слова, вплоть до едва ли не тождества с понятием мировой культуры, – но и скрытым единством замысла, раскрывающимся только при определенном угле зрения на наследие русского мыслителя. Мы показали, насколько сложным и неоднородным было «интеллектуальное возвращение» Бахтина в начале 1960-х гг., что связано со

вторым изданием книги о Достоевском, которое в качестве введения к собранию сочинений Достоевского на итальянском языке, планировалось для публикации в итальянском издательстве. В центре же этого возвращения в контексте объекта исследования Бахтина, оказывается творчество Ф.М. Достоевского. Однако не только позднее творчество Бахтина пронизано фигурой Достоевского, но именно в этот период оно достигает своей логической завершенности. Как мы это убедительно показали, и все творчество Бахтина в его целом так подчинено ключевым темам, поднимаемым Бахтиным в книге о Достоевском. Мы отметили, что оно не сводится только к двум публикациям – «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Проблемы поэтики Достоевского» (1963), являющимися в сущности двумя разными книгами, – но и ряд поздних заметок, статей и интервью, затрагивающих творчество Ф.М. Достоевского, также раскрывает для нас мысль М.М. Бахтина о Ф.М. Достоевском, о философском содержании его творчества, выходящим за пределы формальных тем, раскрываемых в творчестве Достоевского, и также осмысливаемые в контексте философии. М.М. Бахтин удваивает философское содержание творчества Ф.М. Достоевского, проясняя его внутреннюю структуру. Именно поэтому творчество М.М. Бахтина, в первых рецепциях во Франции воспринималось в контексте структурализма. Но схожее не всегда тождественное, и М.М. Бахтин, конечно, не был структуралистом, равно как и постструктуралистом, о чем в нашем исследовании мы подробно говорили. Однако и более ранние тексты, не только 1940-1950-хх, но и 1920-х гг. до публикации в 1929 г. книги о Достоевском, также содержат темы, идеи и интуиции, раскрываемые или впоследствии дополняемые Бахтиным в исследованиях, посвященных Достоевскому.

Придя к выводу, что позднее творчество Бахтина есть ничто иное, как достигнутая полнота его философии, имеющая прямое логическое и онтологическое единство со всем корпусом текстов, мы поставили вопрос о роли и характере его философии в контексте русской и мировой философской мысли, а также обосновали характер философии Бахтина, обозначив ее как

литературософия. Вывод, сделанный нами, окажется невозможным, если не учитывать, что именно в поздний период творчества Бахтиным обосновываются теоретические положения литературы, способствующие подобному выводу. А также то обстоятельство, что в «Проблемах поэтики Достоевского» происходит органичный синтез двух ключевых предшествующих работ – книги о Достоевском (1929) и книги о Рабле (1940). На концептуальном же уровне речь идет о теоретическом синтезе диалога и карнавала.

Задавшись вопросом о теоретическом раскрытии понятия «позднего творчества М.М. Бахтина», мы также не могли обойти внимание и проблему периодизации вообще, и творчества М.М. Бахтина в частности. Этому была посвящена третья глава. Мы проанализировали имеющиеся в исследовательской литературе попытки говорить о периодизации творчества М.М. Бахтина, и сделали вывод о возможных сценариях, которые, в общем, применимы для изучения творчества любого мыслителя. Можно говорить о биографической периодизации, самой формальной, объективной, но при этом лишенной концептуальной значимости. Либо, взяв за основу идею, во круг которой разворачивается мысль философа, говорить о концептуальной периодизации. Такой идеей может быть как отдельная идея, так и конкретный текст или их корпус. Однако в случае с Бахтиным и подобная периодизация оказалась не совсем убедительной поскольку творчество Бахтина не однородно, его идеи подчинены друг другу, и говорить о его центре можно с известной долей условностью. Даже такое понятие как диалог, которое можно назвать одним из ключевых понятий, не может быть исключительным, что позволяет описать его в модусе поступка – в контексте раннего творчества, а также в модусе карнавала, – в контексте позднего творчества. Не говоря уже о том обстоятельстве, что М.М. Бахтин как предмет изучения в большей мере привлекает внимание филологов и литературоведов в то время, как мы убедительно показали, что для полноценного понимания его текстов необходимо владеть историко-философской базой, и не только русской философии, но и мировой, в том числе современной М.М.

Бахтину. В попытке концептуализировать философию Бахтина в его единстве и целостности как философское по преимуществу, мы обосновываем его в логике герменевтики. И речь идет не только о философской герменевтике Бахтина, теоретических построений которых он нам не оставил, при том, что при определенном анализе мы можем говорить о ее наличии в его текстах, но также о герменевтике его творчества как целом. Именно это позволяет нам связать в единство и целостность философскую мысль Бахтина, достигшую в поздний период творчества логической полноты. Удивительным образом, философия Бахтина, будучи нацеленной на бесконечность, принципиальную незавершенность, – незавершимо познание, незавершим диалог, незавершим роман как жанр, литература, и, в конечном счете, не завершим и сам человек, – но именно в позднем творчестве мы сталкиваемся с концептуальной завершенностью этой принципиальной бесконечности, не дурной, но предельно продуктивной и нацеленной на понимание по преимуществу.

Поздний период творчества М.М. Бахтина это сложное, многоуровневое явление, аналогов которому в истории философии сложно было бы найти. В нем сплетены как сложные исторические узлы, позволяющие говорить об интеллектуальной реабилитации мыслителя в 1960-х гг., так и сложное философское содержание его наследия, достигающее логической завершенности и полноты в поздний период творчества, понимание которого проясняет содержание и интенциональность предшествующих периодов. Таким образом, проясняя содержание позднего периода М.М. Бахтина, мы также прояснили внутреннее содержание его философии, понимаемой как целостное, органичное явление. При этом философии, предметом мышления которого выступает литература в самом широком смысле слова. Она не была для М.М. Бахтина островом спасения, на котором он в сложившихся политических условиях мог сохранить преданность делу мысли, но целью, позволяющей реализовать философский потенциал мыслителя, что позволило нам говорить о Бахтине как о представителе литературософии, а не о специфической форме литературоведения.

Мы прояснили его историческое и философское содержание, что оказалось возможным только при условии целостного понимания философии Бахтина. При том, что М.М. Бахтин как философ не ставил перед собой задачи создать целостную, законченную систему на подобии тех, что мы можем обнаружить в наследии классиков философской мысли, при том, что он был против всякой системы как того, что содержит в себе монологический стиль мышления, философия Бахтина внутренне строга и подчинена ключевым принципам, отражающимися в каждом ее элементе, что позволяет говорить о ее структуре как полифонической. Полифоническая структура философии Бахтина внешне лежит на поверхности, однако нуждается в логическом обосновании, поскольку, задавая логику структуры философии Бахтина, мы фактически ее реконструируем, поскольку сам Бахтин не ставил перед собой такую задачу. И более того, несмотря на внутреннюю строгость текстов Бахтина, сам мыслитель был против системности и систематической философии. Вводя же полифонию в отношении к самому Бахтину, мы, тем самым, вводим ее в качестве такой системы, пусть и в ее специфическом виде.

Таким образом, задачи, поставленные в нашем исследовании, были решены, а также были прояснен ряд моментов, в том числе носящих методологический характер. Сформулировав проблему в нашем исследовании, мы получили ответ в виде построения целостного образа философии М.М. Бахтина, с его внутренней, присущей ему логикой, наличие которой, достигая полноты в позднем периоде, прослеживается на протяжении всего творчества мыслителя.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. М.; Наука, 1992.
2. Аверинцев С.С. Личность и талант ученого. // М.М. Бахтин. [Под ред. В.Л. Махлина]. – М.: РОССПЭН, 2010.
3. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон. Бахтин. Лотман. Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009.
4. Антропова Н.К. Генезис диалоговых отношений: от Франка до Бахтина. // М.М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века. Тез. докл. III Саран. междунар. Бахтинских чтений: В 2 ч. Ч. 1. Изд-во Мордов ун-та, 1995.
5. Аристотель. Поэтика. // Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000.
6. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари, 2003.
7. Бахтин М.М. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе // Русская словесность. 1994. № 2.
8. Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Достоевскому». // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.
9. Бахтин М.М. Из белой рукописи «Заключения». // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур.
10. Бахтин М.М. К истории типа (жанровой разновидности) романа Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари. 1997.
11. Бахтин М.М. К философии поступка. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2003.
12. Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: античность, средние века: (в записи В.А. Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В. Ключевой, Л.М. Лисуновой. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999.

13. Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур.
14. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира». // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.
15. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.
16. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2000.
17. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. – Киев, Next, 1994.
18. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур. 2002.
19. Бахтин В.В. Репортаж о встрече с Исааком Ильичом Ландо, коллегой и другом М.М. Бахтина // Антология современной русской философии. Сер. «Русское философское наследие» Москва, 2021. 514-519 с.
20. Бахтин М.М. Роман, как литературный жанр. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012.
21. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010.
22. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012.
23. Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма (1940). // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008.
24. Бахтин М.М. Эпос и роман. // М.М. Бахтин. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000.

25. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
26. Белов В.Н. Восприятие М.М. Бахтина на западе: несколько общих замечаний. Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 1. С. 93–97
27. Бердикова А.Ю. «Назад к Канту» или «Назад к Лейбницу»? Критический взгляд из истории русского метафизического персонализма // Кантовский сборник. 2017. №2. 33 – 45 с.
28. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. // Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016.
29. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996.
30. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991.
31. Библер В. С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., Политиздат, 1975.
32. Бонецкая Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
33. Бонецкая Н.К. М.М. Бахтин (статья для энциклопедии «Культурология»). // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
34. Бонецкая Н.К. Бахтин и Бердяев о Достоевском. // Звезда, №9, 2020.
35. Бонецкая Н.К. М. Бахтин и идеи герменевтики. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016
36. Бонецкая Н.К. К сопоставлению двух редакций книги М. Бахтина о Достоевском. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016
37. Бонецкая Н.К. О философском завещании М. Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетейя, 2022.
38. Бонецкая Н.К. О стиле философствования М. Бахтина. // Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

39. Бонеецкая Н.К. Примечание к фрагментам «Из записей 1970-1971 годов». // Бахтин М.М. Избранное. Том I: Автор и герой в эстетическом событии / Сост Н.К. Бонеецкая. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
40. Бонеецкая Н.К. Проблема авторства в трудах М.М. Бахтина. // Бонеецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
41. Бонеецкая Н.К. Философия диалога М. Бахтина. // Бонеецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
42. Бочаров С.Г. Событие бытия. // Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
43. Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина. // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. Ред и сост. В.Л. Махлин. – М.: Языки славянских культуры, 2004.
44. Бройтман С.Н. «Диалог» и «монолог» – становление категорий. // Бахтинский тезариус. Материалы и исследования. Сборник статей. М.: РГГУ, 1997.
45. Бубер М. Диалог. // Бубер М. Два образа веры: перд с нем. / Под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – М.: Республика, 1995.
46. «Будет новая книга» // Сов. Мордовия. 1966. 13 февраля
47. Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «Спорных текстов» в российской бахтинистике (М. М. Бахтин и его соавторы) // ИТС. 2003. №3. С. 121–129.
48. Васильев Н.Л. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. – М.: Книжный дом «Либриком», 2013
49. Волкова Е.В. Встреча искусства с эстетикой. О философских проблемах диалога искусства и эстетики в XX веке. – М.: Современные тетради, 2005.

50. Волкова Е.В., Богатырева Е.А. В большом времени культуры: М.М. Бахтин // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1991. №1.
51. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного /Пер. с нем. М.: Искусство, 1991.
52. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного /Пер. с нем. М.: Искусство, 1991.
53. Гаспаров М.Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века. // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2.
54. Гоготишвили Л.А. Библер, Бахтин и проблема автора. // Вопросы философии. 2008, №9. 83 – 110 с.
55. Гоготишвили Л.Г. Варианты и инварианты М. М. Бахтина. // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2.
56. Гачев Г.Д. Бахтин // Гачев Г.Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: «Новости», 1991.
57. Гачева А.Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX- первой трети XX века. // Литературоведческий журнал. 2002. №16. С. 18 – 96
58. Гуревич П.С. Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.– М.: Наука, 1992.
59. Гусейнов А.А. М.М. Бахтин: нравственная философия поступка. // М. М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25-26 нояб. 2015 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016.
60. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2010.

61. Гуссерль Э. Логические исследования. Том второй. Часть первая. Исследования по феноменологии и теории познания. // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
62. Гюнтер Х. М. Бахтин и «Рождение трагедии» Ф. Ницше. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992, №1. С. 27-34.
63. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. —М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
64. Дильтей В. Сущность философии. М.: «Интрада», 2001.
65. Димитров Э. Достоевский и Лосев: к вопросу об общении в «Большом времени». // Достоевский. Материалы и исследования. Том. 19. СПб.: Наука, 2010.
66. Долгорукова Н.М. Автор в эпоху смерти автора: Юлия Кристева в поисках Михаила Бахтина. // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2019, №3, т. 2. С. 48 – 58
67. Долгорукова Н.М. Стратегии рецепции М.М. Бахтина в СССР. К постановке проблемы. // Новый филологический вестник. 2017. №1 (40). С. 20-33
68. Достоевский. Материалы и исследования. Том 1. Л.: Наука, 1974.
69. Иванов Вяч. Достоевский и роман трагедия. // Иванов В. Собрание сочинений. Том IV. Брюссель.: Foyer Oriental Chretien. 1987.
70. Исупов К.Г. От эстетики жизни к эстетике истории (Традиции русской философии у М. М. Бахтина). // М. М. Бахтин как философ / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. М.; Наука, 1992.
71. Исупов К.Г. Уроки Бахтина. // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001.
72. Искусство. Витебск, 1921. № 1.
73. Каган Ю. М. О старых бумагах из семейного архива // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1.

74. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. – М.: Водолей, 2019.
75. Кожев А. Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля. // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: «Наука», 2013.
76. Кожин В.В. «Литература и литературоведение». Статья о необходимости переиздания книги Бахтина, М.М. о Достоевском. // Литература и жизни. 16 марта 1962. №32.
77. Кожин В. К читателям. // М.М. Бахтин. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000.
78. Кожин В. М.М. Бахтин. Выступление в Московском государственном университете 27 октября 2000 г. URL: <http://www.pereplet.ru/text/bahtin105.html> (дата обращения: 17.02.2022)
79. Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина// Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004-2009. М.: Русский путь, 2011.
80. Колчин В.Г. Борьба сознания персонажей как основа карнавальности ранней прозы Достоевского. Новый филологический вестник. 2020. №1(52). С. 16–26
81. Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002
82. Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры. 2012.
83. Комментарии. «Слово в романе». // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012.
84. Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1997.

85. Комментарии. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур, 2002.
86. Конеген С. «Я был в СССР персоной нон грата». Разговор с Витторио Страда, часть 2. Радио свобода, 8 мая 2018. URL:<https://www.svoboda.org/a/29210390.html> (дата обращения: 17.02.2022). Радио «Свобода» внесено в реестр иностранных СМИ, выполняющих функции иностранных агентов.
87. Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993.
88. Коровашко А.В. Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017.
89. Котрелов Н. К проблеме диалогического персонажа (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов). // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М.: Русские словари, 1999
90. Крупнин Г.Н. Археология русской философии. // Метафизические исследования. Вып. 1. СПб.: Алетейя, 1997. с. 75 – 93
91. Кусенко О.И. Итальянская историография русской философии. // Русская философия за рубежом: история и современность: коллективная монография, под ред. проф. М.А. Маслина. Москва : КНОРУС, 2017.
92. Лаптун В.И. М. М. Бахтин в Саранске: 1936 – 1937 гг. // М. М. Бахтин: черты универсализма. Материалы, исследования, переводы. К столетию со дня рождения М.М. Бахтина (Проблемы бахтинологии. Вып. III) / Ред. К.Г. Исупов; ответ. за выпуск. В.В. Бахтин. СПб. – М.: Институт деловых коммуникаций, 2011. 70 – 81 с.
93. Лаптун В. И., Юрченкова Т. Г. Хронологический указатель к биографии М. М. Бахтина (проект) // М. М. Бахтин в зеркале критики. М., 1995.
94. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014.
95. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения/Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998.

96. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.
97. Маковцев В.С. Феномен молчания в позднем творчестве М. М. Бахтина. Вестник РХГА. 2021, №1. 358 – 369 с.
98. Маслин М.А. М. М. Бахтин о серьезности. // Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб.: РХГА. 2017.
99. Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство. // Махлин В.Л. Большое время: подступы к мышлению М.М. Бахтина. red. Roman Mnich i Roman Bobryk. – Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015.
100. Махлин В.Л. «И я есмь»: персональность в дискурсах М.М. Бахтина. // Махлин В.Л. Большое время: подступы к мышлению М.М. Бахтина. red. Roman Mnich i Roman Bobryk. - Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015.
101. Махлин В. Л. Наследие М. М. Бахтина в контексте западного постмодернизма / В. Л. Махлин // М. М. Бахтин как философ. – М. : Наука, 1992.
102. Махлин В.Л. Невельские осколки. // Махлин В.Л. Большое время: подступы к мышлению М.М. Бахтина. red. Roman Mnich i Roman Bobryk. - Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015.
103. Махлин В.Л. Наследие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине. // Вопросы литературы, №6, 2016.
104. Межуев В.М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире. // Вопросы философии. 2011. – № 9. С. 65-73.
105. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
106. Митрополит Сурожский Антоний. О встрече. Изд. 2-е, испр. и дополн. - Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2004.
107. Молот. 1918. 3 декабря.
108. Молот. 1919. 27 мая.

109. Мочалов Е.В. М.М. Бахтин: из Саранска в Москву. // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом: Сборник научных статей, посвященный 70-летию. Кафедры истории русской философии / Под общ. Ред. В.А. Кувакина и М.А. Маслина; составитель М.А. Маслин. – М.: издательством Московского университета, 2013.

110. Никонов А.Н. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 1. С. 20 – 24.

111. Новикова Л.И. К методологии гуманитарного познания. // М. М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.— М.; Наука, 1992.

112. О жизни и философии. Беседа Б.И. Пружинина с В.А. Лекторским. Вопросы_философии.URL:http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=579 (дата обращения: 21.06.2022)

113. Окроков В.Б. Бахтин и Хайдеггер в диахронно-антропологическом измерении мышления // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. №1 (33). 31 – 37 с.

114. Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. – Москва: Издательство Московского университета, 2009.

115. Паньков Н.А. Главы из книги о М.М. Бахтине. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2018 № 1 (45).

116. Паньков Н. А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее...» (защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2-3. С. 29 – 55

117. Пашков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

118. Петрилли С. Бахтин, прочитанный в Италии. // М.М.Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.Бахтина в контексте мировой культуры. СПб.: РХГИ, 2002. Т.2. С. 361–382

119. Письма М. М. Бахтина // Литературная учеба. 1992. № 5 – 6.

120. Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. – М.: «Рипол классик» / «Панлогос», 2019.
121. Попова И.Л. Мениппова сатира как термин М.М. Бахтина. // Михаил Михайлович Бахтин. / М.М. Бахтин; [под ред. В.Л. Махлина]. М.: РОССПЭН, 2010.
122. Приложение. Заключительное слово М. М. Бахтина на обсуждении доклада «Роман, как литературный жанр» 24 марта 1941. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 6. М.: Русские словари, 2012.
123. Приложение. История «Рабле»: 1930-1950-е годы. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008.
124. Пружинин Б.И. Рецензия на книгу Н.С. Автономовой «Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров». // Вопросы философии. 2010, № 5. 178 – 184 с.
125. Пущаев Ю. В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал | Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 102-118.
126. Салицони Роберто. Михаил Бахтин, автор и герой. Перевод с ит. В. Н. Белова. Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ. 2017. Т. 21. № 1. С. 98 – 108.
127. Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Мол. Гвардия. 1981.
128. Сербиненко В.В. О присутствии и отсутствии русской метафизики // Вопросы философии. 2017. № 8. 131 – 145 с.
129. Соловьев Э. Ю. Попытка обоснования новой философии истории в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера / / Новые тенденции в западной социальной философии. М., 1988.
130. Сыродеева А.А. Полифония как принцип целостности. // Вопросы философии. 2008, №3. 172-175 с.
131. Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция – М.: Изд-во Кулагиной, 2011.

132. Томсон К. Бахтин во Франции и Квебеке. // Михаил Бахтин: Pro et contra. Т.2. СПб.: РХГИ, 2002.
133. Турбин В.Н. У истоков социологической поэтики. // М.М. Бахтин как философ/С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. – М.; Наука, 1992.
134. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола»). // Вопросы философии. №9, 2009. 56-96 с.
135. Фокин С. «Подполье» Юлии Кристевой, или Достоевский как панацея от пандемии (Рец. на кн.: Kristeva J. Dostoïevski: Pages choisies. P., 2019) // Новое литературное обозрение.2021,№1.URL:https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23165/ (дата обращения: 17.02.2022)
136. Фортунатова В.А. Бахтинский текст как модель гуманитарного возрождения. // М. М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25 – 26 нояб. 2015 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 22-28 с.
137. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, Ч.1. 1989.
138. Франк С.Л. Непостижимое. // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990.
139. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: «Наука», 1995.
140. Фридендер Г.М. Достоевский в эпоху нового мышления. // Достоевский. Материалы и исследования. Том 9. Л.: Наука, 1991.
141. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
142. Хайдеггер М. Исток художественного творения. // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А.В. – М.: Академический проект, 2009.

143. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
144. Хронологический указатель к биографии М. М. Бахтина: (Проект) // М. М. Бахтин в зеркале критики.
145. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.
146. Эль-Муалля С. А. Беседа с Юлией Кристевой // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина. 1995, № 2. С. 5–17
147. Bakhtin, Mikhail Mikhailovich // The Cambridge Dictionary of Philosophy. 3rd Edition. Cambridge University Press. 2015. P. 85
148. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton, Princeton University Press; Revised edition. 2000. – 296 p.
149. Kristeva J. Dialogisme, carnivalesque et psychanalyse: entretien avec Julia Kristeva sur la réception de l'oeuvre de Mikhaïl Bakhtine en France // Recherches Semiotic. Sémiotiques Inquiry. 1998. Vol. 18. № 1/2. P. 15—29.
150. Li H. Bakhtin's Evolving Relationship with 19th Century Russian and Christian Philosophies on Unity and Individualism. // Философский полилог. 2020. Выпуск 2 (8).
151. Morson G. S., Emerson C. Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics. Stanford Univer. Press., California, 1990. P. 17-38
152. Pape C. Husserl, Bakhtin, and the other I. or: Mikhail M. Bakhtin – a Husserlian? // HORIZON. Studies in Phenomenology 5 (2). 271-289 p.
153. Renfrew A. Mikhail Bakhtin. Routledge, 2015 - Literary Criticism. 185 p.
154. Strada V.: Tra romanzo e realita: storia di una rificazione critica // Michail Bachtin: Tolstoj a cura di Vittorio Strada. Bologna, 1986.

Архивные записи

1. Барт Р. Письмо к Бахтину М.М. 4 февраля 1967. Париж. // ОР РГБ Ф. 913, к. 6, ед. 17. 1 л.
2. Бахтин М.М. Дополнения и исправления к работе «Проблемы поэтики Достоевского. 1960-е. // ОР РГБ Ф.913, к. 39, ед. 11
3. Бахтин М.М. Издательский договор с Государственным издательством художественной литературы об издании книги «Франсуа Рабле». 1963 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 4, ед. 7.
4. Бахтин М.М. Издательский договор с издательством «Советский писатель» об издании книги «Проблемы поэтики Достоевского». 1962 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 4, ед. 6
5. Бахтин М.М. Перечень страниц из издания 1929 г. книги о Достоевском, на которых необходимо заменить слово «интенция». 1960-е. Автограф. // ОР РГБ. Ф.913, ед. 39, к. 13. 2 лл.
6. Бахтин М.М. Письмо к Барту. 1970-е. Черновое. // ОР РГБ Ф.913. к.5, ед. 5.
7. Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 17 ноября 1963. // ОР РГБ Ф.913, ед. 6, к. 38 л.8
8. Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 4 мая 1963 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 6, ед. 38, л.18
9. Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 5 октября 1963 г. // ОР РГБ Ф.913, к. 6, ед. 38, л.32
10. Высшая аттестационная комиссия. Выписка из протокола об отклонении ходатайства Бахтина М.М. о присуждении ученой степени доктора филологических наук. 29 апреля 1951. Москва. // ОР РГБ Ф.913, к. 2, ед. 29.
11. ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Редакция сборников «Достоевский. Материалы и исследования». Письмо к Бахтину М.М. 20 мая 1968 г. Ленинград. Машинопись с подписью Г. Фридлиндера. // ОР РГБ Ф. 913, к. 8, ед. 28.

12. Кожин В.В., Бочаров С.Г. и др. письмо в дирекцию Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, 20 декабря 1960 г. // ОР РГБ Ф. 913, к. 9, ед. 21. л. 7
13. Кожин В.В. Письмо в правление издательства «Советский писатель» (о целесообразности переиздания книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского»). 25 мая. 1961 г. // ОР РГБ. Ф. 913, к. 48, ед. 25.
14. Кожин В.В. Письмо к председателю правления издательства «Советский писатель» (о необходимости переиздания книги Бахтина М.М. о Достоевском. 1961 г. Черновой автограф. // ОР РГБ. Ф.913, к. 48, ед. 21. 1 л.
15. Кожин В.В. Рецензия на книгу Бахтина М.М. «Проблема творчества Достоевского» (о необходимости переиздания). 1961. Черновой автограф. // ОР РГБ. Ф.913, к. 48, ед. 24. 6 лл.
16. Подгужец З. Письмо к Бахтину М.М. 11 декабря 1970. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 12, к. 24.
17. Письмо к М.М. Бахтину от итальянского издательства Giulio Einaudi Editore. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 8, к. 14.
18. Письмо к М.М. Бахтину С.Г. Бочарова 12 ноября 1960, подписанное сотрудниками Института Мировой литературы. ОР РГБ Ф. 913, ед. 9, к. 21. л. 1-2.
19. Свидетельство о смерти, выданное отделом ЗАГС Фрунзенского района Москвы. 7 марта 1975 г. // ОР РГБ Ф. 913, ед. 4, к. 50.
20. Фридендер Г.М. Отзыв о работах М.М. Бахтина – представление на Государственную премию. 6 марта 1971 г. // ОР РГБ Ф. 913, к.52, ед. 12.
21. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. р - 546, оп. 1, д. 228, л. 41-44
22. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. р - 546, оп. 1, д. 322, л. 102